

Kmetijske in rokodelske Novice.

Na svitlobo dane od c. k. krajnske kmetijske družbe.

Tetra VI.

V sredo 26. maja leta 1848.

List 17.

Svobodni Lenart.

Lajsa, juhe! zdaj Lenart,
Od zjatrej do večera uka,
Ne vê kak stavitî klubuk;
Prisvitala svobodnost je'
Jo počastiti' se ôe na'
De sam domâ ne m'
Pa kaj mu m'

Brez dela — Le
Ko limbar tudi
In kakor pitje!
Drugac prikaz
On stergan je
In lakot kruli
Pa kaj m'

Zdaj desetina
In preô bo tlač
Pa tudi žep je
Gotov je skusin,
»Lenoba da dobi,
»Le dolgov več i
Pa kaj mu ma

Vse javno posihmal b.
Od sleherniga govorili,
Slobosti bližnjega odkriti;
Ali slabô se je Lenart vječ.
Kér brez nehaja jezik bruki
Klobas si vročih herhet skusi.
Pa kaj mu mar? — Saj prost je za...

Zdaj vino, sol in tud duhán
In vsaka reč bo v taki ceni,
De niô nam kupa več ne greni.
Ali Lenart plačat niô ni v stan'
po hohni dolgi se glasijo,
In od posentva ga podiho.

Zdravljica.

Prijâli! odrodile
terte vince nam sladký,
Ki nam oživlju žite,
razjasni in okó,
Ki vtoplí
Vse skerbi,
versih up budí!

pred veselo
tje! čmo zapét?
am ikčela,
ivenski svet,
vse,
is je
atere!

e z oblikov
treši gróm;
e bil otikov,
Slovencov dóm;
zdrobě
ih rokó
i jim še težé!

nost, srča, správa
a naj nazú se vérnejo;
Otrôk, kar ima Sláva,
vsi naj si v rôke sézejo,
De oblast
In z njô časť,
Ko pred, spet násä boste lást?

Bog živi vas Slovénke,
Prelópe, žláhtne rózice;
Ni také je mladenečke,
Ko náše je kervi dekľe;
Naj sinúv

СЛОВЕНЦЫ РЕВОЛЮЦИЯ

1848—1849 гг.

Российская академия наук
Институт славяноведения

Л.А.КИРИЛИНА

**СЛОВЕНЦЫ И РЕВОЛЮЦИЯ
1848–1849 гг.**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В.И.Фрейдзон

Москва
2000

Рецензенты:

*доктор исторических наук
кандидат исторических наук*

*С.И. Данченко
Л.В. Кузьмичева*

Книга Л.А.Кирилиной – первая в российской историографии монография, посвященная событиям революции 1948 г. в словенских землях. Автор исследует различные стороны жизни словенцев в этот период, прежде всего их отношение к двум главным вопросам революции – крестьянскому и национальному. Основное внимание в книге уделяется эволюции идеологии словенских национальных деятелей.

ВВЕДЕНИЕ

Полтора века минуло с той поры, когда революция 1848–1849 гг. потрясла Европу. Она смела феодальный строй, проложив путь буржуазной модернизации и демократизации многих европейских государств. Для народов Центральной Европы революция впервые подняла вопрос политического самоопределения наций. Борьба за объединение Германии, Италии, Польши хоть и не увенчалась тогда успехом, однако в целом существенно способствовала последующему решению национального вопроса этими народами.

Для славян Австрийской монархии революция 1848–1849 гг. также стала условным рубежом, отделившим феодальную систему от капиталистической. В результате были ликвидированы феодальные порядки в экономике и политике, капиталистическое развитие Австрии и составляющих ее земель пошло более быстрыми темпами. Революция ознаменовала качественно новую ступень в развитии национального движения славянских народов: произошел переход от просветительства к политической борьбе. Она не смогла решить национальный вопрос (задача, как оказалось, непосильная и для XX в.), однако дала мощный импульс подъему национального самосознания славянских народов, усилиению их борьбы за национальную самостоятельность. Этапами этой борьбы стали в дальнейшем распад Австро-Венгрии и образование Чехословакии и Югославии.

Словенские земли были периферией Австрийской империи. Сюда доносились лишь отголоски мощного революционного натиска, потрясшего страну. Однако несмотря на то, что революционные события протекали здесь в сглаженной форме, они определили основные пути общественно-политического и экономического развития этого региона на многие десятилетия вперед. Анализ событий революции 1848–1849 гг. имеет ключевое значение для изучения истории Словении в новое время.

Неудивительно, что в историографии эта тема относится к числу наиболее популярных. Казалось бы, что события одного года (март 1848 – март 1849 г.) у столь маленького народа (словенцев в то время насчитывалось около 1 млн человек) после ста с лишним лет изучения не оставляют уже простора для исследователя. Однако это не так. Изучение события такого масштаба, как революция, дает пищу для

размышлений и материалы для написания трудов уже многим поколениям историков.

В российской исторической литературе еще нет комплексного труда, охватывающего основные аспекты социальной и национально-политической жизни словенцев в период революции 1848–1849 гг. Этую проблематику затрагивала в ряде своих работ только И. В. Чуркина¹. Ей, в частности, принадлежит первое исследование взглядов и деятельности в период революции М. Маяра-Зильского. Вместе с тем, российскими учеными исследованы и проанализированы многие общие проблемы революции в Австрийской империи, национальных движений ее народов². На теоретические выводы, содержащиеся в их трудах, опирался автор при написании этой работы.

Словенская историография, посвященная революции 1848–1849 гг., очень обширна. Первая и до сих пор не превзойденная по богатству собранных источников и широте охвата проблематики монография Й. Апиха «Словенцы и 1848 год» увидела свет еще в 1888 г.³ И с тех пор интерес историков к этому периоду не ослабевает. Словенские ученые конца XIX – начала XX в., прежде всего Й. Апих, Й. Мал⁴, Д. Лончар⁵, создали базу для последующих исследований, изучив огромное количество архивных материалов и прессу, использовав устные свидетельства участников событий 1848 г. На собранный ими богатый материал опираются в своей работе практически все современные исследователи.

В послевоенной словенской историографии событий 1848 г. по своей значимости выделяются труды Ф. Цвиттера, Б. Графенауэра, В. Мелика и С. Гранды. Ф. Цвиттером был проведен сравнительный анализ исторического развития словенцев и ряда других европейских народов, сделан ряд важных теоретических выводов по теме⁶. Б. Графенауэр являлся крупнейшим специалистом по крестьянскому вопросу⁷. В. Мелик написал ряд работ, посвященных как общим проблемам словенской истории периода революции, так и отдельным ее аспектам – выборам во Франкфуртское национальное собрание в словенских землях, деятельности М. Маяра, А. Ауэрсперга и др⁸. Очень плодотворно разрабатывает тематику 1848 г. С. Гранда. Его перу принадлежит ряд статей, посвященных различным ее аспектам – деятельности общества «Словения» в Граце, дебатам о национальной и государственной принадлежности Истрии, соотношению национального и социального вопросов у словенцев и др. Вышедшая в 1995 г. монография Гранды, посвященная 1848 г. в Нижней Крайне, – первое мо-

нографическое исследование, освещдающее события 1848 г. с точки зрения специфики одного из словенских регионов⁹.

Немало важных выводов и новых материалов по проблематике революции в Австрийской империи содержится и в трудах других зарубежных ученых. Особо хотелось бы выделить работы хорватских исследователей Я. Шидака¹⁰ и П. Коруница¹¹, чешских – В. Жачека¹² и Й. Колейки¹³, польского историка Р. Роздольского¹⁴, а также ряда австрийских, английских и американских ученых – Р. Канна, П. Буриана и др.¹⁵.

К настоящему времени изучен значительный круг вопросов, касающихся национально-освободительного и крестьянского движений словенцев в 1848 г¹⁶. Однако многие конкретные темы еще нуждаются в исследовании. Необходим тщательный анализ словенской прессы. Недостаточно изучена специфика национального движения в различных областях Словении (эта лакуна отчасти восполняется монографией Гранды и рядом статей других исследователей). Требует более пристального внимания деятельность словенских депутатов в рейхстаге, нуждается в дальнейшей разработке вопрос о связях словенских национальных деятелей с национальными деятелями других славян, о взаимовлиянии их взглядов. Не существует подробного анализа особенностей развития словенского национального движения после подавления Октябрьского восстания в Вене.

В данной работе автор пытается, с одной стороны, дать комплексную картину эволюции национально-политических и социальных идей словенцев в 1848–1849 гг. и их деятельности по претворению этих взглядов в жизнь, а с другой стороны – хоть немного восполнить ряд историографических пробелов. Впервые детально освещается деятельность словенских депутатов рейхстага по выработке закона об отмене феодальных отношений. Анализируются особенности развития словенского национального движения в период спада революции. Автор считает весьма существенным показать различные взгляды словенских национальных деятелей по важнейшим проблемам, переплетение в их идеологии прогрессивных и консервативных элементов. Особое внимание уделяется выделению демократических тенденций по крестьянскому вопросу у ряда либералов, их первым попыткам объединить национальное движение с крестьянским. Словенскими историками этот вопрос почти не затрагивался. Впервые автором этого труда подробно рассматривается вопрос об отношении словенцев к России.

При характеристике национальной деятельности словенских либералов и консерваторов акцент делается прежде всего на ее политических аспектах. Культурно-просветительская работа словенских патриотов (а в 1848–1849 гг. она была достаточно обширна), их взгляды по религиозным вопросам затронуты очень кратко. Эти, как и многие другие, проблемы нуждаются в дополнительном специальном исследовании.

В работе над монографией был использован широкий круг источников: документы словенских и хорватских архивов, материалы словенских и немецких газет того времени, стенографические протоколы заседаний австрийского рейхстага и его Конституционной комиссии, материалы Славянского съезда в Праге, переписка словенских национальных деятелей.

Минуют годы, уходят столетия. Кажется, что все остается в прошлом – события и люди, и их идеи. Но история повторяется. Многие идеи, зародившиеся в тот период яркого всплеска словенского национального самосознания, оставались важными и актуальными еще многие десятилетия. Возникшее тогда стремление маленького словенского народа к политическому самоопределению претворилось в жизнь уже в наши дни.

Примечания

- ¹ Чуркина И.В. Словенское национально-освободительное движение и Россия в XIX в. М., 1978; *Она же*. Национально-политические идеи словенцев в 1848 – начале 70-х гг. XIX в. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; *Она же*. Революция 1848–1849 гг. в югославянских землях Австро-Габсбургской империи // На путях к Югославии: за и против. М., 1997; *Она же*. Политическая программа Маттии Маяра в 1848 г. // Сов. славяноведение. 1968. № 5; *Она же*. Matija Majar-Ziljski//Razprave VIII/2. Ljubljana, 1974.
- ² Освободительные движения народов Австро-Габсбургской империи. М., 1980. Т.1; Дьяков В.А., Фрейдзон В.И. Основные этапы развития и типология общественно-политической мысли словенских народов в XIX в. // Советское славяноведение. 1984. № 2. С.51–64; Революции 1848–1849 гг. в Европе // Новая и новейшая история . 1988. № 4. С.72–99 и др.
- ³ Apih J. Slovenci in leto 1848. Ljubljana, 1888.
- ⁴ Mal J. Zgodovina slovenskega naroda. Celje, 1934.
- ⁵ Lončar D. Politično življenje slovencev (1797–1919). Ljubljana, 1921; *Idem*. Dr. Janez Bleiweis in njegova doba. Ljubljana, 1923; *Idem*. Anton Globočnik in slovenski narodni program 1848 leta // Carniola. Ljubljana, 1912.
- ⁶ Zwitter F. Slovenski politični prerod XIX stoletja v okviru evropske nacionalne problematike// Zgodovinski časopis. 1964. XVIII; Zwitter F., Šidak J., Bogdanov V. Nacionalni problemi v habsburški monarchiji. Ljubljana, 1962.

- ⁷ *Grafenauer B.* Slovenski kmet v letu 1848//*Zgodovinski časopis.* 1948–1949. II/III; *Idem.* Zgodovina slovenškega naroda. Ljubljana, 1961. T. 5.
- ⁸ *Melik V.* Frankfurtske volitve na Slovenskem//*Zgodovinski časopis.* 1948–1949. II/III; *Idem.* Elementi revolucionarnosti v slovenski politiki 19. stoletja//Elementi revolucionarnosti v političnem življenju na Slovenskem. Ljubljana, 1973; *Idem.* Majarjeva peticija za Zedinjeno Slovenijo 1848//Časopis za zgodovino in narodopisje. 1979. № 1–2; *Idem.* Leto 1848 v slovenski zgodovini // XVII seminar slovenskega jezika, literature in kulture. 1981; *Idem.* Bleiweisova vloga v slovenski politiki//Zbornik za zgodovino naravoslovja in tehnike 7. Bleiweisov zbornik. Ljubljana, 1983; *Idem.* A.A. Auersperg in slovenski narod//*Zgodovinski časopis.* 1987. № 2; *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973.
- ⁹ *Granda S.* Graška Slovenija v letu 1848/1849//*Zgodovinski časopis.* 1974. XXVIII; *Idem.* Prepri o nacionalni in državnopravni pripadnosti Istre v revolucionarnem letu 1848/49//*Kronika.* 1989. № 1–2; *Idem.* Sloveniens Blatt – časopis iz leta 1848// *Zgodovinski časopis.* 1994. № 2; *Idem.* Das Verhältnis zwischen nationaler und sozialer Frage bei den Slowenen im Jahre 1848/49 // Revolutionen in Ostmitteleuropa. München, 1996; *Idem.* Dolenjska v revolucionarnem letu 1848/49. Novo Mesto, 1995.
- ¹⁰ *Šidak J.* Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848–1849. Zagreb, 1979.
- ¹¹ *Korunić P.* Jugoslavenska ideja v hrvatskoj i slovenskoj politici za revolucije 1848–1849 g.//*Radovi.* Zagreb, 1981. Vol. 14(1).
- ¹² *Žáček V.* České a jihoslovanské Slovanské lípy v roce 1848// Literární archív. Praha, 1971. VI.
- ¹³ *Kolejka J.* Národy Habsburské monarchie v revoluci 1848–1849. Praha, 1989.
- ¹⁴ *Rozdolsky R.* Die Bauernabgeordneten im konstituierenden österreichischen Reichstag 1848–1849. Wien, 1976.
- ¹⁵ *Kann R.A.* The Habsburg Empire. A Study of Integration and Disintegration. N.Y., 1973; *Idem.* Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Graz–Köln, 1964. Bd. I; *Burian P.* Die Nationalitäten in «Cisleithanien» und das Wahlrecht der Märzrevolution 1848/49. Graz–Köln, 1962; Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Wien, 1973–1980. Bd. I–III; *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs, 1648–1918. Graz–Wien–Köln, 1953. Bd. II; *Macartney C.A.* The Habsburg Empire 1790–1918. London, 1971; *Malle A.* Die slowenische Presse in Kärnten. 1848–1900. Klagenfurt (Celovec), 1979 и др.
- ¹⁶ Об историографии см. подробнее: *Кирилина Л.А.* Историография революционного движения в словенских землях в 1848–1849 гг. // Сов. славяноведение. 1988. № 3; *Она же.* Рецензия на кн.: *S. Granda.* Dolenjska v revolutionarnem letu 1848/49 // Славяноведение. 1998. № 1.

ГЛАВА I

СЛОВЕНЦЫ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848–1849 гг.

В середине XIX в. Словении^{*} как административно-территориальной общности не существовало. Земли, в которых проживали словенцы в 1840-х годах, входили в состав трех австрийских губерний: Люблянской (Крайна и Каринтия), Грацской (Штирия) и Триестской (Приморье, т.е. город Триест и его окрестности, графство Горица, округ Истрия с Кварнерскими островами)¹. Это были коронные австрийские земли, управлявшиеся непосредственно из Вены. Кроме того, словенское население жило в Прекмурье (в двух венгерских комитатах – Ваше и Зале) и так называемой Венецианской Словении (части Ломбардо-Венецианского королевства). Словенцы занимали компактные области на юге Штирии и Каринтии и составляли примерно 1/3 населения этих провинций. В Приморье их было большинство везде, кроме Истрии, и лишь Крайна оставалась почти полностью словенской (немцы составляли всего 8 % населения²). Численность словенцев в середине XIX в. едва превышала миллион человек, причем 36% словенцев жило в Крайне³. Немцы и итальянцы составляли 11% населения словенской этнической территории⁴.

Судьба этого маленького славянского народа на протяжении веков складывалась трудно. Словенские племена, объединенные в Карагантанском княжестве, уже в середине VIII в. были вынуждены признать свою зависимость сначала от баварского герцога, а затем от французского короля. В начале IX в. словенские земли окончательно потеряли свою государственность. С XIII в. они попали под власть Габсбургов, в составе государства которых оставались вплоть до 1918 г.

С середины XVIII в. в словенских землях начали зарождаться капиталистические отношения. Реформы императрицы Марии Терезии и ее сына Иосифа II, направленные на укрепление абсолютистской державы путем уступок, продиктованных потребностями времени, спо-

* Под словенскими землями, Словенией мы понимаем словенскую этническую территорию.

существовали дальнейшему углублению кризиса феодализма и развитию в его недрах новых капиталистических отношений. Во второй половине XVIII в. в империи была ограничена барщина, отменена личная зависимость крестьянина (1781 г.), который получил право выбора местожительства, занятия ремеслом и др., существенно ограничивались цеховые привилегии. На территории наследственных австрийских земель ликвидировались внутренние таможенные пошлины, проводилась политика защиты отечественной промышленности и торговли от иностранной конкуренции.

Новый толчок социально-экономическому развитию словенских земель дали реформы Наполеона, многие из которых остались в силе и после изгнания французов. В существовавших в 1809–1813 гг. Иллирийских провинциях (в составе которых из словенских земель находились Крайна, Западная Каринтия, Горица и Триест) произошла полная отмена цехов, ускорившая процесс разложения и постепенного вытеснения мелких предприятий капиталистическими мануфактурами. Был отменен патrimonиальный суд над крестьянами, им было дано право делить свой надел, что способствовало быстрому дроблению крестьянских участков, расслоению крестьян.

Словенские земли, входившие в состав коронных австрийских земель, а в 1809–1813 гг. – в состав Иллирийских провинций, имели относительно благоприятные возможности для экономического подъема. По уровню промышленного развития они находились на третьем месте в империи (после собственно Австрии и чешских земель)⁵. Экономическая политика австрийского правительства в Словении основывалась в значительной мере на учете ее природных условий, географического положения. Большую часть словенской территории занимают горы, в недрах которых находятся крупные залежи полезных ископаемых. Земель, пригодных для земледелия, очень мало (в отличие, например, от житницы Австрийской империи, которой тогда являлась Воеводина). К тому же через словенские земли проходили торговые пути из Средней Европы к Средиземноморью, что благоприятствовало развитию торговли.

Половинчатая социально-экономическая политика Габсбургов не могла привести к радикальному изменению феодальной структуры экономики Австрии. В первой половине XIX в. она по-прежнему оставалась страной с преобладанием сельского хозяйства и мелкого ремесла, существенно отставала в своем развитии от западноевропейских стран.

Основной отраслью экономики словенских земель в первой половине XIX в. было сельское хозяйство. В конце XVIII – начале XIX в. в

Словении начался аграрный переворот – система трехполья была заменена системой многополья, стали использоваться удобрения, осваивались новые сельскохозяйственные культуры⁶, к середине XIX в. занимавшие уже 1/3 посевных площадей. В это же время были заложены основы рационального использования и обновления лесов. Феодалы увидели в них новый источник дохода, что ущемляло интересы зависимых крестьян (сервитутные права)⁷.

В связи с увеличением интереса к новым методам ведения хозяйства создавались сельскохозяйственные общества, членами которых были помещики, представители интеллигенции, некоторые зажиточные крестьяне. Одним из важнейших последствий произошедших сдвигов явилось то, что с 1817 г. в словенских землях не было зафиксировано ни одного крупного голода.

В деревнях жило около 90 % населения. В связи с недостатком плодородных земель было много малоземельных крестьян, которые сочетали занятия сельским хозяйством с ремеслом. 1/3 сельского населения добывала себе средства на жизнь благодаря промыслам⁸.

Несмотря на существенный прогресс в сельском хозяйстве, достигнутый к середине XIX в., в словенских землях производилось недостаточно продуктов земледелия и скотоводства, зерно и мясо приходилось ввозить из Венгрии и Хорватии. Впрочем, к новым методам ведения хозяйства перешли лишь некоторые зажиточные крестьяне и незначительная часть помещиков, большинство же последних старалось приспособиться к новым условиям путем увеличения барщины и налогов. Феодальные повинности в середине XIX в. оставались главным тормозом развития словенской деревни.

В Австрии после наполеоновских войн шло бурное промышленное развитие, впрочем, не приведшее до 1848 г. к решающим сдвигам в структуре австрийской экономики⁹. Важнейшей особенностью экономического развития словенских земель 1830–1840 годов можно считать появление фабрик, паровых машин и особенно железных дорог.

Главное место в промышленности Словении в этот период по-прежнему занимала старейшая ее отрасль – горное дело, развивавшееся на капиталистической основе. Крупнейшим горным предприятием Словении являлся ртутный рудник в Идрии, где было занято на различных работах более 500 человек. За 15 предреволюционных лет добыча каменного угля в словенских землях выросла почти в 2 раза, хотя велась она в основном в маленьких шахтах, где число рабочих не превышало 30 человек. В Каринтии и Верхней Крайне существовал ряд металлургических и железоделательных предприятий. Наряду с крупными

металлургическими комплексами (например комплекс баронов Цойс в Крайней) функционировало еще значительное число мелких предприятий, на которых работало по 5–6 человек, дело велось по старинке, производительность труда была низкой. В первой половине XIX в. многие из них переживали кризис, их хозяйства разорялись.

В текстильной промышленности возникли первые хлопчатобумажные прядильные фабрики, действовал ряд мануфактур. Однако в некоторых словенских областях, прежде всего в Верхней Крайне, текстильное производство по-прежнему существовало в форме деревенских рассеянных мануфактур и сильно отставало от текстильной промышленности чешских земель, где уже использовались ткацкие станки. Бурно развивались в первой половине XIX в. новые промышленные отрасли – стекольная, сахарная, бумажная. Предприятия этих отраслей с самого начала создавались как мануфактуры, а к 40-м годам на некоторых из них появились машины. В Триесте возникли крупные судостроительные верфи. Основную роль в пассажирских и грузовых перевозках продолжали играть парусные суда. В это время в словенских землях открылись первые сберегательные кассы, расширилась сеть страховых обществ.

Словенские города в середине XIX в. были мелкими административно-торговыми центрами, в них проживало лишь 4 % словенского населения¹⁰. Развивалось городское и деревенское ремесло, дававшее большую часть промышленной продукции Словении. В Штирии и в Восточной Каринтии, не входивших ранее в состав Иллирийских провинций, существовали еще сильные цеховые организации. Ремесленные предприятия начали вытесняться капиталистическими мануфактурами. Правительство поощряло возникновение деревенских мануфактур с незначительным числом рабочих, основание же в городах фабрик и заводов не поддерживалось, так как концентрацию пролетариата австрийские власти считали нежелательной.

Быстрыми темпами развивалась внутренняя и внешняя торговля. Однако, несмотря на это, единого экономического центра в словенских землях не сложилось. Большинство крупных городов – Любляна, Клагенфурт (Целовец), Грац (Градец), Триест – располагались на рубежах словенской этнической территории или даже вне ее. Единого внутреннего рынка не было, словенские земли входили в общеавстрийский рынок.

Итак, в словенской экономике в первой половине XIX в. произошли крупные сдвиги – начался промышленный переворот, постепенно преобразовывалось сельское хозяйство. Однако нововведения здесь не

проводились в таком объеме, чтобы могли изменить рутинную феодальную структуру экономики. Все еще преобладали традиционные формы производства – деревенское и городское ремесло, феодальный тип землевладения и т.д. Важнейшие отрасли экономики Словении находились в руках немцев и итальянцев.

Социальная структура словенских земель отличалась известным своеобразием. Дворянство, главная опора абсолютизма, было в Словении немецким и отчасти итальянским. Впрочем, в связи с разорением значительной части старых феодальных семей, в дворянское сословие стали вливаться и лица словенского происхождения. Это обычно были богатые буржуа, скопавшие землю разорившихся дворян и получавшие дворянские звания. Крестьянство же было словенским. Оно несло на своих плечах всю тяжесть феодального гнета. В среднем крестьянин Австрийской империи отдавал феодалу 1/3 своего урожая¹¹. Помимо барщины, денежных и натуральных налогов своему господину, крестьянину полагалось платить различные налоги государству, десятину церкви. Крестьянство – единственное из всех сословий – обязано было поставлять рекрутов в армию. Зачастую помещики еще применяли по отношению к крестьянам формально отмененные в конце XVIII в. телесные наказания, отказывались признавать сервитутные права крестьян. В деревнях увеличивалось число малоземельных и безземельных крестьян, которые все чаще уходили искать временный или постоянный заработок в городе. Дифференциация среди крестьян была особенно сильной в Крайне и Штирии, в Каринтии этот процесс проходил в слаженной форме.

Положение крестьян в различных областях Словении существенно различалось. Самый тяжелый барщинный и налоговый гнет падал на плечи крестьян Нижней Крайны. Здесь на долю крестьянина приходилось 70 % отработок, падавших на всю Крайну, а также большая часть денежных и натуральных налогов¹². Земельное владение крестьянин Нижней Крайны получал по большей части лишь в пожизненное пользование или же в пользование 3-х поколений¹³. Не умаляя значения того известного факта, что эта область была наиболее обременена феодальными повинностями в словенских землях, историк С. Гранда видит дополнительную причину тяжелого положения крестьян в их консервативности, лени, недостатке предприимчивости. Описывая отношения крестьян с помещиками, С. Гранда приходит к интересному выводу: хуже всего они складывались с владельцами, получившими землю недавно (представителями чиновничества и буржуазии). «Старые, настоящие помещики почти не имели проблем с крестьянами»¹⁴.

Наиболее зажиточными были крестьяне Каринтии и Верхней Крайны. Однако в Каринтии у словенских крестьян возможностей для развития своего хозяйства было значительно меньше, чем у немецких, хотя в правовом отношении их положение было одинаковым¹⁵. Большая часть крестьян в Каринтии, Штирии, Верхней Крайне и Приморье имела участки в наследственном пользовании (в Штирии, как правило, наделы были очень малы). В Штирии и Каринтии крестьяне получили право обучаться профессии, жениться по собственному выбору, продавать и обменивать участки¹⁶.

На протяжении 1820–1840-х годов волнения в крестьянской среде были незначительными. Так, крестьяне неоднократно отказывались платить налоги, десятину, и для того, чтобы усмирить их, в поместья присыпались правительственные войска. Время от времени у крестьян возрождались надежды на освобождение от феодальной зависимости. Так, во время Июльской революции 1830 г. во Франции среди словенских крестьян ходили слухи, что французские революционеры придут к ним и отменят феодальные порядки¹⁷.

Правительство Фердинанда I (1835–1848 гг.) пыталось ослабить растущую напряженность в отношениях крестьян и феодалов, путем мелких уступок успокоить крестьян. В 1846 г. вышел патент императора, позволявший крестьянам по договоренности с феодалами выплачивать господину вместо барчины и натуральных платежей денежный налог, в остальном же все оставалось по-старому. Это решение практически не имело значения, так как воспользоваться им смогли лишь зажиточные крестьяне. В целом замена натуральных платежей денежными в словенских землях распространения не получила. Волнения продолжались, особенно сильными они были в Нижней Крайне, ставшей центром крестьянского движения в 1848 г.

Наряду со старыми феодальными классами в Словении появились новые – буржуазия и пролетариат. Словенская буржуазия, начавшая складываться как класс примерно в середине XVIII в., еще была очень малочисленна. Как правило, это были средние и мелкие торговцы и ремесленники, владельцы небольших мануфактур. Буржуа вкладывали средства преимущественно в землю, торговлю и ростовщичество. Однако решающие позиции в торговле принадлежали австро-немецкому капиталу. Промышленность словенских земель в связи с нехваткой словенских капиталов почти полностью находилась в руках немецких и итальянских предпринимателей. Национальная промышленная буржуазия в Словении отсутствовала. Среди тех, кто впервые начал внедрять в словенских землях технические новшества, было

много иностранцев. Так, первый пароход в Триесте был собственностью американца, первую паровую мельницу построил француз. Впрочем, многие из этих иностранцев окончательно обосновались в Словении (их капитал словенские историки не причисляют к иностранному).

Класс словенской буржуазии формировался в основном из выходцев из среды крестьян и мелких ремесленников. Например, дед известного словенского национального деятеля Я. Блейвайса был ткачом в городе Крань. Его отец торговал ткацкими изделиями, разбогател, купил несколько домов и стал помещиком, владельцем ткацкой рассеянной мануфактуры, на которой работало около 100 человек. Отец П. Козлера, создателя первого словенского географического атласа, разбогател, торгуя южными фруктами в конце наполеоновских войн, стал крупным домовладельцем и помещиком. Покупка поместий представителями буржуазии накануне 1848 г. не была редким явлением. Так, в Цельском округе из 176 поместий 50 принадлежали людям, не имевшим дворянского титула¹⁸.

Словенская буржуазия в целом была тесно связана с феодальными порядками. Она стремилась к проведению постепенных реформ, направленных на введение новых прогрессивных экономических методов, но в радикальном изменении положения дел в империи заинтересована не была.

Хотя словенская горная промышленность появилась в XVI в., в XIX в. пролетариат в Словении находился ещё на стадии формирования. Потомственных рабочих было мало. Большинство совмещало заработки на мануфактуре или в крупном поместье с работой на собственном земельном участке или с занятием ремеслом. Большое распространение получил женский и детский труд. Положение рабочих в связи с началом промышленного переворота в словенских землях ухудшилось – рабочий день удлинился до 12–14 часов, возросла интенсивность труда. Причину своих бед рабочие видели прежде всего во внедрении новых машин. Многие из них продолжали чувствовать себя крестьянами, пролетарских требований не выдвигали, самостоятельное движение словенского пролетариата в этот период не сформировалось.

Национальная политика австрийского правительства и его главы князя Меттерниха была направлена на централизацию монархии, упрочение системы абсолютизма и была прогерманской. Австрийская империяправляла подвластными ей народами дифференцированно, подчас идя на некоторые уступки национальностям, избегая крупных конфликтов. Так, сохраняя административную раздробленность чешских и хорватских земель, абсолютизм оставил некоторую внутрен-

нюю автономию Хорватии (сабора) и земских сословных учреждений в Чехии, обладавших, правда, лишь формальными правами. Иллирийскому движению в Хорватии в начале 1840-х годов даже оказывалась некоторая правительственная поддержка. Чехи к тому времени уже имели Национальный музей, свое издательство (матицу), библиотеки, газеты (в том числе одну политическую), обширную патриотическую литературу. Уровень национального самосознания народа был уже довольно высок. Происходил процесс чехизации городов. Реальной угрозы германизации чешского населения в сложившихся условиях уже не существовало, тогда как в словенских землях она еще была значительна. В 1830–1840-е годы чешское национальное движение лишь вступало в фазу политического развития.

Словенцы (как и словаки, сербы, украинцы и влахи) не имели никакой территориальной государственно-правовой организации в рамках империи. До 1848 г. политика германизации в словенских землях еще не проводилась планомерно, да в этом и не было необходимости. Хотя немецкий и итальянский элементы в словенских областях в численном отношении составляли меньшинство, их роль в общественно-политической, культурной и экономической сферах была доминирующей. Города имели немецкий или итальянский характер¹⁹. Местные органы власти в Словении составлялись исключительно из лиц дворянского происхождения, т.е. немцев или итальянцев. В суде, учреждениях и гимназиях официальным языком был немецкий. В 1840-х годах в театрах шли пьесы только на немецком и итальянском языках, постановки на словенском языке не разрешались. Предпринимавшиеся несколько раз словенским национальным деятелем Я. Блейвойсом попытки сагитировать актеров Люблянского театра спеть во время представления песни на словенском языке наткнулись на резкое противодействие губернатора Крайны Вайнгартина, обвинившего Блейвойса в панславизме²⁰. Для крестьянства и низших городских слоев допускалось употребление словенского языка в официальных учреждениях. Важнейшие государственные предписания и воззвания переводились на словенский язык, выпускались, правда в незначительном количестве, словенские учебники. В Любляне, Граце, а с 1847 г. и в Горице в лицеях и семинариях существовали словенские кафедры для нужд духовенства и чиновников. Впрочем, чиновники, как правило, словенского языка не знали и часто не умели пояснить крестьянам распоряжения, полученные от правительства.

Начальное образование в Австрийской империи было обязательным, но в среднем в Словении ходил в школу каждый третий ребенок²¹.

В городах, а в Штирии и Каринтии также и в деревнях, преобладало обучение на немецком языке, в деревенских школах Крайны, в Горице и части Приморья – на словенском. Большинство начальных школ были смешанными. Так, например, в Крайне было 12 немецких начальных школ, 23 словенские, 60 немецко-словенских. Воскресные школы по преимуществу были словенскими. Власти не выказывали большой заинтересованности в образовании крестьян, поэтому в целом в начальных школах ситуация была тяжелая – нехватка учебников, инвентаря, платили учителям очень мало. В гимназиях преподавание велось исключительно на немецком языке. По словам одного из словенских патриотов того времени И. Мацуна, за 6 лет обучения в Мариборской гимназии (1830-е годы) он ни разу не слышал ни слова по-словенски²².

Словенский язык и обычаи сохранялись исключительно в крестьянской среде. Он считался языком простого народа. Причем характерно, что многие словенские национальные деятели умеренного толка не верили, что словенский язык сможет утвердиться как полноправный литературный язык, они ратовали за расширение его преподавания в школах, вовсе не посягая на ведущую роль немецкого языка. Большинство из них переписывались и говорили между собой по-немецки. Любопытно, что в просветительский период развития словенского национального движения ему симпатизировали и некоторые образованные немцы. Еще более характерна была эта ситуация для чешского просвещения. Пока национальная деятельность славян ограничивалась рамками культуры, она не вызывала в немецкой среде резкого противодействия. Лишь когда речь зашла о политических требованиях формирующихся наций, немцы восприняли их как угрозу панславизма (чешско-немецкая полемика на эту тему началась за несколько лет до революции, а словенцы тогда еще политических требований не выдвигали). Эту ситуацию точно охарактеризовал видный словенский просветитель первой половины XIX в. Е. Копитар, с горечью констатировавший: «Крестьянин не умеет писать, интеллигент получил немецкое образование и является ренегатом, словенской филологией занимается лишь какой-нибудь дилетант, который чуть ли не вынужден просить прощения у своих родных за это “развлечение”»²³.

Большая часть словенского городского населения той поры была двуязычной. Й. Вошняк, словенский политический деятель второй половины XIX в., так описывает эту своеобразную ситуацию в своих воспоминаниях: «Мы, жившие в городе, в большинстве своем уже с детства владели немецким языком. Дома мы говорили друг с другом

обычно по-немецки, хотя знали также и словенский язык. Не ощущали мы себя, однако, ни немцами, ни словенцами, так как о национальности до 1848 г. никто и не говорил, и язык для нас был лишь средством общения»²⁴. Многие словенские крестьяне понимали немецкий язык, немцы – словенский.

Развитию словенского национального самосознания препятствовало не только немецкое влияние. Ему мешала также политическая, экономическая и культурная раздробленность словенских земель. Вероятно, отчасти в связи со специфическими природными условиями (гористая местность, обуславливающая относительную изолированность), в словенских землях существовало большое количество диалектов. Словенцы не ощущали себя единым народом. В лучшем случае они осознавали свою принадлежность к той или другой провинции или ее части. Самоназвания типа «краинец», «доленец» и т.д. были распространены повсеместно. Росту местного патриотизма способствовало также отсутствие исторической традиции единства словенских земель.

Словенцы не принадлежали к числу так называемых исторических народов, как, например, чехи и хорваты. Зарождавшийся класс словенских феодалов отчасти исчез, отчасти ассимилировался с классом немецких феодалов еще в раннем средневековье. У словенского народа не было даже минимума национально-политических прав. Традиции политической борьбы также отсутствовали.

Национальные идеи первоначально выдвигались словенской интеллигенцией, крайне малочисленной и состоявшей преимущественно из лиц духовного звания. Так, из проживавших в 1828 г. в Любляне 20 деятелей словенского национального возрождения только пятеро были людьми светскими²⁵. Это объясняется тем, что людям крестьянского происхождения наиболее доступно было духовное образование. Деревенские священники, как правило, знали словенский язык. Некоторые из них много делали для просвещения народа. Словенские национальные деятели 1848 г. высоко оценивали роль духовенства в сохранении словенского языка и обычая. Так, один из них писал, что именно священникам словенцы должны быть благодарными за то, что ядро народа – крестьяне – не потеряли своего национального духа²⁶. Консерваторы вообще считали духовенство главной опорой словенского национального движения. Незадолго до революции словенский епископ Сломпек так определил значение церкви: «Церковь до сих пор была единственной хранительницей, кормилицей и матерью нашей народности и нашего языка»²⁷. Преобладание духовенства во

многом обуславливало перевес консервативных элементов в словенском национальном движении. Правда, в 1830–1840-х годах положение несколько изменилось: словенская буржуазия постепенно начала втягиваться в национальное движение, видя в нем средство борьбы против более сильной немецкой буржуазии. Это привело к увеличению среди словенских просветителей представителей светской интеллигенции. В словенское национальное движение были привнесены новые демократические элементы.

Выход о том, что словенцы являются этнически единым народом, сделал А. Линхарт в конце XVIII в. Идея об объединении всех словенцев в одной провинции зародилась в среде словенской интеллигенции в период существования Иллирийских провинций²⁸.

До революции словенские просветители боролись за расширение использования словенского языка, введение его в школах и, прежде всего, за создание литературного языка. Основы современной словенской грамматики разработал в 1808–1809 гг. видный словенский ученый Е. Копитар, который доказал существование единого словенского языка.

В начале 1840-х годов под влиянием иллирийцев в словенских землях стала распространяться гаица*. Каждый звук в гаице выражался одной буквой, гаица была значительно менее громоздкой, чем предыдущие словенские алфавиты. Большую роль в распространении гаицы сыграла первая словенская газета «Кметийске ин рокодельске новице» («Сельскохозяйственные и ремесленные новости»), постепенно перешедшая на новое правописание. Активно боролись за гаицу также словенские иллирии во главе с М. Маяром. Иногда дело едва не доходило до курьезов. Так, все друзья епископа Сломшека, сторонники нового правописания, объявили бойкот епископу до тех пор, пока он не присоединится к ним. Через полгода Сломшек начал писать гаицей²⁹. Окончательно утвердились гаица в словенском правописании лишь в 1848 г. Но и в период революции на страницах словенских газет еще велась полемика о преимуществах того или иного алфавита³⁰.

Зарождение в словенском национальном движении элементов демократизма связано с именем великого словенского поэта Ф. Прешерна и его друзей, группировавшихся вокруг альманаха «Краньска чбелица» (1830-е годы). В литературной области круг Прешернаставил перед собой задачу поднять словенский язык на литературный уро-

* Алфавит, созданный чехами и перенятый у них хорватами (Л. Гаем). К тому времени был принят у большинства австрийских католических славян (чехов, хорватов, словаков).

вень, установить единое словенское правописание, в политической – выступал за равноправие и свободу всех народов³¹. Однако политической группировкой Прешерна и его друзей нельзя считать. Их главные интересы лежали в сфере литературы и искусства, их демократические идеи были абстрактны. Эта сугубо литературная группа, к тому же, скоро распалась.

Преобладало в словенском национальном движении консервативное направление. Консерваторы были лояльны императорскому дому и законопослушны, в языковой области они выступали за словенский язык для народа при сохранении немецкого для образованных кругов. Большое внимание они уделяли религиозному воспитанию народа.

Одним из наиболее активных национальных деятелей этого направления был Янез Блейвейс. Получив ветеринарное образование в Вене и вернувшись в Любляну, он активно включился в просветительскую деятельность, попутно изучая словенский язык. Блейвейс организовал издание первой словенской газеты – «Новице». В 1843–1848 гг. это была единственная газета на словенском языке. Издатель ставил перед собой сугубо просветительские задачи распространения словенского языка, помочь крестьянам в их практической деятельности, воспитания их религиозных чувств. Неизвестные крестьянам понятия объяснялись доступным языком. Впрочем, сам по себе словенский язык «Новиц» еще очень громоздок, в нём много немецких слов и конструкций. Часто для пояснения словенского слова в скобках давалось немецкое – и подписчикам и корреспондентам газеты часто не хватало знания словенского языка. Кроме того, в словенском языке отсутствовали многие понятия, связанные с политической деятельностью. Выходили «Новице» один раз в неделю. Любопытно, что подписчиками в 1847 г. являлись, в основном, священники, крестьяне раскупали всего 1/10 тиража³². Этот факт свидетельствует о том, что в 1848 г. популярность Блейвейса вовсе не была так широка, как в последующие годы.

Деятельность Блейвейса в качестве редактора «Новиц» снискала ему уважение словенских патриотов. Его стремление пробудить в народе интерес к своему языку, к национальной культуре и традициям сыграло немаловажную роль в развитии словенского национального самосознания. Словенский либерал Ф. Левстик уже в 1860-е годы охарактеризовал «Новице» как «первую и наилучшую учительницу словенского языка», а утверждение гаицы в качестве словенского правописания с помощью «Новиц» считал большой заслугой Я. Блейвейса³³. Блейвейс стоял на более прогрессивных позициях, чем некоторые

другие представители консервативного течения (например епископ Сломшек, осуждавший развитие капитализма, либеральный национализм и идеализировавший патриархальный феодальный уклад жизни). Блейвейс признавал необходимость реформ, пропагандировал капиталистические нововведения в сельском хозяйстве. Это приближало его позицию к либеральной.

В 1830-е годы под влиянием сильного политического движения в хорватских землях в Словении начал распространяться иллиризм. Идея Великой Иллирии, общей прародины югославян, импонировала ряду словенских национальных деятелей. В основе их стремления к политическому и культурному объединению с хорватами и сербами, помимо чувства общности происхождения и кровного родства, лежала также неуверенность в возможности самостоятельного развития словенского народа, потребность опереться на более развитую нацию, имеющую богатые исторические традиции. Недаром особое распространение иллиризм получил в Штирии и Каринтии, где существовала сильная угроза германизации словенцев. В Крайне же хотя и был организован иллирийский кружок в Любляне, движение это не пустило глубоких корней³⁴.

Иллирийское движение в Словении не было однородным. К нему примыкали люди разных политических взглядов. Преобладали либералы, чаще всего из среды сельских священников. Характерным для словенских иллиров было признание необходимости просвещения широких слоев народа³⁵.

Политическое и национальное объединение с хорватами словенские иллиры также представляли по-разному. Часть из них являлись безоговорочными приверженцами хорватского варианта иллиризма. Они выступали за полный отказ от самостоятельного национального развития словенцев, за принятие хорватской культуры и языка. Один из видных словенских иллиров С. Враз вскоре уехал в Загреб и стал хорватским национальным поэтом. Штириец И. Мацун, служивший учителем в латинской школе в Триесте, летом 1848 г. на страницах газеты «Словения» все еще отрицал возможность самостоятельного развития словенского языка и литературы. Он предлагал ввести обучение в словенских школах на иллирском (т.е. хорватско-сербском) языке. Однако словенские патриоты не поддержали его, и он вынужден был пересмотреть свою позицию, а впоследствии принял участие в составлении учебников на словенском языке³⁶.

Существовала также словенская разновидность иллиризма, идеологом которой являлся Матия Маяр-Зильский (1809–1892), сын ре-

месленника из Зильской долины. Этот каринтийский священник был собирателем словенских народных песен (им записано около 270 песен), этнографом и публицистом. В 1848 г. Маяр проявил себя как крупный теоретик словенского национального движения. Он не был сторонником безусловного принятия хорватского языка за основу «иллирского», иллирский язык, по его мнению, должен был представлять нечто среднее между хорватским и словенским языками. Объединение с хорватами он считал первым шагом в создании всеславянской культурно-языковой общности. Необходимым условием для осуществления своих иллирийских концепций М. Маяр считал развитие словенского языка и культуры, чему отдавал немало сил³⁷. Этих же взглядов придерживались и штирийские иллиры С. Кочевар, Й. Муршец, Ф. Миклошич³⁸.

Иллиризм способствовал распространению идей славянской взаимности в Словении, предопределил появление в 1848 г. югославянской идеи. Немало сделали словенские иллиры для развития словенского национального движения, содействовав принятию нового правописания (гаицы) в словенских землях, проявляя интерес к словенскому фольклору и т.д. На первый план своей просветительской деятельности словенские иллиры выдвигали национальные интересы. Вопросы религии практически отсутствовали в их пропаганде. Статьи в «Новицах» словенских сторонников иллиризма имели культурно-политический характер³⁹. И все же иллирийское движение несколько тормозило развитие словенского национального самосознания. В 1840-х годах оношло на спад, так как хорваты заняли резко националистическую позицию. Из среды прежних сторонников иллиризма вышло большинство словенских либералов 1848 г.

К 1848 г. в Австрийской империи назрела необходимость буржуазно-демократических перемен – ликвидации абсолютизма, феодальных отношений, решения национального вопроса. Накануне революции в Словении не существовало еще ни политических программ, ни партий. Однако уже наметились основные политические течения среди словенских национальных деятелей – преобладающее консервативное и либеральное. Были созданы условия для перехода словенского национального движения на новый этап своего развития – от просвещенства к политической борьбе. Мощный толчок в этом направлении дала революция 1848 г.

Примечания

- ¹ Hellbling E. Österreichische Verfassungs- und Verwaltungs-geschichte. Wien, 1956. S. 330–331; Pridočniki in Karte o organizacijski strukturi do 1918. Graz–Klagenfurt–Ljubljana–Gorizia–Trieste, 1988. S. 78–79.
- ² Geschichte der Deutschen im Bereich des heutigen Slowenien 1848–1941. Wien–München, 1988. S. 53.
- ³ Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Wien, 1980. Bd. III. S. 801.
- ⁴ Kolejka J. Národy Habsburské monarchie v revoluci 1848–1849. Praha, 1989. S. 116.
- ⁵ Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980. С. 60.
- ⁶ Vodopivec P. Socialni in gospodarski nazori v slovenskih in sosednih pokrajinah v predmarčni dobi. Ljubljana, 1978. S. 80.
- ⁷ Grafenauer B. Slovenski kmet v letu 1848// Zgodovinski časopis. 1948–1949. II/III. S. 15.
- ⁸ Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda. Ljubljana, 1961. T.5. S. 174.
- ⁹ Vodopivec P. Op.cit. S. 50.
- ¹⁰ Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda...S. 154.
- ¹¹ Macartney C.A. The Habsburg Empire 1790–1918. London, 1971. S. 270. Макартни считает, что эти поборы не были слишком обременительны для крестьянина.
- ¹² Grafenauer B. Slovenski kmet...S. 15.
- ¹³ Bax M. История австрийской революции 1848 г. М.–Л., 1923. С. 15.
- ¹⁴ Granda S. Dolenjska v revolucionarnem letu 1848/49. Novo Mesto, 1995. S. 89.
- ¹⁵ Pleterski J. Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana, 1965. S. 14–21. Объясняется это, очевидно, исторически сложившимися и природными различиями в положении северо-западной (преимущественно немецкой) и юго-восточной (преимущественно словенской) Каринтии. Словенская часть Каринтии гориста, крестьянские наделы здесь были гораздо меньшими, чем в равнинных северных районах, заселенных немцами. К тому же в юго-восточной Каринтии личная зависимость крестьянина была отменена позже, чем в северо-западной. В немецких районах многие крестьянские наделы были наследственными, в словенских – крестьяне по большей части являлись арендаторами земли.
- ¹⁶ Bax M. Указ. соч. С. 15; Авербух Р.А. Революция в Австрии (1848–1849 гг.) М., 1970. С. 31–32.
- ¹⁷ Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973. S. 73.
- ¹⁸ Ibid. S. 60, 66, 70.
- ¹⁹ Die Habsburgermonarchie... Bd. III. S. 802.
- ²⁰ Řpih J. Slovenci in leto 1848. Ljubljana, 1888. S. 19.
- ²¹ В Штирии и Каринтии процент учащихся был выше, чем в Крайне (Gestrin F., Melik V. Op. cit. S.77).

²² Řpih J. Op. cit. S. 11, 14.

²³ Ibid. S. 19.

²⁴ Vošnjak J. Spomini. Ljubljana, 1982. S. 14–15.

²⁵ Чуркина И.В. Словенское национально-освободительное движение и Россия в XIX в. М., 1978. С. 37.

²⁶ Slovenija. 1848. 28.VII.

²⁷ Řpih J. Op. cit. S. 5.

²⁸ Lončar D. A. Globočnik in slovenski narodni program 1848 leta// Carniola. Ljubljana, 1912. S. 208.

²⁹ Čurkina I.V. Matija Majar-Ziljski // Razprave VIII/2. Ljubljana, 1974. S. 15.

³⁰ Novice. 1848. 29.IX; 6.X; 17.X; 1.XII.

³¹ См. «Здравицу» Прешерна 1844 г. (Прешерн Ф. Избранное. М., 1955. С. 15–17).

³² Novice. 1848. 26.I.

³³ Цит. по: Grafenauer B. Uvodna beseda//Zbornik za zgodovino naravoslovja in tehnike. Zv.7.Bleiweisov zbornik. Ljubljana, 1983. S. 10.

³⁴ Освободительные движения... С. 210.

³⁵ Petre F. Poizkus ilirizma pri slovcih (1835–1849). Ljubljana, 1939. S. 286.

³⁶ Slovenija. 1848. 11.VII; 28.VII; 1.VIII.

³⁷ Čurkina I.V. Matija Majar-Ziljski. S. 17, 21.

³⁸ Granda S. Graška Slovenija...S. 47.

³⁹ Petre F. Op. cit. S. 296.

ГЛАВА II

НАЦИОНАЛЬНОЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЛОВЕНИИ В МАРТЕ – ИЮНЕ 1848 г.

1. Народные выступления в марте–июне 1848 г.

В 1848 г. кризис феодально-абсолютистских режимов в Европе, обострившийся вследствие нескольких неурожайных лет и экономического кризиса 1847 г., достиг своего апогея, и волна буржуазно-демократических революций захлестнула большую часть Европы. В январе 1848 г. вспыхнули революции в Палермо и Сицилии, в феврале – в Неаполе и Тоскане, а к середине марта уже почти во всех итальянских государствах были приняты конституции. 22–24 февраля во Франции победила революция, и монархию сменила республика. Под натиском революционных сил были обещаны реформы в южногерманских государствах. 18 марта революция победила в Пруссии.

В Австрийской империи атмосфера также быстро накалялась. 3 марта венгры во главе с Л. Кошутом потребовали создания своего независимого министерства. 11 марта чехи выдвинули свою национальную программу. Они требовали введения политических свобод, отмены феодальных повинностей, равноправия чешского и немецкого языков и создания Королевства Чехии, Моравии и Силезии с собственным ландтагом. Восстание в Вене, ознаменовавшее начало революции в Австрийской империи, вспыхнуло 13 марта. Под давлением восставшего народа император Фердинанд I был вынужден подписать отставку князю Меттерниху, долгие годы управлявшему империей. Полицейско-бюрократический режим рухнул. 15 марта императорскими указами были провозглашены свобода слова, печати, собраний и создание национальной гвардии. Фердинанд I дал согласие на созыв рейхстага для выработки конституции. В тот же день началась революция в Венгрии, и уже 17 марта правительству пришлось признать ее самостоятельность (правда, в рамках империи). 22 марта провозг-

ласили свою независимость Венеция и Милан. На следующий день Пьемонт начал войну за освобождение северной Италии от австрийского ига. Империя рушилась.

Успех восстания в Вене был достигнут благодаря совместным действиям всех противостоявших абсолютизму сил – буржуазии, интеллигенции и пролетариата. Однако размежевание между пролетариатом и буржуазией началось уже с первых дней революции. Для защиты завоеваний революции, а также в целях противодействия выступлениям рабочих, для охраны частной собственности были незамедлительно сформированы отряды национальной гвардии (по образцу национальной гвардии времен Великой французской революции). Буржуазия, возглавившая революционное движение, несмотря на победу Венского восстания, практически не получила власти. Во вновь основанном «ответственном» кабинете был лишь один буржуазный министр, остальные шесть являлись представителями дворянства и старой бюрократии. Никаких перемен в провинциальном управлении не произошло. Армия по-прежнему подчинялась непосредственно императору. Таким образом первые завоевания революции оказались под угрозой. Правительство ожидало часа, когда оно сможет взять реванш.

Вся империя была охвачена революционным брожением. Повсеместно вспыхивали крестьянские бунты, угнетенные национальности развернули борьбу за свои права.

В словенских землях революционный подъем принял весьма умеренные формы и проходил под знаком безусловной лояльности дому Габсбургов. О свержении Меттерниха в Граце (центр Штирии) стало известно уже 13 марта, а в Любляне и Целовце о нем узнали 16 марта. Ликование было всеобщим, хотя и выражалось оно по-разному. Так, в Любляне буржуазные круги и чиновничество во главе с бургомистром отметили это событие театральным представлением, низшие слои – разгромом таможни, нападением на дом бургомистра и т.д. На беспорядки люблянская буржуазия немедленно ответила созданием отрядов национальной гвардии, главной задачей которой, по словам Блейвайса, было «противостоять разбойникам в господских и крестьянских одеждах и таким образом охранять мир, покой и безопасность» в городе¹. Отряды национальной гвардии были созданы и в других городах Словении. Как писали «Новиге», в этих отрядах объединились «горожане всех сословий, учащаяся молодежь, имперские чиновники и многие дворяне»² (точнее – представители дворянства, буржуазии и интеллигенции), так как рабочие, ремесленники и прислуга не имели права вступать в национальную гвардию. Помимо охраны

частной собственности горожан, отряды национальной гвардии в словенских землях отчасти выполняли функции армии, поскольку почти все размещавшиеся здесь правительственные войска были отзваны в Италию³. Народные волнения в городах скоро прекратились.

Весной 1848 г. в Любляне, Идрии, Подрошице имели место выступления рабочих. Управление идрийских рудников вынуждено было отдать в собственность рабочих фонд взаимопомощи. На металлургическом заводе в Подрошице управление на некоторое время даже перешло в руки рабочих⁴. В целом борьба словенских пролетариев в то время имела стихийный, спорадический характер. Самостоятельным классом словенские рабочие себя еще не осознавали, своих классовых требований не выдвигали, а в большинстве своем присоединялись к крестьянским выступлениям.

Крестьянское движение в Словении было сильнее и продолжительнее выступлений горожан и рабочих. Наиболее мощный его подъем пришелся на первые месяцы революции – конец марта – начало мая 1848 г.⁵ Считая, что свершившаяся революция уничтожила феодальную зависимость, крестьяне отказывались от выполнения феодальных повинностей и уплаты податей, требовали восстановления своих сервитутных прав, поджигали поместья усадьбы и убивали помещиков. Насильственные действия чаще имели место там, где у крестьян были старые незаконченные тяжбы со своими феодалами.

Центром крестьянских волнений стали Нижняя и Внутренняя Крайна. Крупнейшее восстание произошло в Ижанах. Общее недовольство ижанских крестьян своим подневольным положением усиливалось из-за того, что местный феодал уже 35 лет запрещал им рубить дрова в окрестных лесах, тем самым ограничивая их старинные сервитутные права. В ночь с 21 на 22 марта примерно 300–500 крестьян совершили нападение на Ижанский замок, разграбили его, сожгли земельные книги и урбарию, а также всю мебель, домашнюю утварь и т.д. Затем крестьяне направились к дому священника, но расправы здесь учинить не успели из-за прихода войск, подавивших восстание. Волна крестьянских выступлений прокатилась по окрестностям городов Радовлице, Крань, Смледник, Мирна, Черномль и др. Наряду с замками феодалов нападениям часто подвергались и церковные владения (церковь в Словении обладала немалым количеством земель). В целях пресечения народных волнений губернатор Крайны и Каринтии граф Л. фон Вельсерштайн издал указ о введении в Крайне осадного положения. Участникам крестьянских выступлений отныне угрожала расправа на месте. Также было объявлено о коллективной ответственности членов

крестьянской общины за беспорядки⁶. Принятые властями меры привели к определенному спаду крестьянского движения в Крайне⁷. Нападения на феодальные поместья прекратились. Однако, как сообщалось в донесении губернского чиновника министерству внутренних дел империи (27 марта), «с каждым днем ничуть не уменьшаются угрозы со стороны зависимых крестьян, и несколько уже задуманных нападений не совершилось лишь из-за помощи правительственныйных войск»⁸.

Позднее начались крестьянские волнения в словенской части Каринтии (немецкая часть, где положение крестьян было легче, оставалась спокойной). Губернское управление писало министру внутренних дел 23 марта: «Каринтийцы менее раздражены (чем крайнцы. — Л.К.) и, особенно в немецких районах, добродушны; настроение здесь мирное и лояльное по отношению к императорскому дому»⁹. Однако это успокоительное сообщение было преждевременным. 24 марта вспыхнули волнения в округе Подъюна, где было совершено нападение на Женешский замок, затем в окрестностях городов Целовец, Рожек, Подрощице. В Нижней Штирии и Приморье обстановка тоже накалилась, хотя крестьянское движение здесь было значительно слабее, чем в Крайне.

Напуганные размахом народных выступлений, провинциальные власти пошли на уступки крестьянам. В Каринтии провинциальные сословия включили в свой состав семерых крестьян, в Крайне — трех¹⁰. Впрочем, об этом нововведении крайние власти в Вену не сообщали, боясь, что оно будет закреплено. Под давлением крестьянских выступлений император 27 марта издал патент о переводе натуральных повинностей в денежную ренту с 1 января 1849 г. Временные патенты были изданы 11 апреля для Штирии, а 25 апреля для Каринтии. Ландтаг Каринтии еще 29 марта принял решение послать императору прошение об отмене феодальных повинностей. Однако отправка прошения была задержана местными властями под предлогом недействительности решения собрания (крестьянские представители в нем еще не были утверждены правительством). Надежды крестьян на передачу прошения императору рухнули, патент их чаяний не оправдал. Это вызвало новый всплеск крестьянских волнений. Под его давлением каринтийские провинциальные сословия подали прошение императору о расширении патента от 25 апреля. Дополнительный патент для Каринтии последовал сразу после майского восстания в Вене, 15 мая. В нем говорилось уже о полной отмене феодальных повинностей за выкуп к концу 1848 г. О размерах податей этого года феодалам и их крестьянам предлагалось договориться самим, а в том

случае, если они не придут к согласию, до конца 1848 г. повинности должны исполняться по прежним законам.

Для Крайны такой патент был издан позднее. Правительственных войск в этой губернии было размещено больше, чем в Штирии и Каринтии, к тому же после подавления восстания в Ижанах власти убедились, что в случае необходимости правительство быстро предоставит им военные силы, и не желали идти навстречу крестьянским требованиям. Однако в начале мая по Крайне прокатилась новая волна крестьянских выступлений. Особое возмущение крестьян вызывало то, что во всех соседних областях (Штирии, Каринтии, Хорватии) уже были получены патенты, ограничивавшие действия старых законов концом 1848 г., а для Крайны ничего не изменилось. В начале мая в Вену к министру внутренних дел Пиллерсдорфу пришла крестьянская депутация из Крайны с прошением об отмене феодальных повинностей. Депутация представляла интересы крестьян почти всей Внутренней Крайны, что свидетельствовало о начавшемся там объединении крестьянского движения. Пиллерсдорфа обеспокоило это обстоятельство, и он усилил давление на губернатора Крайны, требуя принять действенные меры для успокоения народа¹¹. Крайнские власти, наконец, обратились к императору с просьбой о патенте. 22 мая Крайна получила патент об отмене феодальных повинностей за выкуп (аналогичный патенту для Каринтии от 15 мая).

Политика австрийского правительства, предусматривавшая успокоение крестьян путем некоторых уступок и обещаний, встретила поддержку словенской буржуазии, интеллигенции и духовенства. В этой среде царили радость и воодушевление в связи с предпринятыми властями империи действиями. Все надежды на перемены в общественной жизни возлагались на «доброго отца Фердинанда». «Мы от всего сердца веселимся и кричим “Да здравствует Фердинанд!”, и в этой радости не берем на себя слишком многоного и с радостным сердцем и мирно ожидаем милостей, которые получим в новых законах», – провозглашал Блейвейс в «Новицах»¹². Словенские национальные деятели, как консервативно, так и либерально настроенные, были едины в своем неприятии народных выступлений, в стремлении склонить крестьян к мирному ожиданию императорских благодеяний.

Активную пропаганду среди крестьянства развернули словенское духовенство и газеты. Действовали они как по собственному убеждению, так и в соответствии с директивами министерства внутренних дел и указаниями провинциальных властей. Словенский консерватор епископ Мартин Сломшек в своем «Постном пастырском письме» от 2

апреля 1848 г. укорял крестьян за то, что они, вместо того, чтобы поблагодарить бога за обещанные милости и терпеливо подождать их исполнения, ведут себя «как распущенные дети, которые сразу же рвут и топчут старую одежду, как только заботливый отец пообещает подумать о новой одежде для них». Чтобы убедить крестьян в необходимости по-прежнему выполнять феодальные повинности, Сломшек находил самые разнообразные доводы: то, что дает крестьянин господину, он дает также императору, а то, что дает духовенству, дает богу; что «налоги существовали с тех пор, как свет стоит, и будут существовать, пока он стоять будет». Епископ объяснял, что по сравнению с прежними временами повинности крестьян вовсе не так уж тяжелы, а будут еще легче, неоднократно ссыпался на Священное Писание. Однако, по признанию самого Сломшека, его попытка успокоить крестьян не увенчалась успехом¹³. В ряде мест они с угрозами прерывали чтение его письма священниками¹⁴. С подобными же увещеваниями обращался к крестьянам и Блейвейс. Почти в каждом номере «Новиц» звучали призывы к крестьянам исполнять повинности и платить налоги господам согласно старым законам до тех пор, пока не будут утверждены новые и установлена сумма выкупа¹⁵. Любивший свою паству и отлично знавший тяготы крестьян, М. Маяр также старался убедить их, что «свобода не распространяется настолько далеко, чтобы крестьянин ничего не был бы должен господину»; что нужно «исполнять свои обязанности как подобает верноподданным»¹⁶.

Как видно из вышеприведенных высказываний, словенские национальные деятели всех направлений весной 1848 г. еще не освободились от представлений, основывающихся на старом феодальном праве. То, что крестьянин должен дать феодалу компенсацию за освобождение от повинностей и налогов, казалось им само собой разумеющимся. Особенно ясно это звучит в словах Блейвейса: «Десятина, барщина и другие повинности – это старые долги, которые крестьянин обязан выплатить господину»¹⁷. Обещание императора установить новые законы, позволяющие крестьянам откупиться от феодала, воспринималось ими как благодеяние.

Многие словенские национальные деятели в 1848 г. видели причины бедственного положения крестьян не столько в феодальном бремени, сколько в их собственной нерадивости и темноте, в неурожаях¹⁸. Крестьянские выступления, по их мнению, вызывались частными разногласиями с феодалом и подстрекательством со стороны некоторых «злодеев»¹⁹. Отдельные патриоты (например М. Амброж) усматривали корень «мерзкого разбойничания» крестьян в том, что господа их

не знали родного языка, и крестьяне к ним относились как к чужим. Глубокий разрыв между феодалами и зависимыми крестьянами они видели прежде всего в отсутствии словенского национального самосознания у землевладельцев²⁰.

Народные волнения воспринимались словенскими национальными деятелями как выходки незрелых людей. Терпеливо и настойчиво, как малым детям, Блейвейс и его единомышленники старались объяснить крестьянам их ошибки, призвать к благоразумию. Блейвейс убеждал их не давать «себя морочить лживым язычникам, присяжным писакам и другим мошенникам, которые с помощью такого обмана лишь свои кошельки наполняют, ближнего же своего ввергают в большие денежные убытки»²¹; указывал, что разбоем они себе не помогут, а лишатся имущества и головы²². Крайне резко восприняли словенская буржуазия и интеллигенция нападение крестьян на Ижанский замок. «Новице» назвали ижанцев «разбойниками, недостойными называться краинцами»²³, а один из будущих членов Словенского общества в Любляне Янез Навратил даже высказал на страницах газеты удовлетворение тем, что в Крайне «все злодеи, подобные ижанцам, будут без промедления осуждены на расправу на месте ... и обезглавлены»²⁴.

Чтобы по возможности предотвратить взрывы стихийного недовольства народа, Блейвейс уже в конце марта открыл в «Новицах» новый раздел «Беседы с крестьянами и ремесленниками», в котором разбирались и опровергались разные слухи, распространявшиеся в словенских землях в марте – апреле 1848 г., велась переписка с крестьянами. Этот раздел газеты, еще не привлекавший внимания исследователей, дает нам возможность увидеть, какое смятение царило тогда в умах людей, какие надежды родила в крестьянских сердцах революция. Слухи, по-видимому, распространялись людьми, имевшими достаток и образование, во всяком случае, в «Новицах» постоянно подчеркивалось, что они носят «господскую одежду»²⁵. Вполне вероятно, впрочем, что такой акцент делался специально, чтобы вызвать у крестьян недоверие к распространителям слухов как к представителям чуждого им круга. Судя по содержанию этих слухов, вряд ли их передавали люди образованные. Одни говорили, что налогов теперь, при конституционном строе, будет в два раза больше, а вместо одного господина будет 500. Другие говорили – и эта мысль прочно закрепилась в крестьянских головах, – что революция сразу отменила все налоги и повинности²⁶. Переписка «Новиц» с крестьянами также показывает размежевание в их среде. Так, многие крестьяне в своих письмах возмущались тем, что газета резко осуждает их восставших

собратьев, тогда как в бунтах виноваты сами господа²⁷. А в письме, опубликованном во второй половине апреля, когда уже наметился некоторый спад крестьянских волнений, видно стремление к мирному разрешению споров с помещиками. Описывая тяготы своей жизни и жестокость господина, крестьяне просят не требовать с них больше того, что они в состоянии дать, подчеркивая, что они честно выполняют свои обязанности²⁸. Еще одно письмо, помещенное в газете несколько ранее, раскрывает позиции зажиточных крестьян-землевладельцев. В нем нет ни слова об экономических проблемах крестьянства, упор делается на его политическую бесправность. Крестьяне высказывают желание принять участие в работе законодательного рейхстага, просят, чтобы их причислили к третьему сословию²⁹.

В мае–июне 1848 г., вследствие репрессивных мер и – главное – издания патентов об отмене феодальных отношений, обстановка в словенских землях стала спокойнее. Свои требования крестьяне теперь выдвигали в многочисленных прошениях императору, веря в его милость, ожидая от него защиты от своих господ. О том, что в своем сознании крестьяне противопоставляли императора феодалам, свидетельствует тот факт, что против государственных налогов они не выступали (в отличие от налогов и повинностей феодалам). О принятых в Вене постановлениях проинформированы они были плохо и, посылая свои прошения, верили, что тяготы их разрешатся в самом скором времени. Крестьянские депутатации (самой крупной из которых была делегация, встречавшаяся с Пиллерсдорфом) отправлялись в Вену из разных областей Словении. Наибольшее их количество, согласно полицейским документам, пришлось на вторую половину июля. В мае при министерстве внутренних дел была создана особая комиссия для приема делегаций крестьян, откуда их прошения пересыкались на рассмотрение в губерниях³⁰.

До нас дошло около 50 прошений из Крайны (прежде всего из Нижней Крайны), на основании которых можно составить более полную картину крестьянских требований. Главным из них, естественно, было требование отмены феодальной зависимости и связанных с ней налогов и повинностей (барщины, десятины, чинша и др.). Во многих прошениях осуществление этого акта предполагалось без выкупа, а все выкупные договоры, заключенные с 1846 г., предлагалось считать недействительными, а уже выплаченную крестьянами часть выкупа господа были обязаны вернуть. Кроме вышеперечисленных чаще всего выдвигались следующие требования: отмена налогов духовенству и перевод священников на государственное обеспечение,

восстановление крестьянских сервитутных прав, отмена патrimonиального суда, право для крестьян охотиться и ловить рыбу в своей окруже, отмена таможенных пошлин (прежде всего – на границе с Хорватией), снижение налога на соль, введение подоходного налога вместо налога на предметы потребления.

Современные исследователи несколько расходятся в оценке крестьянских петиций. Словенский историк С. Гранда рассматривает петиционное движение как одну из важнейших особенностей революционного движения у словенцев. Особое внимание он уделяет так называемым «хорватским петициям», в которых крестьяне наряду с требованием отмены феодальных повинностей высказывались за объединение с Хорватией. В отличие от хорватского исследователя П. Корунича, связывающего составление этих петиций с деятельностью словенских патриотов, со словенским «иллиризмом», С. Гранда аргументированно доказывает, что петиции были составлены выходцами из простых слоев, и в них нет «ни следа политического и языкового иллиризма»³¹. Он подчеркивает антифеодальный характер «хорватских петиций» и объясняет высказанное в них стремление к объединению с хорватами тем, что в Хорватии к тому времени уже были отменены феодальные повинности.

Только в одном крестьянском прошении – из Рибницкого округа – составленном, по-видимому, человеком, не чуждым национального самосознания, из среды интеллигенции, содержались требования признания словенского языка официальным в Словении, введения его в канцелярии и перевода всех законов на словенский язык. С другой стороны, чисто крестьянские требования изменения земельных отношений ставились в этом прошении только в самом общем плане, как второстепенные.

В целом крестьянские прошения имели почти исключительно экономический характер, национальный вопрос в них не затрагивался. Пребывание в Вене оказало на многих крестьян отрезвляющее воздействие. Они убедились, что правящие круги вовсе не склонны немедленно снять с них бремя феодального гнета. Майское восстание в Вене способствовало как усилинию революционных настроений среди словенских крестьян, так и расширению их политического кругозора. Так, уже в начале июня в их среду стали просачиваться идеи естественного равенства всех людей³². Кроме прошений императору, крестьянское движение в мае–июне 1848 г. приняло форму участия в выборах во Франкфуртское национальное собрание, австрийский законодательный рейхстаг, провинциальные собрания. Эту сторону крестьянской активности мы рассмотрим ниже при общей характеристике выборов.

Уже в начальный период революции стала вырисовываться пропасть, разделившая словенских национальных деятелей и крестьян, некоторые из них (священники, землевладельцы) по своему положению не были заинтересованы в отмене феодальных отношений без выкупа, так как имели право на повинности крестьян. Словенская интеллигенция, сочувствовавшая тяжелому положению крестьян, небезосновательно опасалась стихийности и неуправляемости народных восстаний.

2. Создание программы Объединенной Словении

В 1848 г. в Габсбургской монархии бурно протекал процесс самоопределения населявших ее народов. Движение за объединение Германии всколыхнуло всю немецкую часть империи, Пруссию и южногерманские государства. На юге империи велись ожесточенные бои за освобождение Ломбардии и Венеции от австрийского ига и объединение Италии. Польский вопрос снова встал на повестку дня. Венгры добились возможности создать собственное правительство. Отчасти были удовлетворены и требования чехов (патент 8 апреля). Великая народная скупщина в Загребе 25 марта приняла либеральную программу объединения Хорватии, Славонии и Далмации в Триединое королевство и создания в нем ответственного правительства. Граничарский полковник Й. Елаич при тайном согласии двора был провозглашен хорватским баном. Сербская скупщина в г. Сремски-Карловцы 15 мая объявила об образовании новой политической единицы в составе Австро-Венгерской империи – Сербской Воеводины и сформировала сербское правительство.

Не замедлили выступить со своими политическими требованиями и словенцы. Основную роль в разработке словенской политической программы сыграли либералы из числа бывших сторонников иллиризма. Первым сформулировал главные требования словенцев М. Маяр. Уже 17 марта он написал статью «Что мы, словенцы, требуем», а 29 марта ее опубликовали «Новице». Призываая к миру и братству все народы Австро-Венгерской империи, Маяр писал: «Пусть каждый живет в своей земле, дома, как ему нравится: немец по-немецки, итальянец по-итальянски, венгр по-венгерски... Мы, словенцы, также твердо со всей силой ото всех требуем, чтобы и нам дали жить у себя дома по-нашему: словенцам по-словенски». По мнению Маяра, словенские депутаты должны были выдвинуть в Вене перед правительством требование: «Чтобы мы могли в Словении, когда захотим и как

захотим, постепенно ввести в школы и канцелярии наш словенский язык...»³³. По справедливому замечанию И. В. Чуркиной, в требовании М. Маяра дать возможность словенцам жить в своей стране, как они хотят, уже содержалась в еще не вполне оформленвшемся виде идея объединения словенских земель³⁴. В конце марта – начале апреля Маяр составил несколько петиций и распространял их по Штирии для сбора подписей. В одной из этих петиций, написанной им в Целовце и опубликованной 11 апреля в газете хорватских либералов «Новине хорватско-славонско-далматинске», Маяр высказался за созыв в словенских землях своего представительного собрания и за тесный союз словенцев с хорватами³⁵.

Интенсивную разработку словенских политических требований вели также национальные деятели, жившие в Вене. В своем «Адресе краинским сословиям», составленном 29 марта и имевшем 44 подписи, они призывали к защите словенской народности в словенских землях³⁶. В воззвании «Милые словенские братья», написанном в Вене в начале апреля, словенские студенты-юристы М. Семрайц, А. Глобочник выразили горячее одобрение Маяру за его статью в «Новицах» и высказались за объединение словенских земель³⁷. Политическое требование создания Объединенной Словении прозвучало и в воззвании чешских и хорватских депутатов, прибывших в Вену со своими прошениями императору, «Братьям словенцам в Крайне, Приморье, Штирии и Каринтии». Воззвание было составлено словенцем А. Глобочником и опубликовано в Вене 5 апреля. В нем говорилось о необходимости единства и взаимопомощи всех славянских братьев в новой, конституционной Австрийской монархии, свободного развития каждой из славянских народностей. Оканчивалось воззвание призывом к словенцам: «Обнимитесь по-братьски все словенцы от славянских берегов Ядрана (Адриатического моря. – Л. К.) до быстрой Дравы. Создайте в своих мыслях и сердцах Словению, которой еще не существует политически! Принесите к высочайшему престолу ваши прошения, чтобы Словения была признана также политически... Подайте по-братьски руку нашим соседям в Хорватии, Славонии и Далмации и признаите в них тех, к кому вы должны прежде всего обратиться, чтобы в союзе с ними достичь вашей высокой цели»³⁸.

В апреле 1848 г. наиболее активные словенские патриоты создали в Вене, Граце и Любляне первые политические общества.

Венское общество «Словения» было основано 20 апреля. Председателем его был избран Франц Миклошич, выдающийся ученый-славист, поэт и философ.

Ф. Миклошич родился в семье мелкого торговца и трактирщика, недалеко от Лютомера, в 1813 г. Он окончил гимназию в Мариборе, изучал право и философию в Граце. В 1836 г. уехал в Вену, где занялся адвокатурой. С 1844 г. он работал в Венской придворной библиотеке. Интересы и способности этого человека были чрезвычайно многогранны. Он дружил с С. Вразом, увлекался иллиризмом и даже писал стихи на «иллирийском» (хорватско-сербском) языке. В Вене он стал другом Е. Копитара, после смерти которого занял место цензора. Миклошич владел всеми славянскими и классическими языками, санскритом, новогреческим, немецким, французским, английским и итальянским. Он написал этимологический словарь старославянского языка и греческих рукописей и работал уже над своей знаменитой сравнительной грамматикой славянских языков. Несомненно, в 1848 г. имя Миклошича было широко известно и популярно среди славянской интеллигенции.

Словенские проблемы составляли лишь незначительную часть его интересов. С. Кочевар еще в 1837 г. писал С. Вразу, что боится за Миклошича, так как его честолюбие угрожает отвести его далеко в сторону от славянства³⁹ (т.е. стремление занять прочное официальное положение приведет его к отказу от национальной деятельности). Действительно, политикой Миклошича занимался только в 1848 г. Весной он участвовал в разработке и пропаганде словенской национальной программы.

Заместителем председателя «Словении» стал Й. Хладник, впоследствии председатель Словенского общества в Целовце. Членами общества были главным образом интеллигенты, работавшие или учившиеся в Вене. Среди них – студенты-юристы А. Глобочник и М. Семрайц, составитель первого географического атласа словенских земель П. Козлер, профессор богословия в Венском университете А. Фюстер.

Антон Фюстер (1808–1881) был выходцем из торгово-ремесленной семьи, получил духовное образование, много лет работал в Приморье (в Триесте, затем в Горице). В 1847 г. он получил должность профессора богословия в Венском университете. Там Фюстер завоевал авторитет у студентов своим свободомыслием, борьбой за демократизацию системы университетского образования. Революцию он встретил с большим подъемом и принял в ней деятельное участие, выступая с позиций немецкой демократии. Пожалуй, никакой другой словенец тогда не имел таких радикальных взглядов, как Фюстер. Наряду с другими венскими словенцами он подписал «Адрес краинским сословиям», вступил поначалу в общество «Словения». Однако словенским патриотом Фюстер не был, от национального движения соотечественников он

отошел быстро. Включившись в политическую борьбу на стороне немецких демократов, он поддержал также и их отношение к национальным движениям австрийских славян. Словенские патриоты восприняли позицию Фюстера как предательство, упоминания о нем в словенской прессе 1848 г. носили негативный характер⁴⁰.

Революционный порыв временно объединил в венском обществе «Словения» людей весьма различных взглядов. Март 1848 г. для всех них на первое место выдвинул национальную солидарность людей, силою обстоятельств оторванных от родины. Впоследствии судьбы их разошлись. Но даже за тот короткий период, охваченные общим энтузиазмом, они многое успели сделать.

20 апреля венское общество «Словения» приняло программу, в которой национально-политические стремления словенцев получили наиболее четкое оформление. В ней выдвигались следующие требования: «1. Политически раздробленный народ словенцев в Крайне, Штирии, Приморье и Каринтии как единый народ объединить в единое государство, чтобы он имел свое собственное провинциальное собрание; 2. Чтобы словенский язык у нас имел полностью те же права, какие имеет немецкий в немецких землях, и чтобы от нашей воли зависело введение его в школы и канцелярии; 3. Чтобы Словения была неотъемлемой частью Австрийской, а не Германской империи»⁴¹. Эта программа вошла в историю под названием «Программа Объединённой Словении». Требование Объединенной Словении стало центральным политическим лозунгом словенских либералов в 1848 г.

Общество «Словения» в Граце образовалось 16 апреля 1848 г. Состояло оно преимущественно из представителей местной словенской интеллигенции и студентов. Одним из наиболее активных и даровитых членов общества являлся Йосип Муршец, священник, доктор философии и теологии. Муршец одно время увлекался иллиризмом. В 1847 г. в Граце он издал «Краткий словарь словенского языка для начинающих». Муршец был одним из инициаторов создания общества «Словения», председателем которого стал Йосип Драгони-Крженовски, по происхождению чех из Моравии. Активным членом общества был 27-летний юрист доктор Йосип Крайниц, сын зажиточного крестьянина. В 1848 г. он выдвинулся в ряды крупнейших идеологов словенского национального движения⁴². По некоторым данным, грацкое общество «Словения» имело около 200 членов⁴³.

В проекте петиции императору, составленном 16 апреля и опубликованном в «Грацер цайтунг» 22 апреля 1848 г., грацкое общество выдвинуло в целом ту же программу, что и венское, но в ней была боль-

ше подчеркнута ориентация на союз с хорватами. Так, в этом проекте (дошедшем до нас не полностью, его заключительная часть, по-видимому, утеряна) содержались требования уничтожения таможенной границы между словенскими областями и Хорватией, организации высших школ в хорватских и словенских землях по общему принципу и т.д. Вероятно, подписей под этой петицией не собирали – во всяком случае, историки подобными сведениями не располагают⁴⁴.

Обоснование национальных взглядов членов грацского словенского общества было дано И. Муршецем в статье «Частичное освещение современного языка и связанных с ним обстоятельств жизни словенцев в Штирии, Крайне, Каринтии, Истрии, Триестской и Горицкой областях», напечатанной в «Грацер цайтунг» 17, 18, 22 и 26 апреля. Описывая, в каких тяжелых национальных условиях развивается словенский народ, Муршец стремился указать пути к достижению им равноправия. «Каждый народ имеет естественное право на свободное пользование родным языком и на справедливейшее требование его неограниченного развития. Поскольку родной язык обеспечивает дальнейшее существование народа, он является естественным достоянием и его развитие – лучшим средством духовного образования, условием высшей жизни, которая есть цель народов». Словенскому народу не дают возможности развивать свой язык, ограничивают его употребление. В школе обучение ведется на немецком языке, книги, журналы, словари – все немецкое, а о словенской истории, географии, литературе не может быть и речи, нет даже учебников словенского языка. «Вся национальная жизнь дышится уже в начальной школе, и единственным прибежищем языку является церковь», – писал с горечью Муршец.

От недостатков школьной системы Муршец перешел к критике чиновниччьего аппарата, указывая, что по старому закону чиновники, служащие в славянских землях, обязаны знать язык народа. Но немецкие чиновники языка не знают, что создает множество сложностей для крестьян. С гневом отверг Муршец «немецкий» принцип, «засадивший нож в каждый нерв национальной жизни словенцев». Словенцы не приобщены к культуре, словенские интеллигенты не знают родного языка, а те книги, которые они пишут на немецком, не приносят пользы их народу. Словенцев лишают даже собственных названий городов и сел, переделывают их на немецкий лад. Словенская история растворилась в истории немецкого народа. Отсутствие класса словенских дворян Муршец также считал результатом пренебрежения к словенскому языку.

Муршец сделал вывод, что Австрию необходимо реорганизовать на основе естественного права, так как «система исторического права мертвa». И тогда словенцы будут единым народом, «свободным, конституционным, равноправным народом среди свободных народов» Австрийской монархии, а союз его с хорватским народом станет «не-преодолимой крепостью империи на юге».

Эта статья Муршца явилась не только подробным обоснованием словенской национальной программы, но и теоретической базой для всех дальнейших действий грацского общества «Словения»⁴⁵. Публицистика Муршца оказала большое влияние не только на штирийских словенцев. Например, один из активнейших словенских национальных деятелей Каринтии Андрей Эйншпилер позднее говорил Муршцу, что именно его статьи пробудили в нем желание защищать права родного народа⁴⁶.

25 апреля 1848 г. австрийское правительство опубликовало проект конституции, где империя провозглашалась единой и неделимой (Венгрии и итальянских областей это положение не касалось), император объявлялся верховным главнокомандующим, за ним закреплялось право вето на решения рейхстага. Рейхстаг планировался двухпалатным, избирательное право ограничивалось высоким имущественным цензом, к тому же его были лишены рабочие-поденщики, прислуга, лица, пользовавшиеся услугами благотворительных учреждений. Опубликование проекта было замаскированной попыткой возрождения абсолютизма, что тотчас вызвало протест со стороны революционно настроенных масс.

Словенскую общественность насторожило прежде всего провозглашение Австрии «единой и неделимой». В Граце была составлена еще одна петиция с требованием создания Объединенной Словении, причем под ней удалось собрать 11 000 подписей⁴⁷, что свидетельствует о большой популярности этой программы в Штирии в начальный период революции.

По сравнению с активной деятельностью, развернутой словенцами в Вене, Каринтии и Штирии в марте–мае 1848 г., в центре словенских земель Крайне национальное движение развивалось более вяло. Преобладающее влияние здесь имели умеренные консерваторы во главе с Я. Блейвейсом, осторожно реагировавшие на происходившие в общественной жизни империи перемены, хотя общее оживление захватило отчасти и их. С началом революции публикации в «Новицах» приобрели политическую окраску. Выходила газета по-прежнему раз в неделю, объем ее не изменился (4 страницы), но статьи культурно-

просветительного характера временно отступили на второй план. В газете печатались сообщения из Вены, последние директивы правительства и императорские возвзвания, появлялись публикации по национальному вопросу (в том числе статьи М. Маяра, возвзвания венских словенцев) и короткие заметки о событиях в других странах. Новые веяния затронули и официальную люблянскую газету «Лайбахер цайтунг», выходившую 3 раза в неделю на немецком языке. В начальный период революции редакция этой газеты стала печатать статьи словенских национальных деятелей, полемические материалы по вопросу об объединении словенцев. Впоследствии, по мере развития словенско-немецкой конфронтации, публикации этой газеты приняли антиславянский оттенок.

Позже, когда Блейвейс уже стал признанным лидером словенского национального движения, получила распространение версия о том, что именно он сформулировал требование Объединенной Словении на сессии сословного комитета 29 марта⁴⁸. Эту версию в беседе с историком Д. Лончаром опроверг впоследствии А. Глобочник, бывший в 1848 г. членом венского общества «Словения»⁴⁹. В действительности идею создания Объединенной Словении Блейвейс и его единомышленники восприняли очень осторожно, долгое время избегали высказываться о ней.

Стремления их ограничивались просьбами к императору расширить права словенского языка в словенских землях, разрешить преподавать его наравне с немецким, открыть в Любляне университет. Такие пожелания были высказаны в прошении, принятом краинским сословным комитетом (большинство в котором составляли немцы) 6 апреля 1848 г., и встретили поддержку Блейвейса и его сторонников⁵⁰. О том, чтобы словенский язык стал официальным в словенских землях, а тем более об Объединенной Словении, здесь не говорилось ни слова. Требования эти были умеренны, учитывали реальные возможности осуществления национальных чаяний словенцев. Действительно, реальное воплощение идеи Объединенной Словении, т.е. создания провинции Австрийской империи, было бы делом крайне затруднительным, потребовавшим перекраивание исторически сложившихся границ, в тех условиях практически неосуществимым. Поддержки властей и других национальностей, проживавших на территории этих провинций, эта идея встретить не могла. А стремление расширить права словенского языка, развивать словенское образование и культуру не вызывало протеста, в начале революции его склонны были поддержать и многие немецкие либералы.

В начале апреля 1848 г. в Вену отправилась делегация из Крайны во главе с Я. Блейвейсом для передачи императору прошения краинских сословий. В своем сообщении об итогах этой поездки Блейвейс впервые упомянул на страницах «Новиц» об Объединенной Словении. Описывая встречи краинской делегации с венскими словенцами, он отметил, что среди словенских патриотов не было единого мнения о путях развития словенского народа. Некоторые «искренние патриоты» предложили объединить словенские земли, другие же, более практические (среди них Миклошич, Доленц и сам Блейвейс), сочли это преждевременным. Позицию последних поддержал в беседе с краинской делегацией сам эрцгерцог Иоганн (слывший либералом), сказав, что для осуществления идеи объединения словенских земель необходимо, чтобы она исходила не только от некоторых «искренних патриотов», но являлась бы «единым гласом» всех народов, которые должны вступить в этот новый союз⁵¹. Однако по мере роста революционных настроений во всей империи (а также и в словенских землях) многие национальные деятели умеренного толка примкнули к лозунгу Объединенной Словении. Поездка краинской делегации в Вену, по-видимому, ускорила образование Словенского общества в Любляне.

Люблянское общество «Словения» было основано 25 апреля 1848 г. Временным председателем его стал доктор Хенрик Мартињак. По свидетельству люблянской полиции, Блейвейс был инициатором создания общества, но поначалу не стремился выдвинуться на первый план, ожидая реакции общественности и властей⁵². Лишь в начале июня он согласился занять пост председателя Словенского общества.

Об образовании общества было объявлено в приложении к «Лайбахер цайтунг» 29 апреля⁵³, в котором провозглашалось: «Долг каждого патриота способствовать процветанию и могуществу родины всеми возможными законными средствами». Для блага словенского народа, чье национальное развитие еще находится в колыбели, в Вене образовалось Словенское общество. Словенцы, имеющие счастье жить в центре своей любимой родины, не должны отставать от братьев, находящихся вдали от нее, и они также хотят основать подобное общество. Целью общества является «органическое развитие и подъем нашей словенской национальности в ее гармоническом подчинении идее Австрийской империи, и в неменьшей степени – поднятие нашего словенского языка на надлежащий уровень». Для этого необходимо прежде всего объединить словенцев в одну провинцию, ввести словенский язык в школы и учреждения. Средствами достижения этой цели общество считает Слово и Письменность. В заявлении выражалась надежда, что сло-

венские патриоты не замедлят вступить в ряды общества и что действия его будут способствовать укреплению всей монархии.

Как видно из этого документа люблянского Словенского общества, задачи свои и сферу деятельности его члены представляли себе еще расплывчато. Основание нового общества нашло живой отклик у словенцев Крайны. Уже в середине мая в нем насчитывалось около 200 членов, по преимуществу из среды учащейся молодежи. Вступили в общество и некоторые представители духовенства и крестьян. Как и в других словенских национальных обществах, здесь сплотились люди различных взглядов и положения в обществе – от молодых (по преимущественно неимущих) вольнодумцев-студентов до консервативно настроенного епископа Сломшека, который резко преследовал М. Маяра за его деятельность, был убежденным противником революции, конституции и отмены феодальных отношений.

На первых порах в обществе, очевидно, преобладала радикально настроенная молодежь, что вызывало некоторое беспокойство местных властей, высказавших пожелание, чтобы в него вступило больше людей зрелых и умеренных. В 20-х числах мая губернатор граф Вельсерпайм считал нужным обратить внимание полиции на то, что в выступлениях членов общества проскальзывала мысль о возможности преобразований в государстве «вне рамок законного пути»⁵⁴. 25 мая краинский сословный комитет направил в губернское управление очень резкое письмо относительно люблянского и венского Словенских обществ⁵⁵. Там говорилось, что преданность молодых членов обществ своей народности и языку является чрезмерной, становится «политическим бунтарством, опасным для мира в провинции».

Сословный комитет обратился к губернатору с просьбой издать распоряжения по охране мира в провинции, отвратить священников и чиновников от вступления в общество, носящее партийный (т.е. политический. – Л.К.) характер, обществу же указать, что оно не должно «преступать границы невинного развлечения своим местным языком». В письме даже высказывалось предположение, что среди тех, кто подстрекает крестьян к бунтам, есть и члены Словенского общества. Насколько соответствует действительности это заявление, сейчас судить сложно. Возможно, составители письма необоснованно связали новый подъем крестьянских волнений в области (май 1848 г.) с подозрительным для них национальным движением, деятели которого, как правило, крестьянские выступления осуждали. Граф Вельсерпайм 31 мая ответил краинскому сословному комитету в успокоительном духе – что до сих пор члены общества не преступали законов, и

пока они действуют в рамках своего устава, власти не будут применять к ним репрессивных мер⁵⁶.

К концу мая положение общества укрепилось, перевес в нем, по-видимому, оказался на стороне более умеренных национальных деятелей типа Блейвайса. 6 июня состоялось первое собрание Словенского общества в Любляне, был принят устав и избрано руководство. Блейвайс стал председателем, что, возможно, во многом обусловило довольно вялые действия общества, не раз подвергавшиеся критике, например, со стороны более активных либералов Штирии⁵⁷. Задачи общества были определены на этом заседании как сугубо просветительские, вполне в соответствии с пожеланиями властей: «развитие и распространение словенского языка всеми возможными и дозволенными конституцией путями». Особо подчеркивалось, что общество «не будет вмешиваться в политические дела». Решено было организовать выпуск печатного органа общества – газеты «Словения» с июля 1848 г. под редакцией М. Цигале⁵⁸. На первом собрании общества вопрос об объединении Словении не ставился, вероятно, для успокоения консервативно настроенной общественности и местных властей. Однако от требования Объединенной Словении члены общества тогда еще не отказались. Его вновь поднял в конце июня Я. Блейвайс в полемической статье в защиту национальных прав словенского народа, опубликованной в газете «Иллиришес Блат»⁵⁹. В дальнейшем это требование неоднократно выдвигалось в публикациях газеты «Словения».

Уже в первый месяц своего существования люблянское Словенское общество активно включилось в дело развития и пропаганды словенского языка, литературы, обычаев. Так, им была основана библиотека, где имелись славянские, словенские и немецкие газеты и книги, начата работа по составлению и изданию словенских словарей. По примеру чехов стали проводиться «беседы» – встречи, на которых пели и давали театрализованные представления на словенском языке. Первая «беседа» состоялась в театре 30 мая, а 8 июня актеры-любители сыграли словенскую пьесу А. Линхарта «Жупанова Мицка»⁶⁰, носившую антифеодальный характер. Как видно, Словенское общество в Любляне выдвинуло значительно более умеренные национальные требования, чем аналогичные общества в Вене и Граце, политический мотив в них был приглушен. В Словенском обществе быстро получили преобладающее влияние люди консервативно-реформистских взглядов.

В период подъема революции в Словении возник ряд организаций, не ставивших перед собой задачи объединения словенских земель.

В мае 1848 г. открылось Славянское читальное общество в Горице. Председателем его стал словенский либерал Матия Доленц (ранее – член венской «Словении»), а затем 28-летний юрист Й. Дольяк. Цели своего общества сформулировало так: подъем уровня славянского самосознания и политического образования, достижение равноправия словенцев и итальянцев. К концу 1848 г. в нем насчитывалось около 170 членов⁶¹.

В Целье было основано общество, ставившее своей задачей установление взаимопонимания между немцами и словенцами. Члены его были противниками Объединенной Словении и Объединенной Германии, выступали за превращение Австрийской империи в союз равноправных народов. Инициатором создания этой организации был штирийский словенец Винко Гурник.

В Поличанах возникло политическое крестьянское общество, ставившее своей целью политическое просвещение крестьян⁶².

В первые же недели своего существования словенские общества приступили к практическим действиям по пропаганде программы Объединенной Словении и установлению взаимных связей. Инициативу взяли на себя венские словенцы. Члены венской «Словении» составили петицию с политическими требованиями словенцев «О чем мы будем просить императора?» (в духе петиций М. Маяра). В своем письме от 26 апреля 1848 г. Й. Хладник сообщил Й. Муршецу о намерении общества распространить эту петицию по словенским областям и высказал пожелание, «чтобы все словенцы, пекущиеся о благе своего народа и отдающие свои силы делу развития словенской народности, действовали в прочном согласии»⁶³. Петиция о создании Объединенной Словении была напечатана тиражом в 2000 экземпляров.

В начале мая в словенские земли приехала из Вены депутация из 30 юристов во главе с Ф. Миклошичем. Она посетила Грац, Целье и Любляну, чтобы организовать сбор подписей под этой петицией, а также выработать единую позицию словенских национальных деятелей по вопросу о выборах в австрийский рейхstag, наладить связи между Венским университетом и философским факультетом лицея в Любляне.

Сбор подписей под петицией проводился в основном студентами, иногда священниками. Несмотря на то, что в документе поднимались исключительно национальные, а не социальные проблемы, он находил поддержку у крестьян, а горожане ставили свои подписи редко. Вероятно, крестьянам импонировала прежде всего идея о придании словенскому языку официального статуса. Они полагали, что если все постановления будут переведены на словенский, чиновники уже не смогут

дурачить их, скрывая от них правду. Наибольшее число подписей было собрано в Штирии – из сохранившихся петиций (51 экземпляр находится в архиве австрийского рейхстага в Вене) 35 экземпляров пришло из этой области, 11 из Крайны, 5 из Каринтии. Неизвестно о судьбе остальных экземпляров петиций, сложно судить также и об общем числе подписавшихся под ней⁶⁴. Несомненно одно – эта акция словенских патриотов все же осуществилась и даже была поддержана многими крестьянами.

Пребывание в Крайне депутатации венского общества «Словения» насторожило губернское управление. Полиции был поручен надзор за членами венского и люблянского обществ, поскольку «их деятельность могла бы спровоцировать беспорядки»⁶⁵. В Любляне представителями обоих обществ было организовано несколько встреч. Венские словенцы также предприняли попытки пропагандировать свои взгляды среди крестьян. В целом, как считало губернское управление, действия венского общества «Словения» в Крайне не имели успеха, и сторонников своей программы им почти не удалось приобрести⁶⁶. Сложно судить, насколько верно оценили представители власти результаты пребывания в Крайне депутатации из Вены. Сбор подписей под петицией о создании Объединенной Словении прошел вполне успешно. Однако существенного улучшения во взаимодействии словенских обществ достигнуто тогда не было. Попытки словенских национальных обществ установить взаимные контакты были спорадическими, направленными лишь на то, чтобы согласовать свои требования и действия, задача создания единого национального центра ими не ставилась.

Словенская национальная программа в общих чертах была разработана уже в марте–апреле 1848 г. В дальнейшем эта программа уточнялась и дополнялась. Характерно, что в политическую борьбу включились прежде всего словенские деятели в Вене, Штирии и Каринтии, в то время как в центре же словенских земель, Крайне, развитие национального движения шло не так активно. Объясняется это отчасти тем, что в Штирии и Каринтии уровень развития политической жизни был выше, чем, в сущности, значительно более провинциальной Крайне. Важно также, что Каринтия и Штирия подвергались германизации гораздо сильнее, чем Крайна, около 90% населения которой составляли словенцы. Словенские патриоты Штирии и Каринтии чувствовали угрозу своей национальной самобытности очень остро, и это во многом обусловило более активную поддержку ими лозунга объединения словенских земель.

Программа Объединенной Словении предусматривала административное деление Австрийской монархии по этническому принципу: разрушение старых, исторически сложившихся, границ и создание новых – по национальному признаку. Словенская национальная программа в сущности близка хорватской программе создания Триединого Королевства Хорватии, Славонии и Далмации, сербской программе образования Сербской Воеводины. В них ставилась задача полной или хотя бы частичной ликвидации административно-политической раздробленности своих земель, создания условий для скорейшего социально-экономического, политического и культурного развития своего народа. Однако программа хорватов, являясь национально-буржуазной по содержанию, базировалась все же на историческом праве. На императорские «привилегии» конца XVII в. ссылались и сербы. В петиции Святовацлавского собрания императору (составленной чешскими радикалами, но переработанной либералами в более умеренном духе) выдвигались требования объединения земель чешской короны, созыва сейма на основе народного представительства, создания ответственного правительства, введения демократических прав и свобод, равноправия чешского и немецкого языков, отмены феодальных повинностей за выкуп. Большим достижением чешских патриотов был изданный венским правительством 8 апреля Кабинетный лист, утверждавший принятие ряда их национальных и политических требований. Характерно, что словенцы, в отличие от чехов, не выдвигали в своей программе никаких общедемократических и экономических требований. Она была значительно менее разработана, чем чешская. Однако чешская программа основывалась на историческом праве, словенская же, в силу отсутствия такового, основывалась на этническом принципе, наиболее полно выражавшем интересы буржуазного развития нации. Программа Объединенной Словении явилась первой национальной программой в истории Австрийской империи, основанной исключительно на этническом принципе, или естественном праве⁶⁷. Правда, следует отметить, что хорваты также выдвинули программу объединения югославянских земель империи на основе этнического принципа. И вообще, «государственное право» служило хорватам и сербам аргументом для отстаивания национальных требований.

Лишь незначительная часть словенцев стремилась в 1848 г. к созданию Объединенной Словении. Большинство тогда еще не проявляло интереса к национальному вопросу, некоторые патриоты выступили за создание административной единицы – Словении при сохранении старых провинций⁶⁸. Существовали и другие проекты. Юрист Юрий

Левичник, например, выступил с планом, содержавшим в себе элементы будущей программы культурно-национальной автономии. Он утверждал, что объединение словенцев должно осуществиться чисто духовно, путем создания академии для сохранения и развития словенской культуры и языка. Левичник выступил против программы Объединенной Словении, так как распад старых провинций, по его мнению, мог бы стать поводом для распада Австрийской монархии⁶⁹.

В полемику с Левичником вступили члены венского общества «Словения». Они предприняли попытку доказать необходимость создания Объединенной Словении, исходя из своих представлений о переустройстве империи по национальному признаку. В преобразованной Австрийской монархии они предполагали существование наряду с общим правительством также и самостоятельных органов провинциального управления. Общие законы будет принимать рейхстаг, представляющий все народы империи. Внутренними делами провинции будет ведать ландтаг, который использует в своей работе национальный язык. Национальный язык вводится и в школы. Там, где это возможно, империя должна быть разделена по национальному принципу. Словенцы населяют географически компактную территорию, и их объединение в одну провинцию будет на благо австрийскому государству. Государственный интерес выше провинциального, поэтому Каринтия и Штирия не должны возражать против того, чтобы от них отделили некоторые земли⁷⁰.

Таким представляли себе будущее административное устройство Австрийской империи словенские либералы весной 1848 г. Мы не располагаем сведениями о том, существовал ли у словенцев в это время более подробный план административно-политических преобразований. В полемическом ответе венских словенцев Ю. Левичнику содержались лишь приблизительные наметки будущих преобразований, впоследствии эти идеи существенно дополнились.

3. Выборы во Франкфуртское собрание и словенские национальные деятели

Одним из ключевых политических вопросов, по которым словенские деятели должны были определить свою позицию весной 1848 г., стало участие представителей Австрийской монархии в работе Франкфуртского национального собрания.

Объединение Германии было основной задачей немецкой буржуазно-демократической революции 1848 г. С первых же ее дней разверну-

лось движение за созыв национального собрания, призванного решить судьбу Германии. Немецкие либералы выдвинули два проекта объединения Германии – во главе с Пруссией и во главе с Австрией. Демократы выступали за образование Германской республики. Предполагалось, что в состав Объединенной Германии войдут все коронные австрийские земли, в том числе и славянские (чешские и словенские), т.е. все территории Германского союза. 31 марта был создан Франкфуртский предпарламент, определивший правила выборов в законодательное всегерманское национальное собрание. В предпарламенте большинство составляли представители немецкой буржуазии и интеллигенции.

Перспектива создания объединенного германского государства вызвала тревогу у славянских народов, проживающих на коронных австрийских землях. При сохранении Австрийской империи в прежних рамках славяне надеялись, что благодаря своей многочисленности они смогут оказывать влияние на ее политику, занять в ней преобладающее положение (опасения, что это может случиться, кстати, подталкивали многих австрийских немцев к поддержке Франкфуртского собрания). В случае присоединения Австрии к Германскому союзу ситуация бы кардинально изменилась. Славяне – чехи, словенцы – были бы в меньшинстве в немецком государстве, что сильно увеличило бы опасность их германизации. Образование объединенного германского государства, включающего в себя ряд славянских территорий, таким образом, явилось бы крахом национально-освободительных чаяний славянских народов Австрии.

Борьбу против Франкфуртского собрания начали чешские либералы, отказавшись от участия в выборах в него. 11 апреля их лидер Ф. Палацкий в «Письме во Франкфорт» резко выступил против участия Австрии в работе Франкфуртского собрания, а в противовес идеи Объединенной Германии выдвинул план создания федерации австрийских народов.

Чешские и словенские либералы развернули активную антифранкфуртскую агитацию, которая, то обостряясь, то затихая, велась до тех пор, пока последние австрийские депутаты не покинули Франкфорт по приказу императора. Такая позиция австрийских славян, в свою очередь, усиливала у немцев подозрения, что, отказываясь от союза с Германией, австрийские славяне стремятся к союзу с Россией. Этой же точки зрения придерживались К. Маркс и Ф. Энгельс. Их ошибочная оценка национальных движений австрийских славян как контрреволюционных и панславистских на долгое время утвердилась в марксистской исторической литературе.

Если в марте и чехи, и словенцы говорили о братстве всех австрийских народов, то в апреле начался процесс нарастания славяно-германского антагонизма, неблагоприятно повлиявшего на исход революции. Конфликт был неизбежен как из-за наличия серьезных политических и экономических противоречий, так и по причине недостаточной разработанности национальной теории, невозможности быстрой и правильной ориентации во всем многообразии национальных проблем, впервые вставших перед Австрийской империей с такой остротой. И речь идет не только о шовинизме немцев, их нежелании признать национальные права славян. Сами славяне тоже далеко не всегда адекватно воспринимали национальные стремления других народов. Поляки не признавали существования украинской народности. Чехи и словенцы с резким осуждением относились не только к объединительному движению немецкого, но и венгерского, итальянского, польского народов.

Письмо Палацкого всколыхнуло словенскую общественность. Уже в апреле словенские либералы, вслед за чешскими, развернули агитацию, призывая к бойкоту выборов во Франкфуртское собрание. Особенно бурную деятельность развернуло венское общество «Словения». 20 апреля оно выпустило «Воззвание к словенскому народу» (написанное К. Дежманом)⁷¹. «Германия хочет нанести смертельный удар пробудившейся Австрии и ее славянским народам, — говорилось в воззвании, — все австрийские народы должны подняться на ее защиту». Это воззвание и — с другой стороны — постановление австрийского правительства от 15 апреля о проведении выборов во Франкфурт в начале мая способствовали тому, что вокруг этого вопроса в словенских землях развернулась острые полемика.

Стржнем ее стала обширная переписка членов венской «Словении» с графом Антоном фон Ауэрспергом (уроженцем Крайны, немецким поэтом, известным под псевдонимом Анастасиус Грюн). А. фон Ауэрсперг с интересом относился к словенскому фольклору, он собирал словенские народные песни, переводил их на немецкий язык и издавал⁷². Будучи сторонником объединения Германии, в 20-х числах апреля Ауэрсперг приехал из Вены в Любляну агитировать своих земляков принять участие в выборах. Его представления о форме будущего немецкого союза были достаточно сумбурны — с одной стороны, он считал нужным отказаться от австрийского суверенитета и подчинить австрийского императора центральному правительству во Франкфурте, а с другой — требовал, чтобы у каждого народа в союзе было право опровергать законы, устанавливаемые общегерманским собранием.

Разделяя в целом позиции немецкой либеральной буржуазии, Ауэрсперг вместе с тем относился с пониманием к требованиям своих словенских земляков, считал необходимым обеспечить их национальные права в будущем немецком союзе. К чести его надо сказать, что впоследствии, будучи депутатом от Любляны во Франкфуртском собрании, он поддержал требование равноправия австрийских славян в немецком союзе и выступил за то, чтобы оно распространялось также и на «славян в Штирии, Каринтии и Крайне»⁷³. Ауэрсперг одним из первых отказался от своих полномочий и уехал домой, убедившись, что немецкая программа неприемлема для австрийских народов. Он выполнил обещание, данное весной своим избирателям, – что вернется, если большинство из них выступит против союза с Германией⁷⁴.

26 апреля в Любляне было напечатано письмо А. Ауэрсперга «Моим словенским братьям» (по поводу воззвания общества «Словения» в Вене). В нем, как и в следующем письме от 6 мая, Ауэрсперг пытался убедить словенцев, что Германия не собирается «нанести смертельный удар Австрии», что, напротив, присоединение к немецкому союзу обеспечит австрийским славянам свободу и равноправие⁷⁵. Этот довод был тогда весьма распространен. Например, с подобными же уверениями выступил 22 апреля со страниц «Лайбахер цайтунг» барон Андриан, заявивший, что «...Словения расцветет только под опекой Германии»⁷⁶. По мнению Ауэрсперга, протестуя против выборов во Франкфуртское собрание, словенцы действуют «под влиянием старой ненавистной системы» Меттерниха и вразрез со стремлениями новой Австрии. Посему их «отрыв от Германии был бы также отрывом от Австрии». А смогут ли словенцы существовать без Австрии? Достаточно ли они «подготовлены, чтобы дать своим землям самостоятельное словенско-национальное правительство и удержать его?» Для словенцев, считал Ауэрсперг, существует лишь выбор присоединения к одному из сильных государств – либо вместе с Австрией к Германскому союзу, либо к России. «Каждый шаг, с которым вы отдаляетесь от Германии, ведет вас непосредственно все ближе к России»⁷⁷. Подозрение, что славяне Австрии панславистски настроены, было характерно для австрийских (и не только австрийских) немцев в 1848 г. Полагая союз Австрии и Германии неизбежным, Ауэрсперг убеждал словенцев не идти по пути раскола империи, а принять участие в выборах и защищать во Франкфурте интересы своей родины.

В ответе Ауэрспергу от 30 апреля, написанном М. Доленцем⁷⁸, венские словенские либералы снова высказались против присоединения к Германии, за свободную и неделимую Австрию. Политический союз

с Германией представлял бы, по их мнению, угрозу для политического, экономического и национального развития австрийских народов. Тогда Австрийская империя «опустится до уровня германского округа», ее промышленности и торговле будет нанесен значительный ущерб, и немцы «сломят жезл нашей национальности своим преобладающим большинством». Немецкого диктата словенские либералы опасались не без основания, поскольку во Франкфуртском национальном собрании представителей австрийских славян, да и вообще австрийцев, должно было быть явное меньшинство.

В этой полемике впервые прозвучала экономическая мотивировка борьбы словенских либералов против объединения Австрии с Германией. Словенские национальные деятели еще не осознавали экономической необходимости объединения словенских земель, словенскую экономику они не мыслили отдельно от австрийской. Торгово-промышленные интересы Австрийской империи для них совпадали со словенскими. Таким образом, боязнь германской экономической конкуренции усиливала национальные чувства словенских либералов. Позднее, с дальнейшим развитием словенской нации, у части словенцев появилась и боязнь австро-немецкой конкуренции, но в 1848 г. об этом еще не было и речи.

На упреки Ауэрсперга, что члены венской «Словении» действуют вопреки воле Австрии, они дали резкий ответ. Если Австрия сделает шаг, который нанесет ущерб всей империи, и не прислушается к их предостережениям, то словенцам «по меньшей мере останется не вступать вместе с ней на этот гибельный путь». Здесь была высказана мысль, в общем-то не характерная для словенской национальной концепции 1848 г., – о возможном отделении от Австрии. Позже, летом и осенью 1848 г., в моменты наибольшей накаленности словенско-германских отношений, эта мысль еще будет возникать у словенских либеральных идеологов, но особого значения ей, очевидно, придавать не следует. Весной 1848 г. отделение от Австрии подразумевалось венскими словенцами лишь как жест отчаяния, крайняя мера против угрожающей империи катастрофы. К тому же высказана эта идея была в пылу полемики, да еще в момент взлета революции.

Говоря о будущем существовании словенского народа в преобразованной империи, члены венского общества «Словения» в сущности не оспаривали высказанную Ауэрспергом мысль о невозможности немедленного создания самостоятельного национального правительства Словении, считая, что из-за проводившейся правящими кругами политики германизации словенский народ еще недостаточно сформировался

и не сможет существовать независимо. Дальнейшее же его развитие подготовит почву для создания словенской государственности. К тому же, словенцы в 1848 г. разделяли распространенное в Европе мнение о том, что жизнеспособным является только крупное государство.

Обсуждая весной 1848 г. вопрос о будущей свободной империи, словенские либералы склонялись к ее сохранению в прежнем составе, настаивая на неделимости монархии. Боясь распада Австрийской империи, они воспринимали любые попытки отделения как предательство ее интересов. Они хотели, чтобы национально-освободительное движение других австрийских народов ограничивалось теми же задачами, которые они ставили для себя. Вершиной всех стремлений должна была оставаться национальная автономия в рамках федеративной Австрийской империи. Более высокий уровень национально-политического и культурного развития, а соответственно и притязаний, немцев, венгров и итальянцев, они не принимали во внимание. Эта особенность мировоззрения словенских национальных деятелей впервые ярко проявилась в переписке венского общества «Словения» с графом Ауэрспергом.

Дilemma, представленная Ауэрспергом – либо с Австрией к Германии, либо к России – казалась словенцам неприемлемой. По их мнению, подобные попытки немцев запугать словенцев русской угрозой объяснялись страхом перед могучей Российской империей. Этим же страхом, как считали словенские либералы, объяснялось и стремление Франкфуртского предпарламента воссоздать независимую Польшу. Словенцы опасались, что это может привести к появлению на австрийской границе двух недружественных государств вместо одного – не только России, но и Польши. Члены венского общества «Словения» даже не исключали, что австрийским народам придется воевать с Россией ради сохранения целостности Австрийской империи. «Нам, словенцам, не следует бояться русских, мы полагаем, что в союзе со всеми нашими австрийскими братскими народами мы сможем с честью выдержать бой с русскими так же, как сначала с татарами, затем с турками и, наконец, с французами...». Австрийская империя, преобразованная на федеративных началах, станет мощным и независимым государством, с которым Германия и Россия будут жить в мире и дружбе.

Франкфуртский предпарламент венские словенцы обвинили в стремлении «удовлетворить всех недовольных Европы за счет Австрии», создав независимые польское и итальянское государства, отторгнув от империи Галицию, Ломбардию и Венецию вопреки (как полагали словенские либералы) интересам большинства этих народов. Негативное отношение к национально-освободительным движениям

поляков и итальянцев, насколько можно судить по редким и скучным замечаниям, мелькавшим в словенской прессе, было характерно в 1848 г. для словенских национальных деятелей. Особое их негодование вызывали поляки – по мнению словенцев, они не желали использовать преимущества обещанной им в Австрии национальной свободы⁷⁹, стремились к созданию собственного государства в ущерб единству всех австро-славян⁸⁰, тяготели к республиканской форме правления⁸¹. Польские буржуазные демократы и некоторые либералы в Галиции действительно выступили в 1848 г. за восстановление независимой Польши. Своими союзниками они считали венгров и немцев.

Нетерпимость, проявленная словенскими либералами по отношению к национальным движениям немцев, поляков и итальянцев, вынудила Ауэрсперга к резкому ответу: «Вы, мои господа, видите в подъеме Ломбардии лишь тщеславие малочисленной группы внутри нации, я же вижу в нём большое всемирно-историческое значение, а именно возрождение той же борьбы за единство и независимость, на которую поднималась Германия еще в освободительной войне против Наполеона, и которая сейчас должна найти мирное решение на парламентской основе»⁸². Уже по этому высказыванию видно, насколько прогрессивнее и исторически шире смотрели на данную проблему представители немецкого левого либерального крыла. Национальные права поляков и итальянцев немецкие либералы признавали (в отличие от прав малых «неисторических» народов). Борьба за и против объединения Германии, Италии, Польши – один из многих пунктов разногласий между немецкими и словенскими либералами.

В переписке венского общества «Словения» с графом А. фон Ауэрспергом нашла отражение противоречивость национально-политических взглядов ведущих словенских либералов. Их борьба за право славянских народов Австро-Венгерской империи на свободное национальное развитие, за образование федеративной конституционной Австро-Венгерской монархии была прогрессивной. Но их стремление удержать в жестких рамках империи национальные движения всех народов свидетельствует об определенной ограниченности славянских политиков, отсутствии у них широкого кругозора и верного понимания общеевропейских проблем.

В политическую полемику за и против выборов во Франкфуртское собрание, импульсом к которой послужило взволнование венской «Словении», в конце апреля – начале мая 1848 г. включились многие словенские интеллигенты. В словенских буржуазных кругах идея создания Объединенной Германии поначалу встретила определенную поддержку. Большинство еще не придавало значения национальным пробле-

мам своего народа, и основание мощного германского государства на новых демократических основах казалось нужным и прогрессивным шагом. Так, за тесный союз с Германией при сохранении австрийского суверенитета и целостности выступил цельский почтмейстер В. Гурник⁸³. Такого же мнения придерживались и большинство словенских депутатов во Франкфуртском собрании, а некоторые из них (доктор Ахачич и Трпинц из Любляны, Авсец из Целовца, Железник из Каринтии) даже представляли себе будущий союз Австрии и Германии без императора во главе⁸⁴ (что ближе взглядам немецкой левицы, нежели австрийского правительства). Люблянский губернский советник М. Кройцберг занял примирительную позицию: выразив своё согласие с воззванием венской «Словении», он, однако, посоветовал выбирать депутатов во Франкфуртское собрание, выступать там и постараться произвести хорошее впечатление на немцев, с которыми словенцы «хотят оставаться добрыми соседями»⁸⁵.

Часть словенских национальных деятелей сначала поддержали идею созыва Франкфуртского национального собрания и приняли участие в выборах. Консервативно настроенные люди пошли на это не из воодушевления планами объединения Германии, а из лояльности австрийскому правительству. Некоторых из них власти привлекли к организации и пропаганде выборов. Например, 20 апреля в своем декрете о проведении выборов во Франкфурт губернатор Крайны и Каринтии указал на то, что в «Новицах» следует напечатать статью, разъясняющую цели и значение выборов⁸⁶. Блейвейс незамедлительно исполнил это распоряжение. 26 апреля он обратился через «Новице» к своим читателям с предложением подать немцам по-братски руку, так как они будут уважать национальные права словенцев и т.д.⁸⁷, а 3 мая в газете было опубликовано письмо А. фон Ауэрсперга «Моим словенским братьям»⁸⁸. В примечании к письму редакция «Новиц» предложила список возможных кандидатов во Франкфуртское собрание, где среди других были названы имена М. Амброжа, М. Кавчича, М. Доленца. Эти люди, вовсе не равнодушные к национальным проблемам своего народа, либералы по убеждениям, сначала с воодушевлением восприняли идею создания демократического германского государства, надеясь, что немецкие революционеры поддержат национальные требования славян. Приняли участие в выборах М. Кавчич и М. Амброж (до и после этого занимавший антифранкфуртскую позицию)⁸⁹ и некоторые другие. В том, что для словенских земель выгоден союз с Германией, которая окажет поддержку словенскому народу в его национальном развитии, был убежден и либерал К. Лаврич⁹⁰.

Активно в борьбу против Франкфурта включились члены венского и грацского Словенских обществ, некоторые патриоты в Каринтии.

Венское общество «Словения» в своей антифранкфуртской пропаганде не ограничилось публикацией «Воззвания» и полемикой с Ауэрспергом. Члены его распространяли в словенских землях письмо Палацкого и свое воззвание. Общество разослало по Штирии листовки, доказывавшие крестьянам гибельность союза с Германией, которого так сильно желают немцы, и призывающие не выбирать депутатов в немецкое собрание. По свидетельству Л. Вогрина, штирийского словенского либерала, эти листовки произвели на словенцев Штирии сильное впечатление, пробудили у многих национальное самосознание⁹¹.

В Каринтии агитация против Франкфурта не достигла большого размаха. Деятельно занимались ею, насколько нам известно, два выдающихся словенских либерала – М. Маяр и А. Эйншпилер. А. Эйншпилер обошел множество деревень, убеждая крестьян бойкотировать выборы. Маяр, чья национальная деятельность вызвала сильное недовольство у немецкого и высшего словенского духовенства, в конце апреля был по приказу епископа переведен из Целовца, где он служил капелланом, в деревню Св. Вишарие. Однако и по дороге в ссылку Маяр старался воздействовать на своих земляков. По воспоминаниям современников, ему удалось убедить жителей Бельяка (Филлаха), собравшихся на выборы во Франкфуртское национальное собрание, отказаться от участия в них. Помимо распространения 300 агитационных антифранкфуртских листовок, Маяр провел беседу с крестьянами. Прекрасно зная нужды крестьян и их психологию, Маяр использовал действенный аргумент против Франкфурта: «Вы что, с ума сошли? – спрашивал он своих слушателей. – Разве у нас нет уже императора? Вы хотите иметь двух императоров и платить налоги обоим?» Этот довод подействовал на крестьян, и они разошлись по домам, не приняв участия в выборах⁹².

Противофранкфуртскую агитацию вели и грацкое общество «Словения». Оно распространило по Штирии списки «Воззвания» венских словенцев⁹³. 28 апреля в «Грацер цайтунг» были опубликованы сообщение о том, что чешские сословия решили бойкотировать выборы во Франкфуртское собрание, и статья Й. Драгони-Крженовского «Словенцы во внутренней Австрии», призывающая немцев дать свободу и равноправие другим австрийским народам, чтобы создать могучую Австрийскую империю⁹⁴.

В приложении к «Грацер цайтунг» 1 мая словенское общество опубликовало письмо Ф. Палацкого, призыв немца барона Бушмана «Всем

истинным австрийцам» и заявление австрийского министерства от 21 апреля⁹⁵. Эти три разнородные публикации объединяло одно – негативное отношение к идее Объединенной Германии. Бушман выступил с праволиберальных позиций за сохранение австрийского суверенитета в согласии с министерством, объявившим, что для Австрии в качестве формы объединения с Германией приемлем лишь «союз государств». Поместив статью Бушмана, не одобрявшего планов национального преустройства империи, заявление правительства вместе с письмом идеолога австрославизма Палацкого, грацская «Словения» проявила гибкость, стремясь воздействовать не только на преданных своей национальности словенцев, но и на тех, чье национальное сознание не развито, и на немцев.

В этом проявилась одна из особенностей идеологии словенских национальных деятелей 1848 г. Мощная независимая Австрийская империя в их шкале ценностей стояла выше, чем Объединенная Словения. Сохранению австрийской самостоятельности они временно готовы были подчинить свои национальные интересы. Как писал в конце марта 1848 г. цельский аббат М. Водушек Й. Муршцу, «для нас (словенцев. – Л.К.) сейчас существование Австрийской империи значит гораздо больше, чем Словения: если существует первая, то будет жить и вторая»⁹⁶. Главной задачей словенских либералов весной 1848 г. было не допустить союза Австрии с Германией, поскольку он означал бы крушение Австрийской империи, а с ней и их национальных планов.

Накануне выборов развернули агитацию за Франкфуртское национальное собрание австрийские немцы. О поездке А. фон Ауэрсперга в Любляну мы уже писали. Немецкие эмиссары агитировали жителей разных словенских округов принять участие в выборах. Словенский патриот из Штирии О. Цаф так описал эту предвыборную кампанию: От крестьян скрывали цели выборов, спаивали их вином, подкупали деньгами, угрожали войной с русскими и французами, кое-где насилино заставляли голосовать. Словенских патриотов обвиняли в ведении переговоров с русским царем. Результатом немецкой агитации было то, что выборщиками во Франкфурт избрали в большинстве своем «врагов словенского народа»⁹⁷. Возможно, что Цаф сгущил краски, однако национальная атмосфера в словенских землях ко времени проведения выборов во Франкфуртское собрание несомненно накалилась.

Городские общины, где был большой процент немецкого населения, в основном поддерживали идею немецкого союза. Однако немецкая агитация среди крестьян большого успеха не имела. Во многом это объясняется тем, что агитировали за Франкфуртское собрание за-

частую те самые немцы, помещики и чиновники, в которых крестьяне издавна привыкли видеть своих притеснителей⁹⁸. В ряде случаев крестьяне принимали участие в выборах – когда им обещали избавление от феодальных тягот в союзном германском государстве.

Агитация словенских национальных деятелей тоже имела успех в крестьянской среде лишь тогда, когда они затрагивали важные и наиболее вопросы крестьянства, как это делал Маяр. Когда же акцентировался национальный момент, крестьяне в большинстве своем оставались глухи к таким призывам. Выборы во многих местах проходили беспокойно. В некоторых случаях комиссары по выборам вынуждены были бежать от агрессивно настроенных крестьян, требовавших гарантий отмены феодальных повинностей. Вообще к выборам крестьяне отнеслись с недоверием, еще не поняв и не приняв эту новую форму политической жизни империи.

Наиболее сильный отпор выборам был дан штирийцами. В Птуе выборщики отказались от участия в выборах, отвергнув союз с Германией 100 голосами против 60. В округе Радгона, по словам тамошнего капеллана А. Крефта, при выборах выборщиков 1300 словенцев выразили протест против присоединения к Объединенной Германии и потребовали введения словенского языка в школах и учреждениях⁹⁹. Й. Муршец считал результаты выборов в Птуе и Радгоне следствием деятельности грацского общества «Словения»¹⁰⁰. Сейчас сложно судить, насколько это соответствует действительности. Однако очевидно, что в Штирии, где агитация словенских патриотов была значительно активнее, чем в Крайне и Каринтии, и словенско-немецкий антагонизм проявлялся резче, национальные требования нашли отклик у части крестьянства. Об этом свидетельствует также уже упоминавшийся нами факт, что в Штирии петиция об Объединенной Словении собрала 11 тыс. подписей. Впрочем, это воодушевление штирийских крестьян борьбой за свое национальное развитие было временным и скоро спало. Словенские патриоты в вопросе об отмене феодальной зависимости занимали очень умеренные позиции. Крестьянских требований они не поддержали, тем самым упустив единственную возможность всерьез заинтересовать крестьян своей программой. Массовая поддержка национальной программы Объединенной Словении крестьянами ряда районов Штирии весной 1848 г. явилась нехарактерным случаем временного объединения крестьянского и национального движений.

Сопротивление выборам во Франкфуртское собрание было оказано также в некоторых округах Верхней и Нижней Крайны. Так, отказался от представительства во Франкфурте Краньский округ, 65 голо-

сами выборщиков из 121 (94 присутствовали на выборах). В Мирне, Шкоцияне и еще ряде мест не стали избирать выборщиков¹⁰¹.

В словенских областях Каринтии, Приморья и Внутренней Край-не участие населения в выборах было активнее.

В целом антифранкфуртская агитация в Словении прошла значительно менее эффективно, чем, например, в Чехии, где национальное движение стояло на более прочных позициях. Депутатами во Франкфурт выбрали по преимуществу правых либералов австрийской ориентации¹⁰². В число депутатов и их заместителей попали также несколько словенцев, среди них М. Амброж и К. Улепич, во Франкфурт не поехавшие.

4. Идеи славянской взаимности у словенцев.

Славянский съезд в Праге

В мае 1848 г. в Вене произошел новый революционный подъем. Вызван он был попытками правительства повернуть вспять развитие революции. Эту цель преследовал опубликованный 25 апреля проект конституции, в котором предусматривалось образование двухпалатного рейхстага и императорское право вето на его решения. 13 мая правительство издало распоряжение о роспуске Центрального политического комитета Национальной гвардии, выполнявшего функции важного революционного органа. Импульс новому революционному восстанию был дан: 15 мая в Вене вновь начали строить баррикады. Восставший народ (студенты, рабочие, представители мелкой буржуазии) требовал отмены распоряжения правительства от 13 мая, вывода войск из города, введения всеобщего избирательного права, созыва рейхстага, демократической конституции. 16 мая правительственные войска покинули город. Комитет Национальной гвардии был восстановлен, император дал согласие на созыв однопалатного рейхстага и подписал указ о введении всеобщего избирательного права. 17 мая император и двор бежали в Инсбрук и пробыли там до начала августа.

Столкновения в Вене продолжались. 26 мая восставшие вновь заставили власти отменить свое решение – на этот раз речь шла о роспуске и разоружении Академического легиона. Для защиты завоеваний революции был создан Комитет общественной безопасности, фактически взявший власть в свои руки. В мае австрийская революция одержала свои самые крупные победы.

О непосредственных откликах словенских деятелей на события в Вене мы располагаем скучными сведениями, почерпнутыми преиму-

щественно из «Новиц». В сущности, они отражают позицию Блейвейса и умеренно консервативного круга. Первая реакция на восстание в Вене и отъезд императора была резко отрицательной. 24 мая «Новице» опубликовали статью поэта Косеского «Нужные слова». Клеймля позором бунтарей, автор призывал народ «противиться всякому указанию, не исходящему от императора или его правительства», заявлял, что «Вена сама по себе не является нашим господином». В примечании редакции содержался призыв к братскому единству словенцев, немцев и всех народов империи: «Сейчас не время одностороннего обособления и своевольных разногласий между словенцами и немцами – поскольку наша империя в сильной опасности, как бы нас не оставил наш дорогой император»¹⁰³. Уже через неделю появилось сообщение в другой тональности – волнения были сильными, но первое желание немцев – скорейшее возвращение императора¹⁰⁴. А еще через неделю, в начале июня, «Новице» признали, что требования венцев справедливы, хотя и были высказаны неподходящим образом, что восставшие не хотели допустить возвращения к власти сторонников Меттерниха¹⁰⁵.

Подобная эволюция взглядов тех национальных деятелей, чью позицию выражали «Новице» (свидетельствующая об их конъюнктурности), отражает произошедшие изменения в реальной расстановке сил в империи, временное усиление революционного элемента. Вероятно, наиболее искренней была первая публикация, в которой и выразилось мировоззрение этой группы: безусловная преданность императору, нежелание перемен в ущерб стабильности, стремление сохранить национальный мир между немцами и славянами. Обострение славяно-немецких отношений скоро сказалось на изменении позиции и этого умеренного течения. Перемена отношения Блейвейса к Венскому восстанию хронологически совпала с началом критики им Франкфуртского собрания (после проведения выборов в него в «Новицах» стали помещать антифранкфуртские статьи)¹⁰⁶ и с его вступлением в Словенское общество в Любляне. «Полевение» Блейвейса произошло в период подъема революции и выражалось больше на словах, нежели в поступках.

Еще прежде, чем идеи общности всех славянских народов империи, в среде словенских либералов возникли мысли об установлении более тесной связи с хорватами и сербами Воеводины, были предприняты попытки завязать контакты с ними.

Идея создания югославянской федерации в рамках империи в 1848 г. была включена в национально-политические программы сербских, хорватских и словенских либералов. Наиболее полно ее разработали хор-

вавты, выдвинувшие весной 1848 г. принцип равноправного политического союза южных славян Австрии¹⁰⁷. Эта программа получила значительную поддержку у воеводинских сербов и у словенцев. 5 июня в Загребе начал работу хорватский сабор. От словенцев в качестве гостя на него приехал Стефан Кочевар, доктор из Подчертка. Бывший иллир, член грацской «Словении», он ратовал за установление связей с хорватскими национальными деятелями. «Словения» дала ему свои полномочия. В письме к сабору, составленном Й. Муршецем и привезенным в Загреб Кочеваром, выражалось пожелание словенских либералов вступить с хорватами «в более тесный и близкий союз... как с нашими братьями, в духовном и материальном смысле»¹⁰⁸. В выступлении на саборе С. Кочевар высказался за прочный союз всех южных славян Австрийской империи и назвал хорватов «опорой югославянства»¹⁰⁹. За союз с хорватами выступил в своем послании Пражскому съезду и другой словенец из Штирии – священник Орослав Цаф. Но, хотя он и констатировал, что словенцев слишком мало, чтобы иметь собственную литературу и противостоять онемечиванию, все же идею полного объединения с хорватами отвергал как противоречившую желаниям словенских крестьян¹¹⁰.

Мысли о союзе с хорватами находили отклик не только в среде либеральной словенской интеллигенции, в нем были заинтересованы и крестьяне ряда словенских районов, примыкавших к Хорватии. Показательны в этом отношении так называемые «хорватские петиции» из Штирии (более 1000 подписей) и Нижней Крайны (653 подписи), в которых крестьяне наряду с требованием отмены феодальных повинностей высказывались за объединение с Хорватией. В отличие от хорватского исследователя П. Корунич, связывающего составление этих петиций с деятельностью словенских патриотов, со словенским «иллиризмом», словенский историк С. Гранда аргументированно доказывает, что петиции были составлены выходцами из простых слоев, и в них нет «ни следа политического и языкового иллиризма»¹¹¹. Он подчеркивает антифеодальный характер «хорватских петиций» и объясняет высказанное в них стремление к объединению с хорватами тем, что в Хорватии к тому времени уже были отменены феодальные повинности.

Связи словенских национальных деятелей с сербскими были несколько слабее, чем с хорватскими. Однако и по отношению к воеводинским сербам весной 1848 г. словенцы высказывали симпатию и уважение. Так, узнав о том, что 15 мая в г. Сремски-Карловцы собирается первая сербская скупщина, словенские либералы из Каринтии (среди них М. Маяр, А. Эйншпилер, П. Яворник, А. Янекич, М. Цигале) на-

писали приветственное послание. В нем каринтийские словенцы заявили сербам о «желании быть с ними в согласии и искренней дружбе». «Только в согласии серба, хорвата и словенца вернется к нам опять солнце старого счастья и новой славы... Да здравствует согласие между сербами, хорватами и словенцами!»¹¹².

Примечательно, что союз с хорватами и воеводинскими сербами мыслился словенскими либералами прежде всего как укрепление взаимопомощи, как федеративная связь, но ни в коем случае не как полное слияние и объединение. Эта позиция определилась уже весной 1848 г. и в дальнейшем укреплялась. Словенские консерваторы этой идеи вообще не поддержали, да и среди либералов сторонников югославянского союза в это время было немного.

Весной 1848 г. усилились тенденции к сплочению славянских народов Австрийской монархии, теперь уже не только на культурно-просветительской почве, как до начала революции, но и на основе совместных политических требований. Идея объединения германских земель, начало выборов во Франкфуртское собрание встревожили славянскую общественность, увидевшую в объединительном движении немцев опасность закрепления раздробленности и несамостоятельности австрийских славян.

Как противовес идее Объединенной Германии, Франкфуртскому национальному собранию почти одновременно во всех славянских землях империи в апреле 1848 г. зародилась мысль о созыве Славянского съезда. Впервые высказал ее в печати видный хорватский либерал И. Кукулевич-Сакцинский 20 апреля. Первые практические шаги по организации съезда предприняла находившаяся в Праге группа польских и чешских патриотов, принявшая 30 апреля решение о его созыве¹¹³. Среди тех, кого наметили пригласить на съезд, были некоторые словенцы: Блейвейс, Враз, Миклошич, Яворник, Маэр, Муршец, Цаф¹¹⁴. 1 мая только что образованный в Праге Подготовительный комитет напечатал приглашение всем славянам Австрийской империи 31 мая собраться для участия в Славянском съезде в Праге. Предусматривалось, что неавстрийские славяне приедут на съезд в качестве гостей. От имени словенцев прошение подписал Ф. Миклошич¹¹⁵.

Словенские национальные деятели, жившие в Вене, естественно, были наиболее осведомлены о Славянском съезде. Идея эта встретила у них живой отклик, и венские словенцы включились в подготовку к съезду. П. Козлер в письме к Й. Муршецу (25 мая) сообщал, что от венского общества «Словения» в Прагу собирались поехать 3–4 человека, а Миклошич заболел и не сможет принять участие в работе съез-

да¹¹⁶. В результате на съезд из Вены приехали всего два словенца – студенты А. Шпаровец и А. Глобочник. Они привезли «Адрес» венской «Словении» Пражскому съезду, в котором были перечислены основные национально-политические требования словенцев¹¹⁷.

У большинства словенских национальных деятелей перспектива поехать в Прагу на Славянский съезд большого энтузиазма не вызвала. Краинские консерваторы идеи созыва съезда не поддержали. Вероятно, этим объясняется то, что «Новице» напечатали приглашение Подготовительного комитета лишь 17 мая¹¹⁸, и ни депутата, ни послания люблянское Словенское общество в Прагу не отправило.

Больший интерес к съезду проявили штирийские словенцы. Председатель грацского общества «Словения» Й. Драгони-Крженовски еще в начале мая отправил в Прагу приветственное послание (его опубликовала 13 мая чешская либеральная газета «Narodny Noviny»)¹¹⁹. Однако, судя по переписке Й. Муршеца с О. Цафом, Д. Терстеняком, П. Козлером, у грацкой «Словении» возникли проблемы с посылкой депутатов в Прагу. Никто не смог поехать на съезд от имени общества ввиду финансовых и организационных трудностей¹²⁰. Полномочия своего депутата общество передало С. Вразу, уже ехавшему в Прагу в качестве хорватского делегата. В письме, посланном Славянскому съезду в конце мая, грацкое общество «Словения» перечислило национальные требования словенцев несколько расплывчато, в нем не было даже ясного упоминания об Объединенной Словении. По мнению словенского историка С. Гранды, это либо был плод минутного малодушия Муршеца, составившего письмо, либо же съезду не придавалось значения. Более точно и подробно выразил словенские национальные требования О. Цаф, пославший письмо съезду несколькими днями позже (27 мая)¹²¹. В Королевство Словению он предполагал включить помимо Штирии, Крайны и Каринтии также и прекмурских словенцев. Для укрепления славянской взаимности Цаф предлагал ряд конкретных мер: проведение следующего славянского съезда в Белграде, выпуск общеславянской газеты, изучение различных славянских языков в школах, издание словарей, проведение ежегодных встреч славянских учених и т.д. Более тесное братское объединение он предлагал для всех австрийских славян – «чехов, поляков, иллиров».

От каринтийских словенцев в Прагу никто не поехал, однако они направили съезду приветственное послание, подписанное А. Эйншпильером, М. Маляром, П. Яворником и др. «Искренне поддержите прощение словенских депутатов в будущем венском рейхстаге об образовании Словении, ни в коем случае не допустите, чтобы хоть один

ключок земли словенской навеки был отобран у славянства...» – наказывали каринтийские словенцы участникам съезда¹²².

В итоге на съезд приехали всего три словенских делегата – С. Враз, А. Шпаровец и А. Глобочник. Такое малое представительство, конечно, нельзя объяснить только наличием организационных и финансовых проблем. Скромное участие словенцев в работе съезда отражает незначительный интерес к нему словенских патриотов, обусловленный их недостаточной политической развитостью, а подчас и неосведомленностью. Идея славянского единства была близка либеральной группировке, особенно активной в Вене. Крайние консерваторы не придавали ей большого значения.

Славянский съезд проходил в Праге с 2 по 12 июня 1848 г. На нем присутствовало 300 делегатов, в большинстве своем общественные деятели славянских народов, интеллигенция – либералы по взглядам. Собрались они для выработки совместных политических требований славян империи. Славянский съезд был призван стать «демонстрацией национальной самобытности славянских народов»¹²³, их силы и сплоченности, противовесом объединительному движению немцев, Франкфуртскому национальному собранию. Сами участники съезда не ждали от него весомых практических последствий, считая политические преобразования прерогативой будущего австрийского рейхстага.

Программный документ (разработанный Ф. Захом), так и не принятый съездом из-за его распуска в связи с началом Пражского восстания, предусматривал преобразование Австрийской империи в союз равноправных народов, создание в Вене центрального парламента, в котором каждый народ имел бы равное представительство. Все государства, входящие в федерацию, должны были иметь свои ландтаги и ответственные перед ними правительства. Предусматривалось равноправие национальностей в Венгрии, выделение в ее составе федеративной единицы – Триединого королевства и Сербской Воеводины. Объединение чешских земель мыслилось на основе исторического принципа, при обеспечении языкового равноправия и возможном предоставлении автономии немецкому меньшинству. Значительное внимание было уделено и общеславянской проблематике. В частности, делегаты съезда выразили поддержку борьбе южных славян против турецкого ига. Предполагалось, что, освободившись, балканские славяне присоединятся к Австрии как к «славянскому федеративному государству». Съезд принял «Манифест европейским народам», выдвинувший требование преобразования Австрийской империи в федерацию равноправных народов, а также составил «Адрес австрийскому императору», в котором

были перечислены национальные требования отдельных народов, в том числе и создания Объединенной Словении¹²⁴.

Работу съезду завершить не удалось. Она была прервана начавшимся 12 июня в Праге восстанием. Большинство немецких и венгерских газет – от реакционных до демократических – расценило деятельность Славянского съезда как проявление «национального фанатизма» австрийских славян, их панславизма, враждебности «как Германии, так в равной степени и Австрии»¹²⁵. Справедливо отметил чешский историк А. Клима, что на съезде речь шла прежде всего о достижении национального равноправия славян с остальными народами империи. В «Манифесте» говорилось не о создании «славянского государства», а о преобразовании империи в федерацию¹²⁶. Правда, по всей видимости, ближайшей задачей являлось образование союза славянских народов Австрии, а распространение принципов федеративного устройства на другие народы мыслилось как более отдалённая перспектива¹²⁷.

После Славянского съезда австрославистская программа еще нуждалась в доработке. Открытым оставался вопрос, на основании какого принципа – естественного или исторического – должна строиться федерация. Распространяются ли принципы федеративного устройства также на венгров и австрийских немцев? Не разработана была идея о разграничении функций центральных и местных властей – Палацкий говорил впоследствии, что отношения между этими органами стали ясны ему лишь в августе.

Пражское восстание немецкая и венгерская пресса расценила как акцию панславистов, желавших устроить резню немцев в Чехии, а его разгром – как немецкую национальную победу. Революционная Вена не поддержала пражан. Франкфуртское национальное собрание 21 июня в постановлении одобрило подавление восстания и обещало австрийскому правительству свою поддержку в защите немцев. Ход дебатов по этому вопросу во Франкфурте показал также слабую информированность депутатов о событиях в Праге¹²⁸.

Июньское восстание в Праге стало кульминацией революционного движения в чешских землях. Участие в нем некоторых радикальных демократов и его решительное осуждение либералами (не без основания опасавшимися, что оно поставит под угрозу осуществление их национально-политических планов) продемонстрировало начало политического размежевания этих группировок. В целом чешские национальные деятели восприняли поражение Пражского восстания как несчастье. Видный либерал К. Гавличек отмечал, что эти события нанесли тяжелый удар «чешскому делу»¹²⁹. Много лет спустя (в 1872 г.) лидер

чешских либералов Ф. Палацкий писал: «Я не знаю ни одного события на нашей памяти, которое бы имело столь роковые и вредные последствия для народа, как это... восстание»¹³⁰. После поражения восстания в Праге чешские либералы сосредоточили свое внимание на пропаганде идей съезда, публикации его документов.

События в Праге нашли отклик и в словенской прессе. Газета «Новице» практически ничего не писала о работе Славянского съезда. О разгроме Пражского восстания она осторожно сообщала, что это «печальные новости», и причина сражений не ясна – то ли произошло столкновение чехов с немцами, то ли с князем Виндишгрецем, нужно ждать сообщения министерства по этому поводу¹³¹. В момент поражения чешского народа и усиления в немецкой печати антиславянской кампании словенские консерваторы по существу заявили о своем нейтралитете и лояльности.

Напротив, в первом же номере либеральной «Словении» были приведены сообщения чешских газет о восстании в Праге¹³². Затем в «Словении» были опубликованы «Манифест европейским народам»¹³³ и перевод статьи «Историческое описание Славянского съезда» из либеральной чешской газеты «Пражске новины»¹³⁴. О значении съезда в статье было сказано: «Славянские народы Австрии, до сих пор разданные, впервые сами поняли, что у них одинаковые нужды и цели». Словенские либералы выразили надежду, что дело, начатое Пражским съездом, будет продолжено.

Деятельность Славянского съезда способствовала росту политической зрелости словенцев, признанию некоторыми либералами идеи славянского единства, принятию и творческой разработке ими австрославистской программы чехов. Вместе с тем подавление правительственными войсками Пражского восстания и развернутая в этой связи антиславянская кампания привели к росту словенско-немецкого антагонизма (как и славянско-немецкого в целом).

Славянские либералы в 1848 г. предусматривали сохранение, укрепление и преобразование Австрийской империи как необходимое условие осуществления своих национальных требований. Программа австрославизма стала стержнем взглядов и деятельности большинства славянских политиков империи вплоть до первой мировой войны. Главная роль в ее создании принадлежала чешским либералам. Основы ее были заложены еще в 1846 г. в статье Ф. Гавличека-Боровского «Чех и славянин». Политическое оформление идея австрославизма впервые получила весной 1848 г. в «Письме во Франкфурт» Ф. Палацкого, а затем в документах Славянского съезда. Суть ее можно кратко выразить

следующим образом: необходимо преобразование Австрийской империи в федерацию равноправных народов, каждый из которых должен иметь самоуправление во внутренних делах. В экономическом плане австрославизм славянских народов был обусловлен потребностью еще слабой национальной буржуазии в общеавстрийском рынке, в сохранении торгово-экономических связей монархии. Стремление сохранить мощное государство диктовалось также и политическими интересами. Дворянский либерал чех граф Л. Тун еще в 1842 г. писал, что народы Австрии сплачивает необходимость защиты от экспансии со стороны соседних государств¹³⁵. Чешские либералы нередко ссыпались на это обстоятельство, особенно на опасность со стороны России. Выступая за преобразование империи в демократическую федерацию, австрийские славяне надеялись таким образом обеспечить свои национальные и политические права. Сотрудничество братских славянских народов позволило бы им приобрести политический вес в монархии. Славянские либералы рассчитывали на то, что правительство пойдет им навстречу, и проблемы будут разрешены мирным путем. В самом начале революции они надеялись на сотрудничество с немцами, достичь которого, впрочем, так и не удалось. Австрославизм был стратегической программой славянских национальных деятелей, соответствовавшей интересам развития их народов.

Теоретическая разработка австрославистской программы осуществлялась как чешскими, так и другими славянскими либералами, она дополнялась, уточнялась и модифицировалась на всем протяжении революции.

* * *

Стремления к государственному объединению с Россией, так называемого панславизма, у австрийских славян не было, эти опасения немцев почвы под собой не имели. Идеи славянской взаимности, ощущение своего родства с российскими и турецкими славянами развивались в сугубо культурно-просветительской плоскости. В словенской национальной программе, как и в национальных программах чехов, сербов, хорватов, политическая ориентация на Россию отсутствовала. К Российскому государству словенцы относились настороженно, опасаясь его гегемонистских планов (из-за распространения слухов, будто бы император Николай I хочет объединить всех славян в одно государство под властью своего брата Константина)¹³⁶. У словенских национальных деятелей стремление сохранить дружеские отношения

с Россией сочеталось с готовностью дать отпор любым попыткам вмешательства во внутренние дела Австрийской империи. Мы уже видели это на примере полемики венской «Словении» с А. фон Ауэрспергом. Категорически опровергали обвинения в панславизме в своих публикациях М. Маляр¹³⁷, Й. Крайниц¹³⁸, Я. Бучар¹³⁹, Й. Драгони-Крженовски¹⁴⁰ и др. Газета «Цельске словенске новине» писала в июле, что немцы считают словенцев панславистами, поскольку сами они пангерманисты, и не могут успокоиться, пока не объединят все германские земли. А словенцы не стремятся к объединению всех славянских земель, они хотят остаться в составе Австрийской империи¹⁴¹.

В 1848–1849 гг. в словенской прессе практически не было опубликовано ни одной словенской статьи, в которой подробно затрагивалась бы русская проблематика. Однако либеральная газета «Словения» поместила несколько зарубежных публикаций, на основе которых, очевидно, и складывалось мнение словенцев о русских.

Статья «Будущее славян» (перепечатанная из газеты «Славишец Централблatt» в сентябре 1848 г.) была написана под влиянием идей Гердера о светлом будущем славянских народов. Пришло время славянам скинуть ярмо рабства и стать свободным могучим народом, говорилось в статье. Основой подъема славян должна стать патриархальная крестьянская община, организация, характерная для России и славянских стран. В статье высказывалась надежда, что и над «рабским государством» – Россией «воссияет когда-нибудь солнце свободы»¹⁴².

В речи родоначальника русского анархизма М. Бакунина на польском собрании в Париже, посвященном годовщине Польского восстания 1830 г. (29 октября 1847 г.), была дана яркая, эмоциональная, но однобокая характеристика внутреннего положения России. Бакунин писал, что русские – рабский народ, орудие порабощения в руках деспотизма, однако он видел и глубокую пропасть, разделявшую русский народ и правительство. Враги царя Николая и официальной России являлись, по его словам, друзьями русского народа. Россия несчастна и недовольна. Ее терпение кончается. Народ против правительства. Много врагов имеет царь и среди дворян. Бакунин высказал уверенность в грядущем освобождении России, поскольку русский народ имеет в себе все необходимое для свободы и истинного величия¹⁴³.

Статья Ткачевича «Славяне»¹⁴⁴ (перепечатанная «Словенией» из либеральной хорватской газеты «Новине далматинско-хорватско-славонске» в апреле 1849 г.) была проникнута идеей великой миссии славянства – внести в мир справедливость и равноправие. Статья пол-

на восхвалений славян, их патриархальной жизни, национального характера, но несмотря на явную тенденциозность и натянутость своих основных положений, она представляла определенную ценность, так как содержала сравнительный анализ исторического развития славянских народов, прежде всего русского, польского и сербского (т.е. создавших мощные государства). Ткачевичем были отмечены основные вехи русской истории. Сведения о России, приведенные им, были наиболее полными из всех, опубликованных в словенской прессе в 1848–1849 гг. «Кто глубже изучит историю, поймет, что зря говорят, что русские любят рабство – они очень любили свободу. Обстоятельства сделали из русских рабов», – писал Ткачевич. Основными этапами закабаления русских людей, по его мнению, были приход норманнов, монголо-татарское иго, правление Ивана Грозного. «Русские цари, – писал Ткачевич, – унаследовали правила абсолютизма от своих предков норманнов. Абсолютизму в России сопротивляются образованные слои населения».

Как видно, образ России, представленный хорватом Ткачевичем, несколько напоминает тот, который мог сложиться у словенской общественности под впечатлением публикации выступления Бакунина. Оба автора клеймили русское рабство, но видели пути возрождения России по-разному: Бакунин – через революционный подъем народа, Ткачевич – с помощью просвещения народа. Подобные публикации и формировали представления словенской общественности о России в период революции 1848–1849 гг.

Примечания

¹ Novice. 1848. 22.II.

² Ibidem.

³ Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973. S. 94.

⁴ Ibid. S. 95.

⁵ Grafenauer B. Slovenski kmet v letu 1848 // Zgodovinski časopis. 1948–1949. II/III. S. 58.

⁶ Arhiv Republike Slovenije (далее – ARS). Deželjno predsedstvo (Dež. preds.). 1848. Spisi 494, 530.

⁷ Ibid. Spis 659.

⁸ Grafenauer B. Slovenski kmet... S. 19.

⁹ ARS. Dež. Preds. 1848. Spis 494.

¹⁰ Novice. 1848. 12.IV.

¹¹ *Grafenauer B.* Slovenski kmet...S. 21, 22, 33, 38.

¹² Novice. 1848. 22.III.

¹³ *Grafenauer B.* Slovenski kmet...S. 24, 25, 28.

¹⁴ *Apjh J.* Slovenci in leto 1848. Ljubljana, 1888. S. 61.

¹⁵ Novice. 1848. 22.III; 5.IV; 12.IV.

¹⁶ *Apjh J.* Op. cit. S. 9.

¹⁷ Novice. 1848. 12.IV.

¹⁸ Ibid. 5.I; 15.III.

¹⁹ Ibid. 12.IV.

²⁰ Ibid. 19.IV.

²¹ Ibid. 12.IV.

²² Ibid. 5.IV.

²³ Ibid. 29.III.

²⁴ Ibid. 5.IV.

²⁵ Ibid. 29.III; 12.IV.

²⁶ Ibid. 29.III; 5.IV.

²⁷ Ibid. 5.IV.

²⁸ Ibid. 26.IV.

²⁹ Ibid. 5.IV.

³⁰ *Grafenauer B.* Slovenski kmet...S. 54.

³¹ *Granda S.* Dolenjska v revolucionarnem letu 1848/49. Novo Mesto, 1995. S. 296.

³² *Mal J.* Zgodovina slovenskega naroda. Celje, 1934. S. 860–861.

³³ Novice. 1848. 29.III.

³⁴ *Čurkina I.V.* Matija Majar-Ziljski//Razprave VIII/2. Ljubljana, 1974. S. 22.

³⁵ Novice. 1848. 19.IV.

³⁶ *Gestrin F., Melik V.* Op. cit. S. 101.

³⁷ Novice. 1848. 12.IV.

³⁸ *Aueršperg A.* Iz zapuščine. Mapa 3. 1848//Rokopisna zbirka Narodne univerzitetne knjižnice v Ljubljani (далее – RZ NUK), ST. F. 310/3.

³⁹ Slovenski biografski Leksikon (далее – SBL). Ljubljana, 1933-1952. II. S. 119; *Lončar D.* Dr. Janez Bleiweis in njegova doba. Ljubljana, 1923. S. 24.

⁴⁰ Novice. 1848. 9.VIII; 22.XI; Slovenija. 1848. 21.VII. Подробнее о жизни и деятельности А. Фюстера см.: *Britovšek M.* Anton Füster in revolucija 1848 v Avstriji. Maribor, 1970.

⁴¹ *Gestrin F., Melik V.* Op. cit. S. 102.

⁴² *SBL I.* S. 547–548.

⁴³ *Granda S.* Graška Slovenija v letu 1848/1849//Zgodovinski časopis. 1974. XXVIII. S. 50.

⁴⁴ Ibid. S. 45–84.

⁴⁵ Ibid. S. 56.

⁴⁶ Apih J. Op. cit. S. 124.

⁴⁷ Ibid. S. 89.

⁴⁸ Ibid. S. 79.

⁴⁹ Lončar D.A. Globočnik in slovenski narodni program 1848 leta // Carniola. Ljubljana, 1912. S. 208–209.

⁵⁰ Novice. 1848. 12.IV.

⁵¹ Ibid. 19.IV.

⁵² Mal J. Op. cit. S. 703.

⁵³ Besondere Beilage zur Leibacher Zeitung. 1848. 29.IV.

⁵⁴ Mal J. Op. cit. S. 732.

⁵⁵ Ibid. S. 734.

⁵⁶ Apih J. Op. cit. S. 134.

⁵⁷ Caf Muršcu (1.VII.1848) // Ilešič F. Korespondenca dr. J. Muršca. Ljubljana, 1905. S.97–98.

⁵⁸ Novice. 1848. 14.VI.

⁵⁹ Melik V. Bleiweisova vloga v slovenski politiki // Zbornik za zgodovino naravoslovja in tehnike. Zv.7. Bleiweisov zbornik. Ljubljana, 1983. S. 18.

⁶⁰ Mal J. Op. cit. S. 733–734.

⁶¹ Slovenija. 1850. 29.III.

⁶² Apih J. Op. cit. S. 131–132.

⁶³ Hladnik Muršcu (26.IV.1848) // Ilešič F. Korespondenca... S. 132–134.

⁶⁴ Granda S. Dolenjska... S. 300–327; Das Verhältnis... S. 251.

⁶⁵ ARS. Dež. Preds. 1848. Spis 1097.

⁶⁶ Ibid. Spis 1305.

⁶⁷ Kann R.A. Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie. Graz–Köln, 1964. S. 304.

⁶⁸ Apih J. Op. cit. S. 89–90.

⁶⁹ Leibacher Zeitung. 1848. 30.V.

⁷⁰ Ibid. 1848. 8.VI.

⁷¹ Aueršperg A. Iz zapuščine. Mapa 3. 1848 // RZ NUK. St. F. 310/3.

⁷² Melik V. A.A. Auersperg... S. 285.

⁷³ Ibid. S. 286.

⁷⁴ Požčar B. Anastasius Grün in slovenci. Maribor, 1970. S. 41; Apih J. Op. cit. S. 105.

⁷⁵ Anastasius Grüns Werke in sechs Teilen, Hrsg. von E. Castle. Berlin, 1909. 6 Teil. S. 131, 136.

⁷⁶ Apih J. Op. cit. S. 95.

⁷⁷ Anastasius Grüns Werke...S. 132.

⁷⁸ Aueršperg A. Iz zapuščine. Mapa 3. 1848 // RZ NUK. St. F. 310/3.

⁷⁹ Slovenija. 1848. 18.VII.

⁸⁰ Ibid. 1848. 6.X.

⁸¹ Ibid. 1848. 7.XI.

⁸² Anastasius Grüns Werke...S. 140.

⁸³ Apih J. Op. cit. S. 97.

⁸⁴ Ibid. S. 96.

⁸⁵ Ibid. S. 97.

⁸⁶ Decret an die fünf Herren Kreishauptleute in Krain und Kärnten. Leibach, 20.IV. 1848 // Aueršperg A. Iz zapuščine. Mapa 3. 1848 // RZ NUK. St. F. 310/3.

⁸⁷ Novice. 1848. 26.IV.

⁸⁸ Ibid. 3.V.

⁸⁹ SBL I. S. 9; *Gestrin F.*, *Melik V.* Op. cit. S. 107.

⁹⁰ Leibacher Zeitung. 1848. 24.IV; Apih J. Op. cit. S. 95.

⁹¹ Vogrin Muršcu (12.V.1848) // *Ilešič F.* Korespondenca... S. 134.

⁹² Čurkina I.V. Matija Majar-Ziljski // Razprave VIII/2. Ljubljana, 1974. S. 24.

⁹³ Granda S. Graška Slovenija v letu 1848/49 // Zgodovinski časopis. 1974. XXVIII. S. 56.

⁹⁴ Gratzer Extrablatt. 28.IV. 1848 // Aueršperg A. Iz zapuščine. Mapa 3. 1848 // RZ NUK. St. F. 310/3.

⁹⁵ Granda S. Graška Slovenija... S. 56.

⁹⁶ Vodušek Muršcu (29.III.1848) // *Ilešič F.* Korespondenca... S. 62–63.

⁹⁷ Caf Muršcu (5.V.1848) // Ibid. S. 92–93.

⁹⁸ *Gestrin F.*, *Melik V.* Op. cit. S. 107.

⁹⁹ Kreft Muršcu (25.IV.1848) // *Ilešič F.* Korespondenca... S. 129.

¹⁰⁰ Granda S. Graška Slovenija ... S. 58.

¹⁰¹ Novice. 1848. 14.VI.

¹⁰² *Gestrin F.*, *Melik V.* Op. cit. S. 109.

¹⁰³ Novice. 1848. 24.V.

¹⁰⁴ Ibid. 31.V.

¹⁰⁵ Ibid. 7.VI.

¹⁰⁶ Ibid. 17.V.

¹⁰⁷ Korunić P. Jugoslavenska ideja v hrvatskoj i slovenskoj politici za revolucije 1848–1849 g. // Radovi. Zagreb, 1981. Vol. 14 (1). S. 221–222.

¹⁰⁸ Granda S. Graška Slovenija ... S. 68.

¹⁰⁹ Bogdanov V. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848/49. Zagreb, 1949. S. 216.

¹¹⁰ Slovanský sjezd v Praze roku 1848. Sbírka dokumentů. Vyd. V. Žáček. Praha, 1958. S. 163.

¹¹¹ Granda S. Dolenjska... S. 296.

- ¹¹² Čurkina I.V. Matija Majar-Ziljski. S. 100; Србске новине. 1848. 27.VII.
- ¹¹³ Лещиловская И.И. Общественно-политическая борьба в Хорватии в 1848–1849 гг. М., 1977. С. 87; Удальцов И.И. Из истории славянского съезда в Праге в 1848 г. // Уч. зап. Ин-та славяноведения. М.-Л., 1949. Т. I. С. 60.
- ¹¹⁴ Slovanský sjezd... S. 44.
- ¹¹⁵ Apih J. Op. cit. S. 127.
- ¹¹⁶ Kozler Muršču (25.V.1848) // Ilešić F. Korespondenca... S. 140.
- ¹¹⁷ Slovanský sjezd... S. 157–158.
- ¹¹⁸ Novice. 1848. 17.V.
- ¹¹⁹ Slovanský sjezd... S. 159.
- ¹²⁰ Ilešić F. Korespondenca... S. 72–73, 93–94.
- ¹²¹ Slovanský sjezd... S. 163–164.
- ¹²² Ibid. S. 161.
- ¹²³ Хорева О.А. Национальный вопрос в чешских землях в период революции 1848–1849 гг. Дисс... канд. ист. наук. М., 1976.
- ¹²⁴ Slovanský sjezd... S. 358–361, 370–375.
- ¹²⁵ Ibid. S. 184, 185.
- ¹²⁶ Klimá A. Češi a němci v revoluci 1848–1849. Praha, 1994. S. 69.
- ¹²⁷ Хорева О.А. Указ. соч. С. 102.
- ¹²⁸ Klimá A. Op. cit. S. 78.
- ¹²⁹ Havlíček Borovský K. Politik a novinář. Vyd. VI. Klimes. Praha, 1956. S. 105.
- ¹³⁰ Цит. по: Субботина Е.В. Чешские радикальные демократы в революции 1848–1849 гг. в чешских землях. Дисс... канд. ист. наук. М., 1992.
- ¹³¹ Novice. 1848. 21.VI.
- ¹³² Slovenija. 1848. 4.VII.
- ¹³³ Ibid. 14.VII; 18.VII.
- ¹³⁴ Ibid. 21.VII; 25.VII.
- ¹³⁵ Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848–1849. Zagreb, 1979. S. 96.
- ¹³⁶ Slovenija. 1848. 11.VII.
- ¹³⁷ Ibid. 12.XII.
- ¹³⁸ Ibid. 11.VII.
- ¹³⁹ Leibacher Zeitung. 1848. 22.IV.
- ¹⁴⁰ Gratzer Extrablatt. 1848. 28.IV.
- ¹⁴¹ Celjske slovenske novine. 1848. 22.VII.
- ¹⁴² Slovenija. 1848. 1.IX.
- ¹⁴³ Ibid. 31.X; 3, 7, 10.XI.
- ¹⁴⁴ Ibid. 17, 20, 24, 27.X.

ГЛАВА III

СЛОВЕНСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИЮНЕ–СЕНТЯБРЕ 1848 г.

Лето 1848 г. для словенцев стало временем приобретения первого опыта политической деятельности в общеавстрийском масштабе, формирования общественных позиций и борьбы взглядов. Словенцы приняли участие в первых осуществленных в Австрийской империи выборах в австрийский рейхstag и в его работе.

Оживление общественной жизни в словенских землях выразилось также в появлении ряда новых газет и журналов, на страницах которых патриоты высказывали свои мнения по двум крупнейшим проблемам революции – социальной и национальной.

Первой либеральной политической газетой, единственной словенской газетой европейского уровня, стала «Словения». Выходила она с 4 июля 1848 г. два раза в неделю, а по объему вдвое превосходила «Новице». Редактором «Словении» был либерал М. Цигале. Именно в этой газете наиболее полно отражалась политическая жизнь империи, в нее посыпали свои корреспонденции словенские патриоты из всех областей. Членов редакции «Словении» отличали образованность и широта кругозора – в газете публиковалось много статей на разнообразные темы из чешских, хорватских и польских газет, по преимуществу либеральных.

В деятельности «Новиц» и «Словении» были представлены две основные группы словенского национального движения в 1848 г. – умеренно консервативная и либеральная. По ряду проблем их позиции смыкались, но во многих случаях эти газеты полемизировали друг с другом. Полемика эта, впрочем, не принимала острых форм, не вела к конфронтации. Оба течения стремились к единой цели – достижению национального равноправия словенцев, и эта общность задач значила для словенских национальных деятелей больше, чем разногласия по отдельным вопросам.

С 1 июля 1848 г. начали выходить «Цельске словенске новине» (Цельская словенская газета)*. Редактором газеты был В. Коншек, выходила она раз в неделю. В «Цельских словенских новинах» публиковались преимущественно статьи штирийских словенских либералов, а также печатались материалы других словенских и славянских газет. В «Цельских словенских новинах» обсуждались прежде всего вопросы, связанные с развитием национального движения в Штирии, с деятельностью штирийского ландтага. Из событий общеавстрийского значения наиболее подробно освещалась деятельность рейхстага. Общее направление газеты было либеральным. По уровню своих публикаций «Цельске словенске новине» были ближе «Новицам», нежели «Словении». К тому же они имели скорее местное, нежели общесловенское значение.

Благодаря усилиям горстки патриотов в Новом Месте с июля по декабрь 1848 г. издавалась первая областная газета Нижней Крайны, защищающая словенскую программу – «Словениенс Бласс». Характерно, что эта словенская газета выходила на немецком языке, так как интеллигенции не хватало словенской лексики и писать о политике было проще по-немецки. Подробную характеристику публикациям этой газеты дает С. Гранда¹. Он делает вывод, что она была органической либеральной буржуазии, выступала в поддержку завоеваний революции и симпатизировала программе Объединенной Словении.

С июля 1848 г. в Словении издавались также просветительские, воспитательные и религиозно-нравственные газеты – «Словенски церквени часопис» («Словенская церковная газета») под редакцией Я. Погачара и «Ведеж» («Образованный человек») Я. Навратила.

Появление в июле 1848 г. целого ряда политических и просветительских периодических изданий, в большей или меньшей степени затрагивавших насущные проблемы развития словенского народа, можно считать определенным свидетельством роста национального самосознания словенцев. Первые месяцы революции встремили аполитичных и равнодушных к национальному вопросу словенцев, пробудили их к участию в общественной жизни. Новые словенские газеты стали играть важнейшую роль в деле политического и национального пробуждения словенского народа.

1. Выборы в австрийский рейхstag в словенских землях

Требование созыва рейхстага для выработки австрийской конституции было выдвинуто восставшими венцами в первый же день револю-

* Название этой газеты часто менялось. С 3 октября 1848 г. она стала называться «Цельске новине», с 1849 г. – «Словенске новине».

ции, и уже 15 марта император был вынужден его принять. Рейхстаг был призван разрешить самые насущные проблемы монархии, прежде всего крестьянскую и национальную, разработать основы нового конституционного строя. 1 июня был опубликован новый избирательный закон, по которому избирательным правом обладали мужчины старше 24 лет, без различия вероисповедания. Вводился имущественный ценз. Рабочие-поденщики, слуги, лица, получавшие поддержку от благотворительных учреждений, безземельные крестьяне и женщины права участия в выборах не получили. Существовал также ценз оседлости (не менее 6 месяцев проживания в одном месте). Выборы были двухступенчатыми, голосование было открытым. Сначала выбирались выборщики (1 от 250–500 человек), которые выбирали из своей среды депутата (при наличии 2/3 полного состава и абсолютным большинством голосов). На 50 000 жителей полагался 1 депутат. Открытие рейхстага сначала планировалось на 26 июня, но в связи с Венским и Пражским восстаниями, бегством императора в Инсбрук, а также из-за задержки проведения выборов во многих районах, оно было перенесено на конец июля.

С деятельностью рейхстага у словенских национальных деятелей было связано много надежд². Ождалось, что славянское большинство в рейхстаге сможет добиться существенных изменений в политической жизни империи, и принцип национального равноправия наконец восторжествует.

Предвыборная агитация началась в мае. Первую статью о том, каких депутатов следует выбрать в австрийский рейхстаг, написал Я. Блейвейс³. Он считал, что депутат должен быть горячим патриотом, человеком образованным и хорошо знающим нужды своего народа, австрийские законы, немецкий язык, иметь живой ум, доброе сердце, твердую волю. Этот набор необходимых для депутатского звания качеств повторялся потом с некоторыми вариациями в других агитационных статьях⁴. Я. Церер добавил, что депутатом может быть только хороший католик⁵. М. Амброж отговаривал избирателей посыпать в рейхстаг крестьян. Крестьянина интересуют только повинности и десятина, утверждал Амброж, к остальным вопросам он равнодушен. Учитывая настроения крестьян (недоверие к господам), Амброж предлагал некоторые меры, по его мнению, способные обеспечить крестьянам достойное представительство: послать с депутатом свои петиции в Вену; отправить в Вену вместе с депутатом какого-нибудь пользующегося доверием в общине крестьянина, который бы выполнял функции контролера – следил, насколько правильно излагает депутат нужды избирателей⁶.

В газете «Цельске словенске новине» будущий словенский депутат принял совершенно идеальный облик: он должен тонко разбираться в людях, обладать мудростью, ученостью и великодушием, являться слугой «не императора, но народа». Примечательна высказанная в газете либеральная идея о том, что ни народ (вследствие своей неграмотности), ни император (не знающий нужд народа) не могут быть творцами конституции, так как это – прерогатива одного рейхстага⁷.

Много внимания уделили словенские патриоты отбору кандидатур для выборов. В Любляне был основан избирательный комитет, занимавшийся этим вопросом⁸. В начале июня общество «Словения» в Вене на основании полученных им из Словении писем составило примерный список кандидатов в рейхstag. Этот список был отослан М. Амброжу с просьбой опубликовать его в газетах, а также напечатать отдельно и послать экземпляры во все избирательные округа Словении. Опасаясь, что Амброж не проявит расторопности, один экземпляр венцы послали Словенскому обществу в Граце для публикации⁹. Однако Амброж уже 24 июня в «Новицах» опубликовал этот список депутатов. В нем, в основном, названы имена словенских национальных деятелей (среди них много священников)¹⁰. Свой список кандидатов предложила также «Лайбахер цайтунг»¹¹.

Некоторые из названных в списках лиц не были избраны, другие сами отказались от столь ответственной должности. Блейвейсу много раз предлагалось выдвинуть свою кандидатуру на выборах, но он отказался, вероятно, из осторожности. Не принял участия в выборах и Ф. Рапотар, заявивший, что не может взять на себя такие тяжкие обязанности¹². Аналогично поступил цельский почтмейстер В. Гурник, сдавшись на занятость в штирийском ландтаге¹³. Юрист Ю. Страх отказался выдвинуть свою кандидатуру, считая, что ему не хватит знаний и опыта для работы в рейхстаге¹⁴. Не прошла на выборах кандидатура сборщика налогов в Триесте Я. Церера, человека, придерживавшегося весьма прогрессивных взглядов по крестьянскому вопросу. В письме к люблянскому обществу «Словения» сам Церер весьма трезво объяснял причины своей неудачи тем, что выбранный К. Улепич превосходил его по знаниям, а в Постойне, где он выдвинул свою кандидатуру, его уже почти не помнили, так как он уехал оттуда 16 лет назад¹⁵. Мало надежд на победу было на выборах у священников (так как они уговаривали крестьян исполнять феодальные повинности по-прежнему).

Словенские национальные деятели внимательно следили за настроением крестьян, и при выдвижении той или иной кандидатуры учитывали ее популярность в данном избирательном округе. Так, не вполне

разобравшись в обстановке, И. Муршец советовал рекомендовать в Птуе для выборов Ф. Миклошича, а в Св. Ленарте – А. Доминкуша. Против этого предложения выступил Д. Терстеньяк, указывавший на то, что в Св. Ленарте большим уважением пользуется Миклошич, а не Доминкуш¹⁶. При выдвижении кандидатуры Доминкуша существовала опасность, что в Св. Ленарте вообще не удастся провести словенского депутата. К этому мнению присоединился и А. Крефт¹⁷. Прогнозы их относительно возможного избрания Ф. Миклошича в Св. Ленарте оправдались.

Словенские крестьяне отнеслись к выборам весьма прохладно, хотя и с большим интересом, чем к предшествовавшим выборам во Франкфуртское собрание и последующим – в ландтаги. Очевидно, в связи с опубликованием патентов об отмене барщины и других повинностей за выкуп, их заинтересованность в работе рейхстага несколько снизилась. К тому же, многие крестьяне вообще встретили с недоверием непривычное для них парламентское учреждение. В выборах выборщиков большинство крестьян не захотело принять участие, особенно это было характерно для Каринтии¹⁸. В сообщении властям комиссар по выборам Гланчник объяснял игнорирование выборов со стороны крестьян тем, что они хотят выбрать депутата непосредственно в рейхstag и не желают предоставлять этого дела выборщикам¹⁹. Характерным для словенского крестьянства было недоверие к представителям господствующих классов, будь то немцы или словенцы. Уговоры господ выполнять феодальные повинности и угрозы по отношению к непокорным убеждали крестьян в том, что они не будут защищать в рейхстаге интересы крестьянского сословия. К национальным требованиям словенские крестьяне были равнодушны. В целом национальная агитация в крестьянской среде особого успеха не имела.

Позиция словенской буржуазии и национальных деятелей по вопросу отмены феодальных отношений вызывала отпор в крестьянской среде. Летом 1848 г. получили распространение переписанные от руки по-словенски и по-немецки экземпляры одного письма. Известно, что это письмо является переводом статьи, помещенной в одной из популярнейших демократических газет Австрии периода революции «Конституцион». Письмо – яркое свидетельство недовольства народа своим положением. Крестьяне не должны платить выкуп, они имеют право на свободу, – говорилось в нем. «Справедливость сейчас победила, и народ заплатил вам (господам. – Л.К.) за свою свободу кровью.

От кого теперь вы ждете выкупа?

Вам надо очень попросить, чтобы вас за это не наказали очень сильно и чтобы с вами не произошло того же, что и с французскими господами, вспомните 1789 г., и я вам наперед скажу, что если вы будете идти тем путем, каким собираетесь, – навлечете на себя грозу, которая грянет на ваши головы с небес». Крестьянам в письме предлагалось: «Когда будут проходить выборы в рейхstag, выберите из своей среды крестьянина, который, во-первых, хорошо к вам относится, во-вторых, хорошо знает ваши нужды, в-третьих, который перед господами не заискивает и, в-четвертых, имеет мужество высказать перед большими господами правду и защищать ее. Я знаю, что вас уже много раз обманывали, так не смейте выбирать того, кого вам предложат господа или священники»²⁰.

Впоследствии, при выборах депутатов, крестьяне некоторых избирательных округов при выдвижении кандидата из числа «господ» ставили ему непременным условием обязательство взять с собой в Вену одного–двух заместителей из крестьян – для контроля за его деятельностью.

Очевидно, что в предвыборной агитации словенские национальные деятели и крестьяне преследовали различные цели. Если первые хотели видеть депутатом патриота и человека образованного, то для крестьян важно было выбрать того, кто способен потребовать отмены феодальной зависимости без выкупа.

Трезвую оценку сложившейся обстановке дал губернатор Крайны граф Вельсершайм в своем сообщении министру внутренних дел в Вену от 10 июля 1848 г. (уже после проведения выборов). Отмечая, что среди избирателей Крайны преобладали крестьяне и мелкие буржуа, заинтересованные прежде всего в отмене феодальных повинностей и снижении налогов, губернатор указал, что в деревне было сильно недоверие к представителям буржуазии (особенно к землевладельцам) и к королевским чиновникам. Крестьяне твердо стояли на том, чтобы выбирать в рейхstag людей из своей среды, ибо только они понимают их нужды. Это настроение крестьян использовалось людьми «неучеными и бунтарями», стремившимися попасть в Вену. В конце письма губернатор пессимистически заявил, что трудно надеяться, что провинция в рейхстаге будет представлена интеллигентными, решительными, разумными и искренними депутатами. Мало шансов на представительство, по словам губернатора, имели священники и помещики²¹. Послание отражало обострение классовых противоречий в словенских землях в период революции. Упорное стремление выбрать в рейхstag своих депутатов свидетельствовало об осознании крестьянами собственных интересов и их противоположности интересам «господ».

Атмосфера в Словении накануне выборов в рейхстаг была напряженная, национальные противоречия углубились. В Штирии и Каринтии остро стоял вопрос, кого выбирать – немцев или словенцев.

Выборы проходили в словенских землях неодновременно. В Крайне и некоторых избирательных округах Каринтии и Штирии – 20 июня, в Цельском округе Штирии – 23 июня и т.д. Наиболее активными были избиратели в Каринтии. В большинстве районов Крайны проголосовали не все избиратели: в Постойне 81 из 89, в Локе 51 из 64, в Радовлице 87 из 96, в Логатце 74 из 96 и т. д.²² В некоторых избирательных округах проводились повторные выборы (если приходило меньше 2/3 избирателей или при отсутствии абсолютного большинства голосов)²³.

Вполне можно согласиться с Й. Апихом, утверждавшим, что первые выборы в австрийский рейхстаг проходили в Словении достаточно свободно, без особого давления чиновников²⁴. Однако во многих местах обстановка на выборах была беспокойной, имели место подкусы избирателей. Кое-где избиратели высказывали недовольство чрезмерным вмешательством священников в ход выборов²⁵. Крестьяне избирали депутатов, основываясь на личном отношении к кандидату, не обращая внимания на его национальность. Так, например, в Св. Андрее депутатом был выбран словенец Й. Рак, а заместителем – немец А. фон Вольфберг²⁶. Некоторые депутаты (например К. Штурм) даже не смогли определить своей национальности. Р. Роздольский считал К. Штурма человеком неопределенной национальности²⁷, а по мнению Апиха, он – словенский депутат²⁸. К словенцам причисляет его также цельская газета «Словенске новине»²⁹.

Приведем примерный перечень и краткую характеристику словенских депутатов, выбранных в Венский рейхстаг*.

КРАЙНА

В Постойне депутатом был избран доктор философии и права, адъюнкт королевской камер-прокуратуры в Любляне Карл Улепич (ок. 30 лет). В мае 1848 г. его избрали постоянным представителем депутата во Франкфуртское национальное собрание. В венский рейхстаг он был выбран 54 голосами из 81. По замечанию чиновника Кошакера, возраст, общественное положение, гражданские позиции и образование К. Улепича вполне соответствовали депутатскому званию³⁰.

* К сожалению, о многих из них не удалось найти достаточно сведений.

Редактор газеты «Словения» М. Цигале отзывался, однако, об Улепиче довольно негативно, говоря, что тот не имеет представления о родине и народности³¹. Кандидатура Улепича вполне устраивала правительство, но вызывала недовольство у словенских либералов.

В Любляне избрали адвоката Матио Кавчича, человека незаурядного ума и широко образованного. Родился он в 1802 г., учился в люблянской гимназии, потом закончил юридический факультет в Вене. Несколько лет перед революцией занимался адвокатской практикой в Любляне. С начала революции Кавчич принимал деятельное участие в общественной жизни, был избран в крайнский ландтаг. Являлся кандидатом во Франкфуртское национальное собрание. Был выбран депутатом от г. Любляны 33 голосами из 61³².

В Логатце 65 голосами из 74 был выбран почтмейстер и крестьянин Матия Долшайн³³.

В Новом Месте крестьянин и трактирщик Матия Грашич был избран при проведении повторного голосования 33 голосами из 62³⁴. Комиссия рейхстага сначала поставила под сомнение действительность его депутатского мандата, но потом утвердила результаты выборов³⁵. Об этом депутате нам известно немного. Некоторый свет на его взгляды проливает маленькая статья, опубликованная 20 июня в «Лайбахер цайтунг», в которой перечисляются крестьянские просьбы к императору: об отмене феодальных повинностей и десятины без выкупа, о правах словенского языка и т.д. Среди множества крестьянских подписей – также фамилия Грашича³⁶. Очевидно, еще до начала работы рейхстага его воззрения носили радикальный характер.

В Мирне 43 голосами из 70 был выбран крестьянин Юрий Гаер³⁷. Некоторые сведения о нем мы находим в «Лайбахер цайтунг». 16 мая там была опубликована статья, критикующая факты превышения власти императорскими чиновниками во время выборов во Франкфуртское собрание в одной из деревень Нижней Крайны³⁸. Окружной представитель фальсифицировал результаты выборов, а одного из самых уважаемых людей деревни Ю. Гаера обвинил в подстрекательстве народа к мятежу. В редакцию газеты пришло послание, в котором жители деревни защищали Гаера и доказывали, что он, наоборот, успокаивал крестьян, возмущенных несправедливостью окружного представителя. Судя по этой заметке, Гаер действительно пользовался большим уважением среди крестьян своего края. Выборы его в венский рейхstag не были случайностью.

В Радовлице депутатом стал Миха Амброж, один из самых деятельных словенских патриотов. Родился он в 1808 г. в Любляне, в семье

зажиточного крестьянина. Он изучал юриспруденцию в Вене и Граце, по возвращении домой некоторое время работал в люблянском городском суде, а потом 12 лет служил окружным комиссаром. Революцию он встретил восторженно, прославляя «венцев, разбивших оковы австрийских народов», а наряду с ними и императора³⁹. Он принял участие в выборах во Франкфуртский предпарламент. Симпатии к немецким радикалам ему еще не раз потом ставились в вину соотечественниками.

Амброж являлся горячим поборником интересов словенского народа. Он был корреспондентом «Новиц» со времени их образования, сразу стал членом люблянского общества «Словения». Амброж выступал за введение словенского языка в школах и учреждениях, за составление всех документов, касающихся крестьян, на их родном языке. В своей полемике с неким Г. Подреберницким⁴⁰, заявлявшим, что словенский язык слишком беден, чтобы на нем можно было писать документы, Амброж гневно обрушился на этого чиновника и на других «господ, не знающих родного языка». Он считал, что если крестьянин говорит в канцелярии на словенском языке, то зачем переводить его слова на немецкий? Ведь они будут переданы неточно. Амброж призывал образованных словенцев быть ближе к своему народу, для начала хотя бы научиться писать на родном языке. Он считал, что нельзя требовать, чтобы в высших губернских учреждениях, связанных с Веной, также вводился словенский язык. Но на местах, где чиновники находятся в непосредственном контакте с народом, знание его необходимо.

Пользуясь доверием и уважением крестьян, Амброж не раз помогал им разрешать хозяйственные нужды, был посредником в их конфликтах с землевладельцами⁴¹. Так, для смелниковских крестьян он написал прошение министру внутренних дел в Вену на словенском и немецком языках, где излагались основные крестьянские требования. Сам Амброж не без гордости отметил в «Новицах», что составил первое прошение в Вену на родном языке⁴².

Своей энергичной деятельностью в первые месяцы революции Амброж создал себе репутацию человека, искренне преданного интересам своего народа. Он был выбран депутатом сразу в трех округах: в Вышне Горе (20 голосами из 22), причем ему дали заместителя – крестьянина А. Долничара, в Локе (48 голосами из 50), в Радовлице (57 голосами из 87)⁴³. Рейхстаг утвердил его избрание депутатом от Радовлиц.

Самыми напряженными были выборы Амброжа в Локе, где он был избран с тем условием, что вместе с ним в Вену поедут два заместителя – крестьяне Й. Кавич и Г. Гартнер, которые будут помогать депутату «словом и делом в интересах крестьянского сословия». Окруж-

ной комиссар фон Павих, присутствовавший на выборах, после некоторых колебаний все-таки признал их действительными. В сообщении министру внутренних дел в Вену люблянский бургомистр отметил, что считает избрание Амброжа совершенно безопасным, так как избиратели не требовали от депутата, чтобы он учитывал мнение своего заместителя. И с сарказмом добавил, что вряд ли эти заместители будут присутствовать на заседаниях рейхстага, а поехать в Вену – разумеется, за свой счет – им никак нельзя запретить⁴⁴.

В Камнике был избран депутатом крестьянин Валентин Стерцин, что вызвало, по словам люблянского чиновника Кройцберга, всеобщее возмущение в Любляне. Уже на следующий день после выборов в губернскую канцелярию начали приходить письма крайнцев, в которых Стерцин назывался человеком, недостойным быть депутатом. Его обвиняли в участии в драке, в каком-то проступке в армии, в отказе платить штраф и т.д. В сообщении министру внутренних дел Кройцберг резко отрицательно отзывался о результатах выборов в Камнике и просил вынести этот вопрос на рассмотрение комиссии рейхстага по утверждению выборов. Однако комиссия признала действительность мандата Стерцина⁴⁵.

Истинная причина такой реакции местных властей на выборы Стерцина заключалась, по всей видимости, в том, что после поездки в Вену весной 1848 г. Стерцин агитировал крестьян прекратить выполнять барщину и платить налоги, принимал активное участие в распространении упомянутого выше письма из газеты «Конституцион». Несмотря на явную антипатию к Стерцину, Кройцберг вынужден был отметить его популярность, указывая, что аннулирование выборов может возмутить избравших его крестьян⁴⁶.

КАРИНТИЯ

В Св. Андрее выборы проводились с большой задержкой – лишь 10 июля. 104 избирателя 56 голосами выбрали депутатом чиновника из Целовца Йожефа Рака⁴⁷.

ШТИРИЯ

В Коницах был избран крестьянин Карл Штурм⁴⁸, в Целье – крестьянин Матия Жупанец⁴⁹, а в Птуе – упоминавшийся выше Андрей Доминкуш⁵⁰.

В Св. Ленарте, как и предполагалось, депутатом стал Фран Миклошич. На своего знаменитого соотечественника словенцы возлагали летом 1848 г. большие надежды. Однако деятельного участия в работе

рейхстага он уже не принимал. Возможно, склонил первый порыв энтузиазма, возникли опасения, удастся ли сохранить должность придворного библиотекаря и цензора.

В Словениградце депутатом в рейхstag был избран Йосип Крайнц, молодой юрист из Граца⁵¹. Родился он в 1821 г. в семье богатого крестьянина. Уже в 1842 г. в Граце получил диплом доктора философии. Занимался частной практикой, много путешествовал. Во время революции Крайнц выдвинулся как крупный идеолог словенского национального движения. Он стал активным членом грацской «Словении», выступал против участия словенских депутатов в работе Франкфуртского национального собрания⁵².

В Сивнице избрали Алоиза Смрекара, юриста из Граца⁵³. Во время выборов его соперники говорили, что возьмут с собой в Вену заместителей из крестьян. Смрекар был вынужден обещать то же самое и вдобавок заявил, что оплатит этим заместителям поездку в Вену. Противники Смрекара тут же обвинили его в подкупе выборщиков, но комиссия рейхстага после долгих прений признала действительность его депутатского мандата⁵⁴.

ПРИМОРЬЕ

В Толминском округе был избран Антон Горьюп, юрист, окружной комиссар в Толмине (родился в 1812 г.)⁵⁵. В Горице – юрист Йосип Дольяк. Родился он в 1820 г. в крестьянской семье. Брат его был подполковником австрийской армии, погиб в одном из боев⁵⁶.

В Триестском округе депутатом стал сын зажиточного крестьянина Антон Черне (1813 года рождения), юрист⁵⁷. Он проявил себя как один из самых решительных защитников крестьянских интересов в рейхстаге.

Итак, в соответствии с нормой представительства депутатов, установленной избирательным законом, было выбрано: в Крайне – 10 депутатов, из них словенцев – 7; в Каринтии – 7 депутатов, из них словенцев – 1; в Штирии – 21 депутат, из них словенцев – 6; в Приморье – 12 депутатов, из них словенцев – 3.

Всего было выбрано 17 депутатов-словенцев (по численности словенского населения их могло бы быть 21). Здесь приводится их приблизительное число. Существуют другие мнения. Так, Й. Апиx приводит другую цифру – 16 человек⁵⁸. Однако Апиx непоследователен. Не причисляя, например, А. Смрекара к словенским депутатам, он, тем не менее, при описании работы рейхстага постоянно включает Смрекара в их число (при голосовании). К тому же, утверждение Апиха, что

«Смрекар считал себя немцем»⁵⁹, опровергает заявление самого Смрекара на одном из заседаний рейхстага: «Я – славянин»⁶⁰. Нам кажется, что Смрекара можно включить в число словенских депутатов.

Самым большим было представительство крайнских словенцев, самым маленьким – каринтийских, что вполне соответствует степени германизации словенского населения в этих провинциях. По справедливому замечанию Ф. Цвиттера, большинство выбранных словенцев индифферентно относились к национальному вопросу⁶¹.

Социальное положение словенских депутатов было следующим: 6 крестьян, 11 представителей интеллигенции (юристы, чиновники и т.д.), из них 4 человека – крестьянского происхождения (М. Амброж, Й. Крайнц, Й. Дольяк, А. Черне). Не было избрано в рейхстаг ни одного помещика, ни одного священника. Представительство словенцев по социальной принадлежности было относительно демократическим, но, характеризуя крестьян-депутатов, следует учитывать, что бедняков среди них не было. В официальных документах их называли «grundbesitzer» (землевладельцы), под чем можно подразумевать и крестьянина, и помещика.

Уже по этим неполным сведениям видно, каким пестрым был состав словенских депутатов. Это были люди различной политической ориентации, происхождения, положения в обществе, образования и степени национального самосознания. Трудно было ожидать, что они выступят в рейхстаге с едиными требованиями. Большинство из них впервые приняли участие в политической жизни страны, их позиции по вопросам общеавстрийского значения еще не успели оформиться, существенно менялись в ходе работы рейхстага. Некоторым крестьянским депутатам не хватало образования и знания немецкого языка. Отсутствие единства и нестабильность взглядов были характерны для словенских депутатов.

В период предвыборной кампании либеральные и консервативные национальные деятели выступили единым лагерем. Требования, которые они предъявляли к будущим депутатам, были идентичными, что свидетельствует о еще относительно слабой дифференциации политических течений в Словении летом 1848 г. Схожие пожелания относительно качеств депутатов рейхстага высказывали и чешские либералы накануне выборов.

Такой результат выборов явился и победой, и поражением словенских национальных деятелей. С одной стороны, были избраны некоторые сторонники программы Объединенной Словении (М. Амброж, М. Кавич, Й. Крайнц, Ф. Миклошич), с другой – депутатами стали

люди, равнодушные к национальному вопросу. Относительный неуспех предвыборной кампании словенских национальных деятелей показал, что попытки привлечь крестьян к борьбе за национальные права, не принимая их требования отмены феодальных отношений без выкупа, были обречены на провал. Выборы отразили отсутствие взаимопонимания между словенской национальной буржуазией и интеллигенцией и крестьянскими массами, недостаточный уровень развития национального самосознания у крестьян. В чешских землях национальные деятели сумели достичь более значительного успеха на выборах, что объясняется как большей национальной сознательностью чехов, так и тем, что провинциальные ландтаги Богемии и Моравии уже в июне объявили об отмене барщины с 1 июля 1848 г⁶².

В начале июля словенские депутаты отправились в Вену, воодушевленные стремлением внести свою лепту в дело переустройства империи. Прощались с ними торжественно. Так, например, люблянцы провожали в Вену Амброжа и Кавчича с музыкой⁶³. Газета «Цельске словенске новине» напутствовала депутатов словами, что они «должны возвести новые стены, которые укрепят нашу родину, сделают ее непобедимой. Они должны решить, что хорошо для каждого человека, чтобы никто не потерпел несправедливости»⁶⁴.

Полными неоправдавшихся впоследствии надежд были первые послания из Вены Амброжа и Кавчича. Амброж сообщал, что в Вене «господствуют единство, любовь, мир и дружба», а Кавчич – что «рейхстаг создаст новый строй, основанный на справедливых законах»⁶⁵.

2. Обсуждение крестьянского вопроса в рейхстаге и в словенских областях

Окончательные решения по крестьянскому и национальному вопросам должен был принять рейхстаг, а до его открытия их предварительное обсуждение планировалось провести в ландтагах, задачей которых было подготовить и представить рейхстагу необходимые материалы.

Выборы в крайнский, штирийский и каринтийский ландтаги прошли в первой половине июня. Состав их участников во время революции существенно демократизировался. Правительство требовало от провинциальных сословий уступок – более широкого привлечения крестьян к работе ландтага, обсуждения в нем крестьянского вопроса, надеясь таким способом направить крестьянскую борьбу в легальное русло и постепенно свести ее на нет. Представителям феодальных

сословий (землевладельцам и крупному духовенству), крестьянским делегатам и представителям буржуазии и низшего духовенства теперь отводилось в ландтагах примерно равное число мест. Однако по сравнению с рейхстагом состав ландтагов был более консервативным, представительство крестьян незначительным. Это обстоятельство, а также то, что решения ландтагов законодательной силы не имели, стали причинами малой популярности ландтагов у широких слоев населения. Крестьяне, настороженно и с недоверием встретившие выборы в рейхstag, выборы в ландтаги в массе своей проигнорировали. Избранные ими депутаты в заседаниях ландтагов участвовали мало.

19 июня произошло первое (и последнее) заседание крайнского ландтага. В нем было много словенцев⁶⁶, некоторые из них позднее стали депутатами рейхстага (Амброж, Кавич, Долшайн, Грашич). Споры на этом единственном заседании велись преимущественно о том, каким должно быть крестьянское представительство в ландтаге. Немец Лауфенштайн выдвинул радикальное предложение – вообще распустить собрание и провести новые выборы, чтобы крестьяне были представлены в ландтаге в значительно большем составе. М. Амброж поддержал это предложение, но большинство участников заседания его не приняли. Наконец, было решено, что собирается специальная секция для обсуждения этого вопроса. Однако, явившись на секцию, крестьянские делегаты заявили, что ландтаг вообще не нужен, и отказались участвовать в его работе. Свои пропуска они собирались пересыпать непосредственно в рейхstag⁶⁷. То же решение приняли крестьянские депутаты в штирийском ландтаге⁶⁸. Против обсуждения крестьянского вопроса в ландтаге выступили и крестьянские депутаты Каринтии⁶⁹.

Назначенное на 26 июня второе заседание крайнского ландтага не состоялось из-за неявки крестьянских депутатов. Эта позиция крестьян вызвала недовольство словенских национальных деятелей Крайны, выдвинувших в деятельности ландтагов шаг к переустройству империи. Уговаривая крестьян участвовать в работе ландтага, Амброж уверял их, что «члены ландтага им не враги и хорошо знают, что должно крестьянскому сословию»⁷⁰. Блейвейс осудил поступок крестьян в «Новицах»⁷¹.

Вопрос об отмене феодальных повинностей, который, в сущности, должен был встать в центре дебатов в ландтаге, на заседании 19 июня затрагивался лишь вскользь. Так, с либеральной позиции выступил М. Амброж, потребовав, чтобы помещики не требовали от крестьян исполнения повинностей в этом году, ибо они заплатят лишь то, что установит рейхstag на будущие годы. К Амброжу присоединился и крестьянин М. Грашич, убеждая господ во избежание волнений не требовать

десятины. Словенец Еретина выступил значительно более радикально, требуя, чтобы выкуп взяло на себя государство («император и министры»)⁷². Крестьяне с одобрением встретили речь Еретины (заседания ландтагов проводились открыто, на них могли прийти все желающие⁷³).

Представители феодальных сословий продолжали свои совещания, несмотря на отсутствие крестьян. 8 июля они послали в министерство внутренних дел для последующего представления рейхстагу прошение, в котором предлагалось, чтобы крестьяне сами выкупили все свои феодальные повинности и налоги. Содержание этого прошения показалось чересчур реакционным министру Доблхофу⁷⁴, отказавшемуся его поддержать.

В каринтийском ландтаге, заседания которого проводились с середины июня, вообще дело не дошло до обсуждения крестьянского вопроса. В центре проходивших в нем дебатов стоял национальный вопрос.

Больше плодов принесла деятельность штирийского ландтага, которому удалось наладить постоянную работу – с середины июня до середины августа здесь состоялось 47 заседаний. В штирийском ландтаге работали несколько словенцев, не интересовавшихся национальным вопросом, из национальных деятелей – только Я. Крефт, С. Кочевар и В. Гурник. Споры в этом ландтаге, как и в каринтийском, велись в первую очередь вокруг национальных проблем, однако и крестьянским делам было уделено немало внимания. Несмотря на высказанный крестьянами протест, большинство депутатов проголосовало за рассмотрение вопроса об отмене феодальных повинностей на заседаниях ландтага⁷⁵.

Известно, что в дебатах приняли участие словенцы В. Гурник и Ф. Рапотар. Гурник заявил, что крестьяне его края (Целье) не могут понять, за что хотят получить выкуп господа. Вместе с тем он убеждал крестьян, что господа им не враги. Стремясь примирить обе стороны, он призывал их подать друг другу руки⁷⁶. О желании крестьян решить вопрос об отмене феодальных повинностей как можно скорее говорил в своем выступлении Рапотар⁷⁷. Естественно, что на основании этих скучных сведений сложно составить представление о взглядах этих людей, ясно одно – решению крестьянского вопроса они придавали важное значение. К ним крестьяне, очевидно, не имели больших претензий, зато поведение некоторых других депутатов, не выполнивших их наказов, вызвало у них сильное разочарование. Известны случаи, когда крестьяне избивали не оправдавших их надежды депутатов, разоряли и поджигали их дома⁷⁸.

6 июля штирийский ландтаг принял проект закона, предусматривавший отмену феодальных повинностей с 1 января 1849 г. Был опре-

делен выкуп, 60% которого должно было лечь на плечи крестьян, а 40% обещала взять на себя провинция. Проект этот был принят, несмотря на многочисленные протесты крестьянских депутатов, с наименьшим перевесом голосов – 42 против 41⁷⁹.

Проект штирийского ландтага был значительно прогрессивнее, чем прошение, посланное рейхстагу собранием феодальных краинских сословий. Либералами он был встречен с одобрением. Уже в конце 1880-х годов Й. Апих писал, что выкуп, предусматривавшийся штирийским ландтагом, был очень мал⁸⁰.

Мы видим, что консервативная, либеральная и демократическая позиции по вопросу об отмене феодальных повинностей наметились уже в деятельности ландтагов Крайны, Штирии и Каринтии. Демократическая (отмена феодальных повинностей без выкупа) была характерна для крестьянских представителей, либеральная – для представителей буржуазии и интеллигенции (как словенской, так и немецкой). Консервативную точку зрения высказывали феодальные краинские сословия, немецкие по национальности, вынужденные согласиться на получение денежного выкупа, но настаивавшие на его максимальных размерах, чтобы доходы их никак не пострадали.

Участие словенцев в обсуждении крестьянского вопроса в ландтагах было незначительным. Это объясняется отчасти тем, что в штирийском и каринтийском ландтагах словенских депутатов было немного. Словенская национальная интеллигенция уклонилась от участия в работе этих учреждений (объединение Словении предусматривало распад старых провинций Штирии и Каринтии, и участие словенских патриотов в деятельности ландтагов не имело смысла). Краинский же ландтаг (с точки зрения словенских национальных деятелей более перспективный, чем штирийский и каринтийский – представительство словенцев в нем было значительным) не смог организовать своей работы вследствие игнорирования его крестьянами.

Дискуссии по крестьянскому вопросу в ландтагах явились преддверием столкновений консервативной, либеральной и демократической позиций в рейхстаге, где борьба за и против выкупа достигла наибольшего накала.

* * *

Торжественное открытие рейхстага состоялось 22 июля 1848 г. По своему составу первый австрийский парламент был достаточно демократичен: 60 % депутатов составляли представители буржуазии и ин-

теллигенции, 25% – крестьяне. Остальные места разделили дворяне и священники. Среди 383 членов рейхстага 190 были славянами.

В рейхстаге оформились три основные группировки: правая, левая и центр. В левую входили немецкие и польские демократы (т.е. сторонники демократической монархии), часть итальянцев, по отдельным вопросам к ним примыкал ряд югославянских депутатов. Представители левицы выдвинули революционную программу отмены феодальных повинностей без выкупа. Их позиция по национальному вопросу была непоследовательной. На словах высказываясь за равноправие народов Австрии, на деле левица, по замечанию одного из ее лидеров И. Кудлиха, мало интересовалась вопросом о положении ненемецких национальностей⁸¹. Большинство левых депутатов не желали сохранения Австрийской империи, поляки и итальянцы стремились к созданию своих государств, немцы же мечтали об Объединенной Германии. К австрославистским воззрениям немцы относились с антипатией, боясь, что Австрия превратится в славянское государство, и тогда якобы неминуемо попадёт под влияние русского царя.

Ядром правой группировки рейхстага («Славянской партии») были чехи. К ним присоединилось большинство славянских депутатов, часть немцев и итальянцы. В социально-экономической области правые выступали за отмену феодальных повинностей за выкуп, в политической – за избирательный ценз и двухпалатный рейхstag, негативно относились к демократии, республике и всяким революционным действиям. В национальном вопросе они были сторонниками преобразования Австрийской монархии в федерацию равноправных народов, выступали против идеи Объединенной Германии. Правительство часто использовало поддержку правой группировки в борьбе с левицей.

Большую часть депутатов составляли центристы. Это были либералы, составившие свою программу в духе конституции 25 апреля. Центристы в основном при голосовании поддерживали правых. Были и общие черты, объединяющие три группировки. Все (или почти все) депутаты признавали необходимость отмены феодальных отношений, являлись сторонниками конституционной монархии. Крайних реакционеров среди них не было. Приблизительная расстановка сил в рейхстаге стала очевидной с самого начала его работы.

Уже в начале августа в «Словении» появилась интересная статья о рейхстаге. Автор статьи предугадал, что, «вероятно, все его решения будут либеральными». Группировки рейхстага он охарактеризовал по их национальным программам – федералисты, централисты, франкфуртисты – и верно обрисовал специфику каждой из них⁸². Принятое

19 июля под давлением славян решение отложить выборы председателя рейхстага⁸³ и последовавшее на следующий день избрание председателем немца Шмидта, а заместителем – чеха Штробаха (компромиссный вариант) словенцы восприняли как крупную победу Славянской партии⁸⁴. Словенские деятели ожидали от рейхстага прежде всего решения национального вопроса. Своим депутатам они советовали объединиться с чехами⁸⁵ и вместе с ними бороться за превращение Австрийской империи в союз славянских народов. Однако вопреки ожиданиям словенских национальных деятелей вопроса о федерации рейхстаг в Вене не успел рассмотреть – вплотную этим он занялся в конце 1848 – начале 1849 гг. уже в Кромержиже.

В самом начале своей работы рейхстаг избрал Конституционную комиссию для выработки основ будущей австрийской конституции. В состав ее вошли 30 депутатов (по три от каждой губернии – решение, не устраивавшее чехов, но вполне приемлемое для словенцев). Из словенцев в нее были избраны Миклошич, Крайнц, Амброж, Кавич, Го-рыюп. До октября 1848 г. комиссия успела разработать лишь первый раздел будущей конституции – об основных правах австрийских граждан – в духе октроированной конституции 25 апреля. На обсуждение рейхстага он был вынесен лишь зимой 1848–1849 гг. в Кромержиже.

В центре работы рейхстага в июле–сентябре 1848 г. стоял вопрос об отмене феодальных повинностей. Дискуссию по нему открыл молодой силезский юрист И. Кудлих. Предложение, внесенное им на заседании 26 июля, касалось скорейшей отмены рейхстагом феодальной зависимости. Депутат считал, что необходимо принять решение, нужно платить за это выкуп или нет⁸⁶. Доклад Кудлиха был встречен бурными аплодисментами, и начались долгие дебаты по этому вопросу.

К концу августа большинство депутатских предложений (а их было больше 70) было объединено в двух коллективных предложениях – Кудлиха и Лассера, с которыми те выступили 30 августа⁸⁷. Наряду с общими положениями – об отмене феодальных отношений, об образовании конституционной комиссии и т.д. – документы содержали также и существенные различия. Кудлих поставил под вопрос необходимость выкупа, для Лассера она была бесспорной. Лассер выступал за немедленное решение этой проблемы. Он считал, что после обсуждения в рейхстаге лишь некоторые, наиболее спорные, пункты нужно передать на рассмотрение Конституционной комиссии. Кудлих хотел отложить решение вопроса о выкупе, передав его полностью комиссии по выкупу, вероятно, желая путем отсрочки выхлопотать решения, наиболее благоприятные для крестьян. Выплату выкупа Кудлих

предлагал произвести из государственных средств, Лассер же стремился привлечь к этому также средства провинциальных фондов⁸⁸ (т.е. опять-таки за счет крестьян). Предложение Кудлиха было более радикальным и одобрения центристски-правого большинства рейхстага не встретило. Лассера же поддержало большинство (152 против 148)⁸⁹.

31 августа рейхстаг принял постановление об отмене феодальной зависимости за выкуп. 7 сентября вышел императорский патент, подтверждавший решение рейхстага. Величина выкупа была установлена в 20-кратном размере ежегодных крестьянских повинностей. 1/3 его должно было выплатить государство, 2/3 – крестьяне⁹⁰.

По вопросу об отмене феодальных повинностей неоднократно высступали и словенские депутаты.

Йосип Дольяк выдвинул на заседании 10 августа предложение, состоявшее из 5 пунктов. В нем говорилось об отмене феодальных повинностей за выкуп, который должен выплачиваться из особого фонда (какого именно – Дольяк не уточнил). Депутат выступил за отмену сервитутных прав крестьян, а также за временное сохранение патrimonиальных судов и октавы* на три года⁹¹. Когда обсуждались коллективные предложения, он безоговорочно поддержал Лассера⁹². Позиция Дольяка по крестьянскому вопросу вызвала недовольство его избирателей⁹³.

Матия Кавич выступал по крестьянскому вопросу несколько раз. 9 августа он внес предложение отменить отношения феодальной зависимости и десятину, а октаву сохранить еще на три года⁹⁴. В отличие от Кудлиха, Кавич считал, что «нужно определенно высказаться за выкуп»⁹⁵. Патrimonиальные органы управления он предложил заменить государственными, так как «крестьянин будет недоволен, если его прежний господин сохранит над ним административную власть»⁹⁶. Прослеживая процесс возникновения и развития отношений феодальной зависимости, Кавич сделал вывод о том, что крестьяне становились зависимыми двояким путем: их насильно захватывали немецкие феодалы или они добровольно передавали себя под их защиту. С этим, по мнению Кавича, связана двойственная природа прав феодалов: общественная (функция защиты крестьян от внешних врагов) и частнособственная (в случае добровольной уступки крестьянской земли феодалам, что случалось довольно редко). Такую же двойственную природу Кавич видел и в праве церкви получать десятину. К общественным функциям десятины он относил ту ее часть, которая шла на строительство школ и монастырей, на милостыню и на оплату

* Октава – налог в пользу феодала, составлял 1/8 ежегодного дохода крестьянна.

священников, исполнявших канцелярскую, посольскую и другую работу. В процессе исторического развития общественная природа прав феодалов и церкви постепенно сходила на нет, их общественные функции переняло государство.

Свои идеи о необходимости выкупа Кавчич развивал неоднократно, выступая 9, 24 и 30 августа. Он указывал, что тяжкое бремя крестьянина противоречит природе и законам, так как крестьянин вынужден платить в двойном размере господину, церкви и государству, хотя ни господа, ни церковь уже не исполняют своих общественных функций⁹⁷. Сознавая необходимость радикального решения крестьянского вопроса, Кавчич считал, что оно должно произойти на основе принципа «равновесия сил», которое, по его мнению, могло быть обеспечено тем, что терпящим убытки дали бы выкуп, в противном случае «половина народа будет возмущена»⁹⁸, ибо «людей, теряющих при отмене феодальных повинностей, не меньше, чем тех, кто выигрывает от нее». Это, по мнению Кавчича, владельцы поместий, ростовщики, вкладывавшие деньги в землю, благотворительные учреждения, ссудные кассы, слуги, рабочие, имеющие надел и т.д. Судьбы мелких и средних землевладельцев волновали Кавчича прежде всего. В Крайне, говорил он, много землевладельцев, которые получают 1/5 дохода от земельного участка, и 4/5 – от крестьянских повинностей. Они разорятся, если не получат выкупа⁹⁹.

С большим сочувствием описал Кавчич бедственное положение словенских крестьян: «В моей отчизне Крайне есть местности, где от масленицы до урожая люди не видят хлеба, а также существуют селенья, где соль покупают только по праздникам... там люди голодают, слабеют и в 25 лет выглядят стариками. При отмене повинностей и десятины они ничего не выигрывают в денежном отношении... но, вероятно, они чаще будут есть хлеб, дольше жить и станут сильнее, однако заплатить они ничего не могут»¹⁰⁰.

Основную часть выкупа, согласно предложению Кавчича, должно выплатить государство. Кавчич не сразу определился в вопросе, из какого источника можно почерпнуть средства. 9 августа он неуверенно говорил, что, может быть, нужно привлечь к этому провинциальные фонды¹⁰¹, а 24 августа предложил смелый и неожиданный вариант: использовать для выкупного фонда церковное и монастырское имущество. Церковь он обвинил в том, что она разоряла народ, а теперь она должна вернуть ему свой долг. Это было серьезное выступление против католической церкви. Наиболее полно свои идеи о создании выкупного фонда Кавчич высказал в речи 30 августа, предложив сформировать

его на основе средств, полученных: 1) из церковного и монастырского имущества; 2) из государственной казны; 3) из незначительной части имущества университетских и провинциальных фондов¹⁰². По мнению Кавичча, высказанному им в письме Я. Блейвайсу, его предложение переложить основную часть выкупа на церковь и государство могло склонить многих крестьянских депутатов проголосовать в пользу выкупа, чего в противном случае они бы не сделали¹⁰³.

Кавичч отрицательно отнесся к предложению Лассера выплачивать выкуп из средств провинциальных фондов¹⁰⁴. На прогрессивных позициях стоял Кавичч и в вопросе о сервитутных правах. В противовес мнению Дольяка, Лассера и др. он указывал, что отмена сервитутных прав поставила бы под угрозу жизнь тысяч крестьян, а также их способность выплачивать выкуп. В пример он привел свой родной край Постойну, где многие семьи жили за счет использования этих прав¹⁰⁵. Медлительность рейхстага беспокоила Кавичча, считавшего «чрезвычайно опасным то, что мы ни крестьян не освобождаем, ни выкупа не определяем»¹⁰⁶.

Как видно, в вопросе о ликвидации феодальной зависимости Кавичч старался занять среднюю позицию.

Речи Кавичча привлекли внимание общественности. Венская газета опубликовала хвалебную статью, где он превозносился как человек замечательных способностей и широкого образования¹⁰⁷. В «Словении» были подробно изложены основные положения программы Кавичча, но реакция была скорее отрицательной. В газете был сделан вывод о том, что «поскольку г. Кавичч является центристом, вряд ли он удовлетворит пожелания словенцев»¹⁰⁸. Настороженное отношение словенцев к программе Кавичча понятно. Многие словенские национальные деятели (особенно священники) не могли одобрить его предложение об использовании церковного и монастырского имущества для выкупного фонда. «Словенски церквени часопис» резко критиковал Кавичча за свободомыслie в этом вопросе¹⁰⁹.

Как и Кавичч, против отмены сервитутных прав крестьян выступил и Карл Улепич. Он подчеркнул, что этот вопрос должен решаться в зависимости от конкретных условий той или иной местности. Улепич привел в пример свой родной край Крас, где земельные наделы были так малы, что крестьяне не смогли бы прокормиться, если бы им было запрещено рубить дрова в поместьческом лесу и пасти там свой скот. Сохранить эти права – жизненно важный вопрос для крестьян Краса, подчеркнул он¹¹⁰. Улепич признавал необходимость выкупа (о чем свидетельствует принятие им предложения Лассера), но придерживался несколько более правых позиций, чем Кавичч.

С радикальной программой выступил 12, а потом 25 августа Антон Черне. В первом же выступлении Черне решительно высказался против того, чтобы малую часть выкупа платил крестьянин, а большую взяло на себя государство (вариант Кавичча). Эту точку зрения Черне считал несправедливой, трезво полагая, что «даже если государство возьмет выкуп на себя, выплачивать его будут вынуждены теперешние крестьяне, которые и так слишком обременены налогами». Черне заклеймил аристократию и феодальную систему как двух тиранов, подавлявших человеческий дух. Требование компенсации он рассматривал как противоречащее принципу свободы, равенства и братства, провозглашенному рейхстагом. В первой речи Черне пытался воздействовать на слушателей прежде всего эмоционально. Кончил он свое выступление так: «Давайте представим, что к судье, сидящему на престоле справедливости, придут аристократ и зависимый крестьянин. Аристократ потребует выкупа, а крестьянин ответит: «Мой враг до сих пор порабощал мой дух, тиранил мое тело, грабил мое имущество. Я требую возвращения всего этого. Вы – судьи, господа»»¹¹¹.

Вторая речь Черне была подробна и блестяще аргументирована¹¹². В ней он продолжал развивать идею о неправомерности требования выкупа с крестьян. Рассматривая претензии землевладельцев с правовой точки зрения, можно убедиться в их несправедливости, говорил Черне. В число повинностей, выполнения которых требуют от крестьян феодалы, входят также общественные работы. Сторонники выкупа доказывали, что в основе взаимоотношений феодалов и зависимых крестьян лежит двусторонний договор, при расторжении которого феодалам по праву полагается выкуп. Этой позиции Черне противопоставил утверждение о том, что власть феодалов всегда основывалась на насилии, а не на праве. «Договор», заключенный под давлением силы, не может считаться действительным. К тому же, если признать логичным утверждение, что «земля – господская», так как крестьяне платят налоги феодалу, то тогда через несколько лет можно будет сказать, что земля принадлежит государству.

Однако Черне разделял позицию крестьян: земля – божья и крестьянская, она не является собственностью ни феодалов, ни государства. Свобода и гражданское равноправие – высшая собственность, данная человеку от бога. И «все действия, направленные против этой собственности, являются узурпацией прав».

Отрицая право феодалов на получение выкупа, Черне заявил, что даже администрация Меттерниха имеет его в большей степени, чем феодалы, так как она хотя бы чем-то занималась, управляя государ-

ством. А что сделали для государства дворяне? Ничего. Их Черне называл «трутнями».

От смелого обличения феодалов Черне перешел к другому больному вопросу тех дней – к вопросу о пролетариате, который он отождествлял с люмпен-пролетариатом, с нищими и бедняками – точка зрения, вообще характерная для либеральной идеологии того времени. «Пролетариат» опасен, когда ему ничего не дают. Если же беднякам дать что-нибудь в собственность, угрозы они представлять не будут. Словенский депутат выступил в поддержку мелкой собственности. Когда мелкий собственник убедится в том, что его сюртук действительно принадлежит ему, и сильнейший не может предъявить на него свои права, частная собственность окажется в большей сохранности, так как обделенных и недовольных не будет. Черне призывал рейхstag куважению и защите прав мелкого собственника, прежде всего крестьянина. «Высказавшись за выкуп, – говорил он, – мы тем самым выскажемся за то, чтобы существующая зависимость превратилась в еще более постыдное, косвенное, а не прямое рабство».

На слова либералов (в том числе и Кавчича) о том, что многие помещичьи семьи разорятся, если им не дадут выкупа, Черне возразил, что в противном случае речь пойдет о нищете и разорении сотен тысяч и миллионов крестьянских семей. Никакого равноправия не будет, ибо от установления выкупа неизмеримо больше людей пострадает, чем выиграет. Смысл своего выступления Черне подытожил в нескольких словах: «Мы должны заткнуть раны, из которых до сих пор течет кровь зависимых крестьян».

Черне проявил себя как крестьянский демократ, выдвинув в своих речах в рейхстаге более демократическую программу, чем та, которую представила немецкая левица. Его речь 25 августа была встречена левицей с энтузиазмом и разъярила правую группировку. Правительство решило, что пора поставить рейхstag на место. 26 августа на заседании впервые выступили министры А.Бах и Краус. Они заявили, что выкуп должен быть назначен – в противном случае правительство подаст в отставку¹¹³. Эта угроза вызвала возмущение левых.

Примерно с тех же позиций, что и Черне, выступил Антон Горьюп. Он заявил о своей принадлежности к группировке, не признающей за феодалами права на выкуп. Горьюп с насмешкой опроверг утверждение феодалов, что выкуп они должны получить по праву собственности. Но существующее положение вещей – еще не достаточное доказательство права собственности. Рабство существовало тысячи лет, основано ли оно поэтому на праве? Горьюп поймал представителей пра-

вой группировки на противоречии: «Сначала вы говорите, что зависимость противоестественна и несправедлива, а потом утверждаете, что повинности крестьян являются святой собственностью господ. Я не понимаю, как одна и та же вещь может быть естественной и противоестественной, справедливой и несправедливой». Крестьянские повинности не являются ничьей собственностью, утверждал Горьюп. Когда эти тяготы будут ликвидированы, из государственного строя уйдет зло, и за это не полагается вознаграждения.

Собственность банкиров, торговцев и крупных помещиков Горьюп считал священной. Представления о пролетариате и о коммунизме у него были такие же неясные, как и у Черне. Коммунизмом он считал строй, при котором у богатых отнимают собственность и передают ее бедным. Против этого тезиса он решительно возражал. Его речь была построена на доказательстве того, что крестьянские повинности можно отменить без выкупа, так как крестьяне не являются собственностью господ. Горьюп не был так бескомпромиссен, как Черне, он считал, что компенсацию феодалам следует дать из соображений простой справедливости. Только выкуп должно платить государство, а не крестьяне¹¹⁴.

Триестский «Журнал австрийского Ллойда» опубликовал статью, в которой резко осуждался радикализм выступления Горьюпа по вопросу о выкупе. Горьюпа упрекнули в том, что он действовал вопреки воле своих избирателей, и даже обвинили в симпатии к коммунизму¹¹⁵.

Черне после принятия рейхстагом решения о необходимости выкупа больше не выступал. Горьюп вместе с представителем немецкой левицы Ленером высказался позже против голосования по параграфу 5 предложения Лассера потому, что считал его формулировку неясной – вносить выкуп за все повинности или лишь за некоторые. Ленер потребовал уточнения и разъяснения этого пункта и передачи его на рассмотрение особой комиссии. Горьюп поддержал Ленера, а также предложил, чтобы выкуп выплачивался из провинциальных фондов¹¹⁶. В этом пункте он солидаризировался с правыми, отступив от своей прежней позиции. В целом взгляды Горьюпа по этому вопросу отличались непоследовательностью, колебались между либерализмом и демократизмом.

Об отношении Михи Амброжа к крестьянскому вопросу мы располагаем очень отрывочными сведениями – он ни разу не выступал в рейхстаге на эту тему. Однако в дискуссиях участвовал. Так, когда встал вопрос о голосовании по 4–5 параграфам предложения Лассера (где речь шла о признании выкупа), Умлауфт, Виолан и другие представители левицы выступили против голосования по ним, требуя

детальной разработки этих положений¹¹⁷. М. Амброж поддержал их и предложил не голосовать по параграфу 5 и другим не обсуждавшимся еще пунктам предложения Лассера, а сразу передать их на рассмотрение комиссии, так как рейхстаг якобы не обладает достаточными знаниями для детального решения вопроса о выкупе¹¹⁸. Таким образом Амброж по существу высказался за предложение Кудлиха. Это противоречило принятому накануне решению рейхстага о голосовании по предложению Лассера. Левица встретила выступление Амброжа аплодисментами. Председатель рейхстага чех Штробах был в бешенстве. Он заявил, что не хочет председательствовать на форуме, который все время меняет свои решения. Он вернулся на председательское место лишь после того, как Амброж взял свое предложение назад¹¹⁹.

Взгляды Амброжа по вопросу о выкупе характеризует его статья в газете «Словения», в которой он порицал депутата Дольяка, поскольку тот «в своей речи по поводу крестьянских повинностей сказал, что крестьяне хотели бы откупиться и лишь демагоги стремятся к тому, чтобы ничего не возвращать помещикам»¹²⁰. По-видимому, в этом вопросе Амброж стоял на левых позициях.

Об отношении к вопросу об отмене феодальных повинностей двух других словенских депутатов – члена грацского общества «Словения» Й. Крайнца и штирийского крестьянина Матии Жупанца – мы можем судить на основании статей, написанных ими после разгрома Октябрьского восстания в Вене. Оба они заявили, что при решении крестьянского вопроса выступали с позиций левицы. Крайнц указал, что немецкая левица «до октября в чисто политических делах, не затрагивающих народность, более последовательно выступала за настоящую свободу», чем чехи, часто выказывавшие себя «друзьями аристократии». Утверждение Крайнца, что он всегда голосовал как Кавчич, позволяет предположить, что взгляды обоих депутатов по крестьянскому вопросу были близки¹²¹. С тех же позиций выступал и Жупанец, писавший, что «только левица хорошо защищала крестьянские дела», и полностью поддержавший предложение Кудлиха¹²².

О позициях остальных словенских депутатов по вопросу об отмене феодальной зависимости нам известно лишь по результатам голосований, проводившихся в рейхстаге.

За принятие параграфа 5 предложения Лассера вместе с правыми проголосовали Дольяк, Доминкуш, Миклошич, Рак, Улепич, против – Амброж, Черне, Долшайн, Гаер, Грацич, Стерцин, Жупанец. Кавчич от голосования воздержался¹²³. Параграф был принят большинством в 174 голоса против 144.

При голосовании по параграфу 7 предложения Лассера (о выплате выкупа из средств провинциальных фондов) мнения словенских депутатов снова разделились. «За» высказались вместе с правой группировкой только Дольяк, Доминкуш и Горьюп. Остальные словенские депутаты выступили «против». Победило правое большинство 224 голосами против 125¹²⁴.

При голосовании по предложению Кудлиха (параграф 5 – «Должно ли государство платить выкуп за отмену повинностей, не основывающихся на частном соглашении крестьян и феодала?»)¹²⁵ результат оказался неожиданным: победила левица. Большинство словенцев поддержали это предложение – против были только Доминкуш, Миклошич, Рак¹²⁶. При повторном голосовании проект Кудлиха был все же отвергнут.

По выступлениям и результатам голосований видно, что большинство словенских депутатов поддерживали в крестьянском вопросе левицу. На буржуазно-демократических позициях стояли Черне и большинство крестьянских депутатов. Консервативные взгляды высказали Миклошич, Рак, Улепич, Дольяк; либеральные – Кавчич, Крайниц, Горьюп, Амброж. Конечно, эта классификация приблизительна, так как многие депутаты не имели твердых представлений о решении ряда вопросов и часто выступали непоследовательно (например Горьюп).

* * *

Вопросов, касающихся государственного строя Австрийской империи, Венский рейхstag специально не рассматривал. Дискуссия о компетенциях рейхстага возникла в связи с тем, что перед депутатами вставала проблема: должен ли закон об отмене феодальных повинностей, принятый рейхстагом 31 августа, получить санкцию императора? Правительство считало, что вопрос о монаршей прерогативе имеет принципиальное значение, так как касается участия императора в законотворчестве наряду с рейхстагом¹²⁷. На заседании 2 сентября министр Бах заявил от имени министерства, что решения рейхстага недействительны без санкции императора¹²⁸. Выступление Баха вызвало негодование левицы. 5 сентября немецкий демократ Э. Виолан зачитал протест, содержащий резкие выпады против Баха, «сведущего на нет законодательные права рейхстага». «Наш рейхstag был завоеван народом и должен защищать свои и народные права, а не позволять министрам произвольно их ограничивать», – утверждалось в этом документе. Из словенцев его подписали крестьяне Жупанец и Долшайн¹²⁹.

Факт подписания словенскими депутатами протеста, выдвинутого левицей, вызвал взрыв возмущения в Словении. Словенские газеты обвинили Долшайна и Жупанеца в республиканских симпатиях¹³⁰. «Если бы они выступили за конституционную монархию, — писала «Словения», — то не могли бы отрицать, что решения рейхстага половинчаты и не имеют силы закона, так как рейхстаг и император вместе являются законодателями»¹³¹. Как видно, национальные деятели Словении в этом вопросе твердо стояли на позиции правительства.

В том же духе выступил в рейхстаге Й. Дольяк. «Мы все едины в нашем желании конституционной монархии», — заявил он, подчеркнув, что решения рейхстага могут иметь законодательную силу лишь после утверждения их императором¹³². Дольяк решительно высказался против предложения немецкого демократа Ленера, призывающего к тому, чтобы рейхстаг не объявлял своих решений до получения ответа на вопрос Борроша: «Признает ли министерство законодательные права рейхстага?»¹³³

Кроме Дольяка, из словенских депутатов в дискуссии принял участие только Алоиз Смрекар, позиция которого была непоследовательной. Заявив о своей преданности идее конституционной монархии и о признании права императорского «вето» (позиция центра и правых), он все же вместе с немецкой левицей высказался в поддержку предложения Ленера¹³⁴.

Голосование по предложению Ленера привело к следующим результатам: «за» высказались Амброж, Черне, Долшайн, Гаер, Грашич, Кавич, Крайниц, Смрекар, Стерцин, Жупанец; «против» — Дольяк, Миклошич, Рак, Уленич. Предложение было отклонено 183 голосами против 119¹³⁵. Позиция правительства возобладала, и решения рейхстага представили на санкцию императору. В сущности, это была крупная политическая победа реакционных сил. Теперь освобождение от феодального бремени народ стал связывать не с решением рейхстага, а с манифестом императора, что ослабило авторитет рейхстага.

Говоря о воззрениях словенских депутатов по вопросу о законодательных правах рейхстага, нужно учитывать, что все они являлись сторонниками конституционной монархии, разногласия сводились лишь к тому, в какой мере должна быть ограничена власть монарха. По предложению Ленера большинство словенских депутатов проголосовали с левыми, однако это лишь показывает, что их взгляды были левее министерских. Позиция словенских депутатов в данном случае не совпадала с официальной точкой зрения, поддерживаемой большинством словенских национальных деятелей.

* * *

О ходе дебатов в рейхстаге по крестьянскому вопросу пресса сообщала регулярно, но выборочно. Например, «Словения» дала характеристику программы Кавчича, но о выступлениях других словенских депутатов, даже о знаменательной речи Черне, материалов не поместила. Возможно, в австрийских газетах, из которых словенские журналисты перепечатывали материалы, о них ничего не сообщалось. О принятии предложения Лассера в словенской печати писалось с удовлетворением¹³⁶, императорский манифест 7 сентября был воспринят с воодушевлением¹³⁷.

Словенские национальные деятели не раз выражали свою озабоченность тем, что в рейхстаг избрали слишком много крестьян, не разбирающихся в государственных делах и даже не знающих немецкого языка¹³⁸. «Теперь видно, как проиграли крестьяне, послав своих депутатов в рейхстаг. Когда обсуждались их насущные вопросы, и все бы хотели услышать их мнение, они молчали», — писала «Словения»¹³⁹. Словенские газеты старались убедить крестьян, что действительную свободу и справедливость они получат лишь с помощью образованных господ¹⁴⁰. Подобные высказывания основывались на том, что по крестьянскому вопросу никто из словенских депутатов-крестьян не выступил. Однако выпады против крестьян были не вполне справедливы: несмотря на недостаток образования, не позволявший им включиться в дискуссии рейхстага, большинство из них голосовали в интересах своего сословия, вместе с левой группировкой. Опасения словенских национальных деятелей, что крестьяне в рейхстаге попадут под влияние немецкой левицы, а к национальным лозунгам Славянской партии останутся равнодушны, оправдались.

Вообще крестьянский вопрос, ставший центральным в рейхстаге, летом 1848 г. неоднократно поднимался и в словенской печати. Много заметок на эту тему публиковали «Новице», причем содержание их было однотипным: крестьян убеждали выполнять повинности, не бунтовать, ждать решений рейхстага. Статей, в которых бы рассматривался вопрос о выкупе, не было. Крестьяне, видимо, не могли уяснить себе позицию газеты и неоднократно писали в редакцию с просьбой высказаться определенно: за кого стоят «Новице» в вопросе о выкупе: за крестьян или за господ? В конце августа последовал ответ: «Новице» выступают за справедливость. Все должны понести убытки — и господа, и крестьяне. Крестьяне сами должны выплатить свои долги феодалам. Исключение император, может быть, сделает лишь для самых бедных

крестьян¹⁴¹. Таким образом, в этом вопросе «Новице» занимали ту же позицию, что и правая группировка рейхстага.

В «Словении» об аграрном вопросе материалов не помещалось, газета уделяла внимание проблемам почти исключительно национально-политическим, что отражало отсутствие интереса словенских либералов к крестьянским проблемам. Единственная статья на эту тему, опубликованная в «Словении» 22–26 сентября, уже после завершения дебатов в рейхстаге, была написана с позиций, близких взглядам М. Кавчича. Автор ее, сборщик налогов из Триеста Я. Церер, правда, признавал справедливость выкупа за отмену барщины и десятины, однако считал, что государство и провинции полностью должны взять его на себя. В статье Церера содержалась критика позиции «Новиц». Государство должно помочь выплатить выкуп всем крестьянам, а не только самым бедным. Если же оно не сможет это сделать, то справедливым будет разделить сумму выкупа между всеми сословиями как налог. «Если бы крестьянин должен был сам выплатить весь выкуп, это не было бы освобождением, но перекладыванием ноши с одного плеча на другое», что привело бы в конечном счете к разорению крестьян¹⁴². Очевидно, редакция «Словении», уделившая много внимания выступлению Кавчича в рейхстаге и напечатавшая эту статью Церера, относилась к высказанным в них взглядам сочувственно. Вообще эта газета, писала ли она о национальных или о крестьянских делах, отличалась большей широтой взглядов и прогрессивностью, чем «Новице». Она не чуралась порой очень смелых и необычных суждений некоторых авторов. Так, в начале сентября в ней была опубликована статья «Будущее славян» (перепечатанная из газеты «Славише Централблат»), где в упрощенной форме высказывались идеи общинного социализма. В статье говорилось о светлом будущем славян (в том числе и России), которое наступит, когда основной ячейкой общества станет такое славянское учреждение, как крестьянская община. И тогда все будут равны, не будет ни фабрик, ни горожан, ни пролетариата, исчезнут деньги, и каждый человек станет счастливо трудиться на своей земле¹⁴³. Конечно, редакция «Словении» не разделяла этих взглядов, однако посчитала нужным ознакомить с ними своих читателей.

Полемика по крестьянскому вопросу в июле–сентябре 1848 г. была довольно острой. Отчасти это объясняется тем, что во время сбора урожая обстановка в Словении снова стала более напряженной. Крестьяне отказывались выполнять феодальные повинности и платить десятину, ожидая, что вскоре выйдет указ об их отмене. Слухи ходили

разные. Так, приехавшие в Вену в конце июня крестьяне распространяли домыслы о том, что их приняли император и императрица и вели отобрать у господ все богатства, а самих их прогнать¹⁴⁴. Опасаясь волнений, краинский губернатор послал в министерство внутренних дел прошение об оказании военной помощи Крайне. Однако это прошение, как и все последующие (от феодалов), министр Доблхофф не удовлетворил. Из Вены следовали лишь указания, что краинским феодалам нужно лучше понять сложившуюся обстановку и «скорее принести жертвы, чем поставить под угрозу общественный мир и, может быть, свою жизнь». Феодалам следует думать не о применении военной силы, а попытаться договориться с крестьянами. Если же это не удастся, то удовлетвориться тем, что за 1848 г., как и за последующие, крестьяне дадут тот выкуп, который определит рейхстаг¹⁴⁵. Таким образом, во избежание беспорядков, правительство заняло примирительную позицию по отношению к крестьянам. Следует согласиться со словенским историком Б. Графенаузером, что эта политика способствовала привлечению крестьян на сторону правительства¹⁴⁶.

Летом 1848 г. до крестьянских восстаний дело не дошло. Крестьяне посыпали в Вену петиции об отмене повинностей без выкупа и ждали быстрого решения этого вопроса. Медлительность рейхстага вызывала у них раздражение. К тому же, к большинству своих депутатов (особенно из числа «господ») доверия они не имели. По свидетельству современника (Й. Подреберницкого), «для некоторых крестьян почти все, что говорит господин, — ложь и хитрость, и даже если кто из духовных пастырей в нынешних смутах им правду разъяснит, некоторые говорят: этот за господина, и ему не верят»¹⁴⁷.

Настроение, господствовавшее тогда среди словенских крестьян, проиллюстрировало собрание словенского общества в Поличанах (Штирия), состоявшееся 15 августа. Собравшихся крестьян (а было их, по словам С. Кочевара, 500–600 человек) интересовал только вопрос о повинностях. Они хотели услышать от своего депутата К. Штурма о законах, принятых рейхстагом по этому вопросу, и передать свои пожелания. К. Штурм для встречи с избирателями не приехал из Вены. Пришедший вместо него С. Кочевар сообщил, что рейхстаг еще не принял решения, а штирийский ландтаг постановил, что крестьянин должен выплатить небольшой выкуп. Поднялся шум. Крестьяне требовали, чтобы повинности были отменены без выкупа или чтобы выкуп взяло на себя государство. Многие считали депутатов в рейхстаге своими врагами, некоторые причисляли к таковым и самого Кочевара. Когда Кочевар попытался перевести разговор на вопросы нацио-

нальные и политические, крестьяне потеряли интерес к собранию и разошлись. В статье в газете «Цельске словенске новине» С. Кочевар, выполняя данное крестьянам обещание, предупреждал словенских депутатов рейхстага, что «если они хотят мирно жить в Словении, то не должны соглашаться на такие законы, по которым наши крестьяне платили бы выкуп феодалам»^{148*}.

К этому рассказу Кочевара О. Цаф в письме к Й. Муршецу сделал несколько характерных дополнений, показывающих отсутствие взаимосвязи крестьянского и национального движений в то время: «Кочевар хорошо говорил и особенно старался пробудить в людях патриотический дух, что ему не удалось, так как народ шумел лишь относительно налогов, десятины...». Когда крестьяне разошлись, остались словенские патриоты, всего 7–8 человек, которые решили, что впредь не стоит звать на собрания общества столько народа, а «лишь некоторых избранных крестьян»¹⁴⁹.

Собрание в Поличанах свидетельствует, что словенские деятели в своих попытках пробудить у крестьян интерес к национальным проблемам потерпели неудачу. Хотя некоторые из них (Амброж, Кочевар, Церер, Черне, Кавчич) в большей или меньшей степени поддержали требования крестьян, заинтересовать их словенской национальной программой они не смогли. Словенские патриоты понимали, что основу словенского народа составляют крестьяне и от пробуждения у них национального самосознания зависит дальнейшее существование и развитие словенской национальности. «К тебе, прости народ, обращены взоры горстки искренних патриотов, в тебе наша сила», – писала летом газета «Словения»¹⁵⁰. Но словенские национальные деятели в 1848 г. рассчитывали прежде всего на разумные решения нового правительства, тем самым обрекая себя на изоляцию, которая в ходе событий 1848 г. только увеличивалась.

Принятый рейхstagом закон об отмене феодальных повинностей за выкуп не мог удовлетворить крестьян полностью, однако после его утверждения крестьянские волнения практически сошли на нет. С. Гранда вполне резонно усматривает причину пассивности крестьян в двойственности их положения: с одной стороны, они испытывали недоверие к властям, считали себя обманутыми, с другой – боялись потерять ту свободу, которую уже получили¹⁵¹.

* Почему-то позиция Кочевара по крестьянскому вопросу была обойдена вниманием исследователей, хотя упоминания о собрании в Поличанах содержатся почти во всех крупных работах по истории 1848 г.

3. Постановка словенскими либералами национального вопроса

Разработка словенской национальной программы летом 1848 г. продолжалась на страницах газет, прежде всего «Словении», ставшей политическим органом либералов. Редактор этой газеты, Матей Цигале, единственный из словенских патриотов Крайны удостоился высокой оценки штирийца О. Цафа, который считал, что только он «брал в пример чехов» в национальных делах¹⁵².

В июле 1848 г. на страницах «Словении» появились статьи М. Маяра и Й. Крайнца, внесших в этот период революции наибольший вклад в разработку национальной программы. Авторы рассматривали вопрос национального равноправия словенцев и вообще славян Австрийской империи, подвергая позицию немецких политических партий резкой критике. Однако во время написания статьи «Славяне и немцы» (начало июня) Маяр еще не потерял надежду договориться с австрийскими немцами по национальному вопросу, был готов пойти на некоторые уступки, смягчив национальные требования словенцев. Так, он высказал готовность именовать объединенные словенские земли Иллирией, а не Словенией¹⁵³. Роспуск Славянского съезда и подавление Пражского восстания разрушили эти иллюзии. Уже в статье «Славянское согласие» Маяр больше не писал о том, что «словенцы всем сердцем хотят дружбы с немцами»¹⁵⁴, а называл немцев «насильниками», желающими порабощения словенцев¹⁵⁵. Он резко выступил против расправы над чехами. Рассказывая о событиях в Праге, Маяр писал, что после первого потрясения словенские патриоты поняли – «мысль об объединении славян нельзя расстрелять ни ружьями, ни пушками»¹⁵⁶.

Обострение славяно-немецких отношений в связи с деятельностью Франкфуртского собрания и подавлением Пражского восстания и более близкое знакомство словенцев с деятельностью Славянского съезда привели к тому, что летом 1848 г. словенские либеральные идеологии внесли существенные изменения в свою национальную программу. В ней усилились призывы к сплочению австрийских славян для создания противовеса немцам, венграм и итальянцам, зародилась мысль о создании Славянской Австрии.

Впервые в печати ее высказал Й. Крайнц в статье «Славяно-немецкие отношения». Подчеркнув, что «будущее славян – в Австрии и только в Австрии», он предложил, чтобы немцы, раз уж они так тяготеют к Франкфурту, вступили в Германский союз, отделились от австрийских славян границей, установленной по принципу национальности.

То же самое автор рекомендовал сделать и венграм¹⁵⁷. В начале июня (когда была написана статья) эта смелая идея не нашла отклика у словенских либералов, но уже через два месяца ее развел в статье «Славянское согласие» Маяр. По его проекту Австрия должна была стать конституционной монархией, объединившей Словению, Хорватию, Славонию, Далмацию, Сербскую Воеводину, Чехию, Галицию, Владимирию, Моравию с венгерскими славянами (т.е. Словакию)¹⁵⁸. Венгры и немцы, по этому проекту, могли выйти из состава империи, не встретив противодействия со стороны славян.

В состав Объединенной Словении Маяр предложил включить помимо словенцев Штирию, Крайны, Каринтию и Приморье также словенцев, проживающих в Венгрии (Прекмурье) и в Италии (венецианские словенцы)¹⁵⁹. С такой расширенной трактовкой состава Объединенной Словении соглашались в 1848 г. лишь очень немногие либералы. В печати в ее поддержку никто не высказался. Лишь О. Цаф в письме к Й. Муршцу осенью 1848 г. писал о необходимости и справедливости создания «полней» Словении, включающей также венгерских словенцев¹⁶⁰. Национальное самосознание словенцев находилось еще на начальной стадии развития. В то время даже многие представители национальной интеллигенции не были убеждены в том, что словенцам нужно объединиться, поэтому появление идеи создания «полней» Словении стало крупным достижением словенской национальной мысли.

В статье М. Маяра «Славянское согласие» о союзе всех славян империи говорится еще расплывчато: все славянские племена должны объединиться и действовать сообща, и тогда «мы будем хозяевами у себя дома, и над нами будет только бог, пресветлый император и конституционное, ответственное перед нами правительство»¹⁶¹. Более определенно высказался он в отношении союза словенцев с сербами и хорватами: «Наши соседи и братья хорваты и сербы объединились, и мы, словенцы, тоже желаем с ними объединиться»¹⁶². Объединение с южными братьями, находившимися, как и словенцы, в составе Австро-Венгерской монархии, по мнению Маяра, было бы выгодно и в духовном, и в материальном отношении¹⁶³. О форме югославянского союза Маяр не писал, но, как считает И.В. Чуркина, его проект Объединенной Словении в контексте этой статьи указывает, что союз южных славян Австрии он мыслил как федерацию¹⁶⁴.

Некоторые словенские либералы поддерживали летом 1848 г. планы создания югославянской федерации в рамках Австро-Венгерской империи¹⁶⁵, однако раздавались голоса и против нее. Преподаватель люблянского лицея Х. Мартиньянек писал в статье «Австрия и словенцы»:

«Мы любим иллиров и хорватов как родных братьев, мы готовы как за наши, так и за их интересы отдать кровь и жизнь, но при союзе с ними... наша словенская народность была бы поглощена соседней, более сильной, иллирской»¹⁶⁶.

Летом 1848 г. Й.Крайнц в статье «Славяно-немецкие отношения» высказал идею о создании широкого союза, в который входили бы также и турецкие славяне. По мнению Крайнца, преобразованная на конституционных началах Австрия пробудит страдающих под турецким игом славян, и те, с помощью своих австрийских братьев, «разобьют постыдные цепи и поспешат... в лоно Австрии, которая даст им свободу»¹⁶⁷. Подобный проект содержался в статье, напечатанной в «Словении» в начале августа. В ней писалось о том, что в Австрии и Турции живет много народов, различных по обычаям, крови и языку и слишком маленьких, чтобы создать свои государства, поэтому они должны объединиться в рамках Австрии¹⁶⁸. Летом – в начале осени 1848 г. эти идеи в Словении популярны не были, интерес к включению в состав австрийского государства турецких славян пробудился у словенских либералов уже позже, в период окончательного поражения революции.

Однако пристальный интерес к жизни турецких славян (прежде всего сербов, о болгарах словенские газеты почти ничего не писали), чувство дружбы и родства с сербским народом все чаще находили отражение в словенской прессе уже в рассматриваемый нами период. Даже в «Новицах» Блейвейса, не проявлявшего интереса к южным славянам за пределами империи, было напечатано несколько обзорных статей историко-географического плана о Сербии¹⁶⁹. «Словения» к южнославянской проблематике обращалась часто. Почти во всех помещенных в ней сообщениях о Боснии и Герцеговине подчеркивалось, что турки издеваются над сербами¹⁷⁰. Характерно, что в заметках о южных славянах, перепечатанных по большей части из хорватских газет, писалось только о том, что имело отношение к событиям в Австрийской империи. Так, в «Словении» в июле 1848 г. с удовлетворением сообщалось о том, что сербское правительство готовится к войне с венграми и что шеститысячный отряд сербов перешел австрийскую границу для защиты воеводинских сербов от венгров, а вскоре к нему должны присоединиться и добровольцы из Черногории¹⁷¹.

В рассматриваемый период словенские патриоты были полны оптимизма, с надеждой смотрели на рейхстаг и на хорватского бана Елаича, ожидая от них освобождения. Однако в общей приподнятой тональности статей о великом будущем австрийских славян один раз все же проскользнули тревожные нотки, сомнения в правильности

избранного пути. «Мы имеем свободу, но только на бумаге. Другие народы с оружием пришли требовать от императора новых прав, и они их получат. Мы шли законным путем. Будем ли мы молчать, если наши справедливые просьбы не будут выполнены?»¹⁷²

* * *

В Венском рейхстаге до серьезного обсуждения национального вопроса дело не дошло, хотя некоторые немаловажные его аспекты периодически ставились в повестку дня заседаний.

Камнем преткновения неожиданно оказался вопрос о языке, на котором должны вестись заседания, ставший темой дебатов рейхстага 12 июля и 11 сентября. Естественно, что заседания рейхстага нужно было проводить на языке, которым владело большинство депутатов. Таким языком был немецкий. Однако, несмотря на то, что именно на немецком языке говорили в рейхстаге, официального подтверждения этого факта осуществлено не было, так как это сильно ударило бы по национальным чувствам ненемецких народов. Некоторые чешские и польские депутаты, признавая необходимость принятия немецкого языка как языка проведения заседаний, подчеркнули добровольность своего решения. Возможно, такая формулировка сняла бы напряженность в столь деликатном вопросе, если бы все депутаты владели немецким языком. Однако около 1/4 депутатов нуждались в переводах¹⁷³. Многие из них – поляки, русины, румыны, хорваты, словенцы – были крестьянского происхождения, они не только не знали немецкого, но часто были вообще неграмотными. 12 июля, на третьем подготовительном заседании рейхстага был поднят вопрос о необходимости организации переводов польским депутатам. Не владея немецким, они не знали, как определять свою позицию при голосовании¹⁷⁴. Однако из-за серьезных разногласий, решение проблемы было отложено на неопределенное время. Во второй раз вопрос о переводах встал 11 сентября в связи с петицией итальянцев из Далмации¹⁷⁵. Итальянские депутаты были людьми образованными. Их язык, как и немецкий, до революции имел статус официального, необходимости учить немецкий у них не было¹⁷⁶. Итальянцам был нужен переводчик, чтобы активно участвовать в заседаниях.

Дебаты по вопросам о переводах были острые. Резко высказывались некоторые представители немецкой левицы. Фишоф сравнивал депутатов, не владеющих немецким языком, с глухонемыми. Нойваль вообще предложил им покинуть рейхstag, что вызвало протесты депутатов-юристов, подчеркивавших, что эти депутаты выбраны закон-

но и не должны отвечать за ошибки правительства¹⁷⁷. 11 сентября большинством голосов (против выступили лишь 16 человек, в основном представители немецкой левицы) рейхstag постановил переводить все выступления ненемецким депутатам на их языки в случае, если с такой просьбой обратятся не менее 10 человек¹⁷⁸. Это предложение словенские депутаты поддержали единодушно.

Когда решался вопрос о переводах польским депутатам, Амброж выступил с требованием признать депутатов, не владеющих немецким языком, неспособными к работе в рейхстаге. Большинство депутатов было возмущено такой нетерпимостью и выразило Амброжу свой протест¹⁷⁹. Во время дискуссии о петиции далматинцев он присоединился к мнению Борроша, заявившего, что ненемецкие народы имеют право требовать для себя переводов, но это невозможно, так как обойдется государству в 25000 гульденов в год¹⁸⁰. Амброж был против компромиссов в этом вопросе, полагая, что переводы нужно делать для всех ненемецких депутатов (что невозможно) или же ни для кого. Впрочем, при голосовании он все же присоединился к большинству.

Категоричность Амброжа возмутила Дольяка, чья речь 11 сентября была построена в форме ответа на выступление своего соотечественника. «Когда речь идет о равноправии национальностей, – парировал Дольяк, – нельзя считать расходы, будь то 25 000 или 7 раз по 25 000 гульденов». Он указал Амброжу на то, что рейхstag сейчас не обсуждает принципы равенства прав национальностей, а ищет средство дать возможность не знающим немецкого языка депутатам принять участие в его работе. Это лишь проблема политической практики. Эту мысль подчеркивали в своих выступлениях, помимо Дольяка, и другие депутаты – чех Гавличек, поляк Потоцкий и немец Нойваль¹⁸¹. Дольяк отметил, что словенские депутаты все знают немецкий язык и не будут требовать для себя переводов. Предложение Амброжа признать недееспособными депутатов, не знающих немецкого языка, он расценил как отказ от принципа свободы и равенства национальностей¹⁸².

Промежуточную позицию занял при обсуждении вопроса о переводах полякам А. Смрекар. Заявив о своей приверженности славянству, он отметил, что депутаты пришли в рейхстаг «основать счастье народов», а на каком языке – не так уж это и важно. Главное – не допустить борьбы между различными национальностями, неизбежной, если немецкий язык официально будет объявлен единственным языком рейхстага. Смрекар предложил вообще снять с повестки дня этот вопрос¹⁸³.

Обсуждение языковой проблемы в рейхстаге нашло отражение в словенской печати во многом благодаря сообщениям словенских де-

путатов (прежде всего Амброжа) из Вены. В ряде публикаций Амброж снова развивал мысль о том, что «не знающие немецкого языка депутаты – “пятое колесо в телеге”»¹⁸⁴. Словенская интеллигенция восприняла первое серьезное обсуждение национального вопроса в рейхстаге и победу славян как важное событие. «Словения» радостно сообщала о поражении немецкой левицы. Похвалив выступление Дольяка, она очень неприязненно отзывалась о позиции Амброжа, которого подозревали в пронемецких симпатиях¹⁸⁵.

Оскорбившийся Амброж в ответ на обвинение его в недостаточной приверженности славянским интересам, высказанное Дольяком, вспомнил о правой позиции Дольяка по крестьянскому вопросу¹⁸⁶. В пылу полемики Амброж переусердствовал. Он заявил, что пока славяне находятся в составе империи, они должны в рейхстаге почитать немецкий язык, связывающий их с императором. «Я не враг немцам, так как немцы признали права других языков», – провозгласил Амброж. Антинемецкие настроения в Словении в это время усиливались, так что подобные высказывания Амброжа¹⁸⁷ снижали его популярность у словенских патриотов. Так, П. Козлер, ранее восторженно отзывавшийся о заслугах Амброжа в деле развития родного языка¹⁸⁸, отпарировал Амброжу словами: «Я тоже не враг немцам – лишь тем, которые сидят в рейхстаге на левой стороне, и тем славянам, которые их поддерживают, которые рады бы вечно иметь нас рабами»¹⁸⁹.

И в самом деле, несмотря на искреннюю любовь Амброжа к своему народу, его позиция в вопросе о языке заседаний приближалась к взглядам немецкой левицы. Воодушевленный радикализмом немецких левых в вопросе об отмене феодальных отношений, Амброж пошел за ними и в решении национальных проблем, не замечая их шовинизма. Он явно идеализировал представителей левицы, приписывая им стремление к национальному равноправию. Эта газетная баталия указывает на остроту межпартийной борьбы в рейхстаге и на размежевание словенских депутатов.

В середине сентября в рейхстаге начались дебаты по вопросу о приеме венгерской делегации. После победы над Италией правительство готовилось подавить очаг сопротивления в Венгрии. 4 сентября в Инсбрук к императору отправилась венгерская делегация, надеясь найти поддержку в борьбе против хорватов. Успеха она не добилась. 11 сентября войска хорватского бана Елаичча вступили в Венгрию. Завоевания венгерского народа оказались под угрозой. К власти в Венгрии пришли «дворянские радикалы» во главе с Л. Кошутом, выдвинувшим лозунг завоевания независимости страны. 19 сентября

делегация венгерского парламента прибыла в Вену, надеясь вступить в переговоры с рейхстагом и найти себе там союзников¹⁹⁰.

По поводу приема венгерской делегации на заседании рейхстага 19 сентября развернулась бурная дискуссия. Правая группировка и большая часть центра возражали против переговоров с венграми. Левые высказались за прием делегации, говоря, что венгры пришли «от имени гения свободы и гуманности»¹⁹¹.

Из словенцев по этому вопросу выступил только Й. Дольяк. Он заявил, что считает прием делегации бесцельным. В каждом слове его сквозили глубокая неприязнь и недоверие к венграм. «Они вернулись сюда с красными перьями на шляпах, с красными знаменами и угрожая нам». Заявлениям венгров о том, что они «пришли к австрийскому народу и его представителям, чтобы засвидетельствовать им свою братскую любовь и непоколебимую верность престолу», Дольяк не верил. Если венгры действительно с добрыми намерениями просят переговоров, то они должны открыто сказать, что они хотят. Под «добрьими намерениями» он, вероятно, подразумевал готовность венгров к капитуляции. Левых депутатов, призывающих положить конец братоубийственной войне путем переговоров с венгерской делегацией, Дольяк упрекал в игнорировании интересов хорватского и сербского народов, поднявших оружие лишь в защиту своих естественных прав¹⁹².

При голосовании «за» прием венгерской делегации высказались из словенцев только крестьяне Долшайн, Гаер и Стерцин, «против» – Черне, Дольяк, Доминкуш, Горьюп, Кавич, Крайнц, Миклошич, Рак, Уленич. Просьба венгров была отклонена 186 голосами против 108¹⁹³.

В словенской прессе скучо и неодобрительно сообщалось о приезде венгерской делегации в Вену и её попытках начать переговоры с рейхстагом¹⁹⁴. «Словения» выразила надежду, что рейхстаг не примет венгров, и «таким образом не вступит на незаконный республиканский путь»¹⁹⁵. 26 сентября в газете была опубликована статья, автор которой пожаловался, что, хотя он и был доволен решением рейхстага отказать венграм, но «покинул зал заседаний с тяжелым сердцем, так как увидел, что просьбы “Словении” к своим депутатам-словенцам остаются гласом вопиющего в пустыне». «Кто мог подумать, что хоть один славянский депутат поднимет голос против своих так давно угнетаемых венграми братьев!» – воскликнул он, имея в виду краинских депутатов, голосовавших с левицей. С открытым торжеством в статье говорилось об унижении «гордых венгров»¹⁹⁶.

Это сообщение из Вены выразило общее настроение, господствовавшее тогда в Словении. Уже прошло то время, когда воодушевленные

мартовской революцией словенцы готовы были видеть в немцах и венграх единомышленников. Видя нежелание венгров считаться с национальными правами хорватов и сербов, словенцы сначала испытывали недоумение¹⁹⁷, переросшее впоследствии во враждебность. Так, с возмущением писали словенские газеты о венгерской политике в Воеводине, например, об осквернении сербской православной церкви в Фелдваре¹⁹⁸. Напротив, о хорватских событиях словенская пресса отзывалась с одобрением, давала лестные характеристики бану Елаиччу. Подготовку и начало войны хорватов против венгров словенцы встретили с воодушевлением¹⁹⁹. В словенских областях был объявлен сбор денег для хорватской армии, и многие национальные деятели (в их числе М. Маяр, Я. Блейвейс и др.) внесли свою лепту в ее экипировку²⁰⁰. Помимо де-нежной помощи хорватам, некоторые словенцы выражали готовность прийти к ним на помощь с оружием в руках, считая, что «если они падут, падет славянство»²⁰¹. Очень немногие (например Амброж) после начала хорватско-венгерской войны стали считать бана реакционером²⁰².

Итак, при обсуждении национальных проблем словенские депутаты рейхстага не выступили единым фронтом, хотя большинство из них при голосовании поддерживало Славянскую партию.

Ряд важных вопросов, касающихся словенских национальных интересов, затронули в своих выступлениях М. Кавчич и М. Амброж. Кавчич единственный из словенских депутатов высказался по вопросу о национальной реорганизации империи. Краеугольным камнем Австрийской монархии он, вслед за чехами, считал равноправие национальностей. По мнению Кавчича, первым шагом в деле реорганизации империи должна была стать ликвидация старых провинций и создание новых, организованных по национальному принципу. Сохранение старых провинций представляло бы угрозу равноправию национальностей. Эту мысль Кавчич аргументировал обстоятельно. Он указал на то, что наличие в провинциях национальных меньшинств может привести к тому, что один народ опять начнёт порабощать другой. Кавчич опасался за судьбу штирийских и каринтийских словенцев²⁰³. Преобразование провинций по национальному принципу привело бы и к объединению Словении, хотя об этом в выступлениях Кавчича не было ни слова.

Кроме того, 4 сентября Кавчич просил министра просвещения об открытии университета в Любляне и получил обещание, что его просьба будет удовлетворена²⁰⁴. Это требование и раньше высказывали словенские патриоты на страницах газет²⁰⁵.

К числу выступлений словенцев в защиту своей национальности, вероятно, можно отнести и просьбу М. Амброжа, направленную австрийс-

кому министерству, об отмене военного положения, введенного в Крайне в марте 1848 г. в связи с крестьянскими волнениями. Заверив рейхстаг в том, что он не оправдывает эти «преступные деяния», Амброж всё же сказал несколько слов в защиту крестьян. Он указал, что в основе их выступлений «лежали плохие отношения господина и зависимых крестьян». К тому же, по словам Амброжа, в «Крайне с марта до конца августа не было совершено ни одного подобного злодеяния». Амброж призвал министерство отменить распоряжение о военном положении в Крайне как противоречащее принципу народности и национального суверенитета²⁰⁶. Министр Доблхофф обещал разобраться в этом вопросе²⁰⁷.

* * *

Значительное внимание было уделено национальному вопросу на летних и осенних заседаниях штирийского и каринтийского ландтагов, обсуждавших вопрос о неделимости этих провинций, за что ратовало немецкое большинство. Большая часть словенских депутатов довольно вяло защищала национальные права своего народа. Так, словенцы Рулич и Милоник на заседаниях каринтийского ландтага требовали введения словенского языка в школах и учреждениях²⁰⁸, а о создании Объединенной Словении вопроса не поднимали. Такая позиция словенских депутатов была обусловлена низким уровнем национального самосознания. Местные интересы провинции значили для них больше, чем интересы общесловенские. Да таковые вряд ли у них и имелись. Несколько позднее, в апреле 1849 г., тот же Милоник предложил, чтобы в словенских областях Каринтии законы переводились на каринтийское наречие, так как краинское большинству каринтийских словенцев непонятно²⁰⁹. Очевидно, он не считал словенцев Крайны и Каринтии единым народом.

Резкий протест вызвали в каринтийском ландтаге речи М. Кавичча в рейхстаге о необходимости новой организации провинций. В первый параграф провинциальной конституции депутаты ландтага внесли пункт о неделимости Каринтии²¹⁰. Против раздела Штирии высказались и депутаты штирийского ландтага. Эти акции словенские либералы из Крайны охарактеризовали как «лебединую песню старых провинциальных сословий»²¹¹, выступив в поддержку предложения Кавичча. Некоторые словенские патриоты из Каринтии ратовали в газете «Словения» за создание Объединенной Словении. Однако, по их собственным словам, влияния они не имели, на поддержку каринтийских словенцев не рассчитывали²¹².

При обсуждении национального вопроса в штирийском ландтаге словенские депутаты также не выработали единой позиции. В первом параграфе будущей конституции Штирия провозглашалась единой и неделимой. Дополнение, сделанное словенцем В. Гурником, о равноправии немецкой и словенской национальностей принято не было. При обсуждении двенадцатого параграфа, в котором говорилось о том, что все дела в учреждениях должны вестись на немецком языке, против выступили словенцы Я. Крефт и В. Гурник, а также немец – окружной комиссар Кнаффл, большинство же словенских депутатов высказалось «за»²¹³.

Наиболее решительным защитником словенских интересов в штирийском ландтаге проявил себя крестьянин Я. Крефт. Он единственный из словенцев потребовал отделения штирийских словенцев от немцев и присоединения их к Объединенной Словении. Характерно, что никто из словенских депутатов ландтага предложения Крефта не поддержал, а на его защиту встал немец Кнаффл, сказавший, ссылаясь на пример Швейцарии, что это было бы справедливо²¹⁴.

Словенцы Гурник и Рапотар выступили против Объединенной Словении, поддержав восемнадцатый параграф будущей штирийской конституции – о разделении Штирии на три округа – два немецких и один словенский. Нижняя Штирия, включавшая словенскую часть мариборского округа и цельский округ, должна была стать словенской областью. Свою позицию Гурник подробно разъяснил в статье, опубликованной в газете «Цельске словенске новине»: «С немцами нас связывают крепкие узы... дружбы, и отделение было бы тяжело для нас». Помимо дружеских связей с немцами, Гурник указал и ещё одну (вероятно, главную) причину, из-за которой раздел Штирии был бы нежелателен для словенцев, — разрушились бы веками складывавшиеся экономические связи, а благосостоянию народа был бы нанесен ущерб²¹⁵. Вместе с тем Гурник и Рапотар добивались, чтобы в учреждениях Нижней Штирии языком делопроизводства был признан словенский.

Среди словенских депутатов штирийского ландтага Я. Крефт и В. Гурник были наиболее примечательными фигурами. Отношение к их деятельности у словенских либералов не было однозначным.

Краинские и ряд штирийских (Й. Муршец, О. Цаф и др.) либералов приветствовали выступление Крефта за Объединенную Словению, а о предложении Гурника отзывались сдержаннее²¹⁶. В «Словении» передовые словенские либералы Штирии помещали статьи, где резко критиковали позицию большинства словенских депутатов штирийского ландтага, голосовавших за единую и неделимую Штирию. Они призывали словенских депутатов в рейхстаге прислушаться к мнению

наиболее прогрессивных словенцев, таких, как Крефт²¹⁷. «Неужели мы и дальше будем сами себя топить?» – негодовал Муршец по поводу поведения словенцев в штирийском ландтаге²¹⁸. За раздел Каринтии и Штирии высказались в это время и «Новице»²¹⁹.

Более умеренную линию заняли «Цельске словенске новине». О предложении Крефта в них не упоминалось, а все решения штирийского ландтага оценивались как полезные для словенцев. В этой газете выражалось удовлетворение деятельностью в ландтаге словенцев и их лидера В. Гурника²²⁰. Высоко ценил В. Гурника один из теоретиков словенского национального движения Й. Крайнц, считая его человеком «светлой головы, благородного сердца, твердой воли»²²¹.

Различные оценки участия словенских депутатов в работе штирийского ландтага либералами во многом объясняются спецификой развития словенских областей. Раздел Штирии и Каринтии означал бы для их жителей разрыв уже устоявшихся социальных и экономических связей. Краину делить бы не пришлось, напротив, она стала бы центром новой провинции. Поэтому идею Объединенной Словении штирийским и каринтийским словенцам принять было сложнее, чем краинским. Очевидно, что летом наметилось поправление взглядов у многих штирийских словенских либералов. Их праволиберальный орган «Цельске словенске новине», приветствуя культурно-просветительскую деятельность словенцев, пропаганды идеи Объединенной Словении не вел. Поправению словенских либералов способствовало еще и то обстоятельство, что многие немецкие депутаты штирийского ландтага продемонстрировали понимание национальных нужд словенского народа. Это привело к сближению немецких и словенских депутатов в ландтаге, а также повлияло на либеральный характер его решений. Другой была ситуация в каринтийском ландтаге, где представительство словенцев было слишком незначительным, чтобы повлиять на его решения.

Деятельность штирийского и каринтийского ландтагов способствовала обострению внутринациональных отношений, размежеванию словенцев на патриотов и немшкутаров. Слово «немшкутар» (а для Приморья, где господствующее положение занимали итальянцы, – «поитальянченец», аналогичное хорватскому «маджарон») вошло в обиход в словенской печати летом 1848 г. Им обозначали людей словенской национальности, вставших на сторону нации угнетателей и препятствовавших осуществлению национальных требований своего народа. Подобные люди вызывали у словенских патриотов особую ненависть. В «Новицах» и в «Словении» были перепечатаны горькие слова одного из корреспондентов «Цельских словенских новин», ска-

занные про некоторых словенских депутатов штирийского ландтага, выступивших против использования словенского языка в учреждениях Нижней Штирии: «Вообще должен сказать вам, дорогие словенцы, что не немцы наши наихудшие враги, а словенцы, словенцы, недостойные этого прекрасного имени, которые не умеют хорошо говорить на словенском языке, а лучше его выучить не стремятся, которые ненавидят вас и словенские обычаи, а нравится им лишь то, что пахнет чужбиной»²²². Проблема онемечивания и итальянизации была острой для словенского народа в 1848 г.

Деятельность ландтагов не внесла существенного вклада в разработку словенской национальной программы. Однако она способствовала дальнейшему размежеванию в среде патриотов.

Примечания

- ¹ Granda S. Dolenjska v revolucionarnem letu 1848/49. Novo mesto, 1995. S. 411–463.
- ² Подробнее см.: Velidova L.A. Volutve v avstrijski državni zbor v slovenskih deželah v letu 1848 // Zgodovinski časopis. 1986. N 4.
- ³ Novice. 1848. 10.V.
- ⁴ Leibacher Zeitung. 1848. 15.V.
- ⁵ Novice. 1848. 14.VI.
- ⁶ Ibid. 24.V.
- ⁷ Celjske slovenske novine. 1848. 11.VII.
- ⁸ Apih J. Slovenci in leto 1848. Ljubljana, 1888. S. 148.
- ⁹ Kozler Muršcu (5.VI.1848) // Ilešič F. Korespondenca dr. J. Muršca. Ljubljana, 1905. S. 142–143.
- ¹⁰ Novice. 1848. 14.VI. В этом списке – Блейвейс, Јереп, Муршеб и др.
- ¹¹ Leibacher Zeitung. 1848. 10.VI.
- ¹² Celjske slovenske novine. 1848. 22.XI.
- ¹³ Ibidem.
- ¹⁴ Strah Muršcu (20.VI.1848) // Ilešič F. Korespondenca... S. 69.
- ¹⁵ Arhiv Republike Slovenije (далее – ARS). Slovensko Društvo. Dopisi 1848 I.
- ¹⁶ Trstenjak Muršcu (17.VI.1848) // Ilešič F. Korespondenca... S. 74–75.
- ¹⁷ Kreft Muršcu (VI.1848) // Ilešič F. Korespondenca... S. 130–131.
- ¹⁸ Rozdoljski R. Die Bauernabgeordneten im konstituierenden österreichischen Reichstag 1848–1849. Wien, 1976. S. 54.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ Mal J. Zgodovina slovenskega naroda. Celje, 1934. S. 860–861.
- ²¹ ARS. Deželjno. predsedstvo. 1848. Spis 1339.
- ²² Ibid. Spisi 1492, 1500, 1501.
- ²³ Ibid. Spisi 1734, 1561.

²⁴ *Apik J.* Op. cit. S. 148; *Mal J.* Op. cit. S. 815.

²⁵ ARS. Dež. preds. 1848. Spis 1494.

²⁶ Ibid. Spis 1734.

²⁷ *Rozdoljski R.* Op. cit. S. 226.

²⁸ *Apik J.* Op. cit. S. 151.

²⁹ Slovenske novine. 1849. 1.II.

³⁰ ARS. Dež. preds. 1848. Spisi 1492, 1501.

³¹ *Lončar D.* Dr. Janez Bleiweis in njegova doba Ljubljana, 1923. S. 24.

³² ARS. Dež. preds. 1848. Spis 1492.

³³ Ibid. Spis 1501.

³⁴ Ibid. Spis 1497.

³⁵ Verhandlungen des österreichischen Reichstags nach der stenographischen Aufnahme. Wien, 1970. Bd. I. S. 411.

³⁶ Leibacher Zeitung. 1848. 20.VI.

³⁷ ARS. Dež. preds. 1848. Spis 1497.

³⁸ Leibacher Zeitung. 1848. 16.V.

³⁹ Novice. 1848. 19.IV.

⁴⁰ Ibid. 19.IV; 3.V; 24.V.

⁴¹ Ibid. 5.VII; *Mal J.* Op. cit. S. 666-667.

⁴² *Mal J.* Op. cit. S. 667.

⁴³ ARS. Dež. preds. Spisi 1497, 1500.

⁴⁴ Ibid. Spis 1500.

⁴⁵ Verhandlungen... Bd. I. S. 109.

⁴⁶ ARS. Dež. preds. Spis 1512.

⁴⁷ Ibid. Spis 1734.

⁴⁸ Slovenske novine. 1849. 1.II.

⁴⁹ Celjske slovenske novine. 1848. 1.VII.

⁵⁰ Slovenske novine. 1849. 1.II.

⁵¹ Celjske slovenske novine. 1848. 8.VII.

⁵² *Apik J.* Op. cit. S. 130.

⁵³ Celjske slovenske novine. 1848. 1.VII.

⁵⁴ Verhandlungen... Bd. I. S. 71, 632.

⁵⁵ Slovenski biografski Leksikon (SBL). Ljubljana, 1933-1952. I. S. 233.

⁵⁶ Primorski biografski Leksikon (PBL) I. 4 snopič. Gorica, 1977. S. 305.

⁵⁷ SBL I. S. 92.

⁵⁸ *Apik J.* Op. cit. S. 153.

⁵⁹ Ibid. S. 151.

⁶⁰ Verhandlungen... Bd. I. S. 10.

⁶¹ Zwitter F. Slovenski politični prerod XIX stoletja v okviru evropske nacionalne problematike//Zgodovinski casopis. 1964. XVIII. S. 102.

⁶² *Rozdoljski R.* Op. cit. S. 56-61.

⁶³ Slovenija. 1848. 7.VII.

- 64 Celjske slovenske novine. 1848. 1.VII.
- 65 Novice. 1848. 26.VII.
- 66 Leibacher Zeitung. 1848. 24.VI; Novice. 1848. 21.VI.
- 67 Novice. 1848. 21.VI.
- 68 *Mal J.* Op. cit. S. 765.
- 69 Grafenauer B. Slovenski kmet v letu 1848//Zgodovinski časopis. 1948–1949. II/III. S. 42.
- 70 *Apjh J.* Op. cit. S. 161.
- 71 *Mal J.* Op. cit. S. 762.
- 72 ARS. Stanovski arhiv (St. Arh.). 1848. Fasc. 7–1.
- 73 *Apjh J.* Op. cit. S. 162.
- 74 Grafenauer B. Slovenski kmet... S. 42–43.
- 75 Ibid. S. 42.
- 76 Celjske slovenske novine. 1848. 30.VIII.
- 77 *Mal J.* Op. cit. S. 765.
- 78 Celjske slovenske novine. 1848. 2.VIII; *Mal J.* Op. cit. S. 765.
- 79 Grafenauer B. Slovenski kmet... S. 42.
- 80 *Apjh J.* Op. cit. S. 169.
- 81 Britovšek M. Anton Füster in revolucija 1848 v Avstriji. Maribor, 1970. S. 179.
- 82 Slovenija. 1848. 8.VIII.
- 83 Важно было выиграти время, так как многие славянские депутаты еще отсутствовали.
- 84 Slovenija. 1848. 28.VII; *Apjh J.* Op. cit. S. 181.
- 85 Slovenija. 1848. 1.VIII.
- 86 Verhandlungen... Bd. I. S. 159.
- 87 *Apjh J.* Op. cit. S. 190.
- 88 Verhandlungen... Bd. II. S. 125–127.
- 89 Ibid. Bd. II. S. 176.
- 90 Авербух Р.А. Революция в Австрии (1848–1849 гг.). М., 1970. С. 128.
- 91 Verhandlungen... Bd. I. S. 465.
- 92 Ibid. S. 130.
- 93 Slovenija. 1848. 31.X.
- 94 Verhandlungen... Bd. I. S. 442–444.
- 95 Ibid. Bd. II. S. 135.
- 96 Ibid. Bd. I. S. 443.
- 97 Ibid. Bd. II. S. 35.
- 98 Ibid. S. 136.
- 99 Ibid. S. 34.
- 100 Ibid. S. 35.
- 101 Ibid. Bd. I. S. 443.
- 102 Ibid. Bd. II. S. 35.
- 103 Bleiweis J. Korespondenca. 22.XI.1848// Narodna in univerzitetna knjižnjica v Ljubljani. Rokopisna zbirka (RZ NUK).

- ¹⁰⁴ Verhandlungen... Bd. II. S. 135.
- ¹⁰⁵ Ibid. S. 135–136.
- ¹⁰⁶ Ibid. S. 144–145.
- ¹⁰⁷ Leibacher Zeitung. 1848. N 110.
- ¹⁰⁸ Slovenija. 1848. 18.VIII; 8.IX.
- ¹⁰⁹ SBL I. S. 438.
- ¹¹⁰ Verhandlungen... Bd. I. S. 504.
- ¹¹¹ Ibid. S. 510.
- ¹¹² Ibid. Bd. II. S. 54–57.
- ¹¹³ Apih J. Op. cit. S. 189.
- ¹¹⁴ Verhandlungen... Bd. I. S. 620–621.
- ¹¹⁵ Granda S. Prepir o nacionalni in državnopravni pripadnosti Istre v revolucionarnem letu 1848/49 // Kronika. 1989. 1–2. S. 71.
- ¹¹⁶ Verhandlungen... Bd. II. S. 162.
- ¹¹⁷ Ibid. S. 150.
- ¹¹⁸ Ibid. S. 160.
- ¹¹⁹ Ibid. S. 161; Apih J. Op. cit. S. 192.
- ¹²⁰ Slovenija. 1848. 22.IX.
- ¹²¹ Celjske slovenske novine. 1848. 22.XI.
- ¹²² Ibid. 13.XII.
- ¹²³ Verhandlungen... Bd. II. S. 163–164.
- ¹²⁴ Ibid. S. 166–167.
- ¹²⁵ Ibid. S. 126.
- ¹²⁶ Ibid. S. 174–175.
- ¹²⁷ Bacher R. Volkssouveränität oder monarchisches Prinzip? // Innsbrucker Historische Studien 10/11. Wien, 1988. S. 205.
- ¹²⁸ Verhandlungen... Bd. II. S. 212.
- ¹²⁹ Ibid. S. 226.
- ¹³⁰ Celjske slovenske novine. 1848. 12.IX; Slovenija. 1848. 8.IX.
- ¹³¹ Slovenija. 8.IX.
- ¹³² Verhandlungen... Bd. II. S. 261–262.
- ¹³³ Ibid. S. 230.
- ¹³⁴ Ibid. S. 263.
- ¹³⁵ Ibid. S. 276–277.
- ¹³⁶ Celjske slovenske novine. 1848. 6.IX.
- ¹³⁷ Novice. 1848. 6.IX; 13.IX.
- ¹³⁸ Ibid. 1848. 2.VII; 2.VIII; Slovenija. 1848. 11.VII; Celjske slovenske novine. 1848. 15.VII.
- ¹³⁹ Slovenija. 1848. 1.IX.
- ¹⁴⁰ Novice. 1848. 2.VIII; Celjske slovenske novine. 1848. 6.IX.
- ¹⁴¹ Novice. 1848. 31.VIII.
- ¹⁴² Slovenija. 1848. 22, 26.IX.
- ¹⁴³ Ibid. 1.IX.

- ¹⁴⁴ Novice. 1848. 5.VII.
- ¹⁴⁵ *Grafenauer B.* Slovenski kmet... S. 43.
- ¹⁴⁶ Ibidem.
- ¹⁴⁷ Novice. 1848. 9.VIII.
- ¹⁴⁸ Celjske slovenske novine. 1848. 23.VIII.
- ¹⁴⁹ Caf Muršcu (17.VIII.1848) // *Ilešič F.* Korespondenca... S. 98–99.
- ¹⁵⁰ Slovenija. 1848. 28.VII.
- ¹⁵¹ *Granda S.* Dolenjska... S. 186.
- ¹⁵² Caf Muršcu (1.VII.1848) // *Ilešič F.* Korespondenca... S. 97.
- ¹⁵³ Slovenija. 1848. 18.VII.
- ¹⁵⁴ Ibidem.
- ¹⁵⁵ Ibid. 25.VIII.
- ¹⁵⁶ Ibidem.
- ¹⁵⁷ Ibid. 11.VII.
- ¹⁵⁸ Ibid. 15.VIII.
- ¹⁵⁹ Ibid. 25.VIII.
- ¹⁶⁰ Caf Muršcu (1.VII.1848) // *Ilešič F.* Korespondenca... S. 100.
- ¹⁶¹ Slovenija. 1848. 18.VIII.
- ¹⁶² Ibid. 22.VIII.
- ¹⁶³ Ibid. 25.VIII.
- ¹⁶⁴ Čurkina I.V. Matija Majar-Ziljski. S. 28.
- ¹⁶⁵ Novice. 1848. 4.X; Slovenija. 1848. 11.VII.
- ¹⁶⁶ Slovenija. 1848. 15.VIII.
- ¹⁶⁷ Ibid. 11.VII.
- ¹⁶⁸ Ibid. 4.VIII.
- ¹⁶⁹ Novice. 1848. 27.IX.
- ¹⁷⁰ Slovenija. 1848. 1.VIII.
- ¹⁷¹ Ibid. 18.VII.
- ¹⁷² Ibid. 18.VIII.
- ¹⁷³ Burian P. Die Nationalitäten in «Cisleithanien» und das Wahlrecht der Märzrevolution 1848/49. Graz-Köln, 1962. S. 41.
- ¹⁷⁴ Verhandlungen... Bd. I. S. 7, 9.
- ¹⁷⁵ Ibid. Bd. II. S. 321.
- ¹⁷⁶ Springer A. Geschichte Öesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. Zweiter Teil. Die österreichische Revolution. Leipzig, 1865. S. 153.
- ¹⁷⁷ Verhandlungen... Bd. I. S. 8–9.
- ¹⁷⁸ Ibid. Bd. II. S. 339–340.
- ¹⁷⁹ Ibid. Bd. I. S. 7.
- ¹⁸⁰ Ibid. Bd. II. S. 321–322.
- ¹⁸¹ Ibid. S. 322, 323, 325.
- ¹⁸² Ibid. S. 332–333.
- ¹⁸³ Ibid. Bd. I. S. 9–10.

- ¹⁸⁴ Slovenija. 1848. 21.VII; Novice. 1848. 26.VII.
- ¹⁸⁵ Slovenija. 1848. 16.IX.
- ¹⁸⁶ Ibid. 22.IX.
- ¹⁸⁷ Ibid. 4.VIII.
- ¹⁸⁸ Novice. 1848. 5.VII.
- ¹⁸⁹ Slovenija. 1848. 3.X.
- ¹⁹⁰ Подробнее см.: Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1980. Т. 1. С. 376–377, 419–421.
- ¹⁹¹ Verhandlungen... Bd. II. S. 474; *Apjh J.* Op. cit. S. 197.
- ¹⁹² Ibid. S. 487–488.
- ¹⁹³ Ibid. S. 523–524.
- ¹⁹⁴ Slovenija. 1848. 12.IX.
- ¹⁹⁵ Ibid. 22.IX.
- ¹⁹⁶ Ibid. 26.IX.
- ¹⁹⁷ Novice. 1848. 7.VI.
- ¹⁹⁸ Ibid. 30.VIII.
- ¹⁹⁹ Ibid. 8.XI; Celjske slovenske novine. 1848. 9.VIII.
- ²⁰⁰ Novice. 1848. 30.VIII; 4.X; Slovenija. 1848. 28.VII, 22.VIII.
- ²⁰¹ Slovenija. 1848. 17.X.
- ²⁰² Kočevar Vrazu (12.X.1848)// Korespondencija S. Vraza. R 3981 // Nacionalna i sveucilišna biblioteka u Zagrebu; *Korunić P.* Op. cit. S. 169.
- ²⁰³ Verhandlungen... Bd. II. S. 36, 776.
- ²⁰⁴ Slovenija. 1848. 8.IX; Celjske slovenske novine. 1848. 13.IX.
- ²⁰⁵ Novice. 1848. 31.X; 7.VI; 28.VI; 26.VII.
- ²⁰⁶ Slovenija. 1848. 8.IX.
- ²⁰⁷ Verhandlungen... Bd. II. S. 206–207.
- ²⁰⁸ Slovenija. 1848. 29.IX; *Apjh J.* Op. cit. S. 165.
- ²⁰⁹ *Apjh J.* Op. cit. S. 166.
- ²¹⁰ Slovenija. 1848. 29.VIII.
- ²¹¹ Novice. 1848. 27.IX.
- ²¹² Slovenija. 1848. 26.IX.
- ²¹³ Ibid. 25.VIII.
- ²¹⁴ Ibidem.
- ²¹⁵ Celjske slovenske novine. 1848. 3.X.
- ²¹⁶ Slovenija. 1848. 25.VIII; 22, 26 IX; Caf Muršcu (17.VIII.1848) // *Ilešč F.* Korespondenca... S. 99.
- ²¹⁷ Slovenija. 1848. 26.IX.
- ²¹⁸ Ibid. 25.VIII. .
- ²¹⁹ Novice. 1848. 27.IX.
- ²²⁰ Celjske slovenske novine. 1848. 23.VIII.
- ²²¹ Ibid. 16.VIII.
- ²²² Ibid. 3.X.

ГЛАВА IV

ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В ВЕНЕ. СЛОВЕНЦЫ В ПЕРИОД НАСТУПЛЕНИЯ РЕАКЦИИ (ноябрь 1848 – март 1849 г.)

1. Словенские национальные деятели и Октябрьское восстание в Вене

Октябрьское восстание ознаменовало высший подъем австрийской революции, последний перед окончательной победой реакции. Лето – начало осени 1848 г. проходило под знаком постепенной консолидации контрреволюционных сил. Разгром Пражского восстания в июне, победы маршала Радецкого в Италии в августе, начало хорватско-венгерской войны были крупными успехами Габсбургов. Поводом к восстанию в Вене послужил приказ правительства об отправке части венского гарнизона в Венгрию на помощь армии Елаичча. 6 октября восставшие рабочие и студенты воспрепятствовали отъезду войск из Вены, захватили арсенал, убили военного министра графа Латура. Император и двор бежали в Оломоуц. Большая часть буржуазии, крестьянство не оказали поддержки восставшим. Оставшись в изоляции, окруженная войсками Виндишгреца и Елаичча, после отчаянного сопротивления 1 ноября Вена пала.

В дни Венского восстания в рейхстаге произошел раскол. Большинство депутатов правого крыла и центра вместе с бывшим председателем чехом Штробахом последовали за императором. Соотношение сил изменилось – руководящее место заняла левица. Рейхстаг взял на себя роль посредника между императором и восставшим народом, надеясь поднять свой авторитет в случае успеха этой миссии. На деле же получалось, что он был обречен метаться между двумя крупными силами, и ничего не добился. Рейхстаг тщетно старался предотвратить дальнейшее нарастание революционных событий, призывая народ к восстановлению мира в

Вене. С целью установить в столице «порядок и законность» он создал Комитет общественной безопасности из числа депутатов. Сохраняя верность идеи конституционной монархии, депутаты не желали порывать с правительством, пытались убедить императора не применять военных мер против Вены. К императору, Виндишгрецу и Елаичу посыпались делегации рейхстага, петиции, но все было бесполезно. Надеясь на мирное решение вопроса, рейхстаг практически ничего не предпринял для защиты Вены. Своей непоследовательной политикой в критический момент рейхстаг дискредитировал себя в глазах как правительства, так и революционеров. С точки зрения правительства, Венский рейхстаг стал нелегальным. Император призвал всех верных престолу депутатов приехать в Кромержиж, чтобы продолжить там свои заседания.

Отношение словенцев к Октябрьскому восстанию в Вене не было единодушным. Большинство национальных деятелей отмежевались от революционной Вены. Словенское общество в Любляне опубликовало два воззвания, в которых призывало славян защищать престол до последней капли крови¹. В октябре общество внесло дополнения в 1 параграф своего устава, указав, что в политической области будет стремиться к сохранению единой могучей Австрии с конституционным монархом во главе, что словенцы будут защищать свои национальные права исключительно законным путем. Этим актом общество хотело подчеркнуть свою лояльность по отношению к правительству². Губернское правление в донесении министру внутренних дел с удовлетворением сообщало, что члены Словенского общества в дни Октябрьского восстания успокаивали народ³.

Демократически настроенная часть немецкого населения в Граце и в Целовце начала формирование отрядов для поддержки Вены⁴. Губернатор Граца послал в Целье письмо с призывом подняться на помочь Вене. В словенском Целье оно энтузиазма не вызвало⁵. Общество «Словения» в Граце, обеспокоенное этим начинанием немецких демократов, отправило своего депутата к начальнику цельской национальной гвардии В. Гурнику с контрпредложением – сформировать в Нижней Штирии свой отряд добровольцев, но не против Елаича, а против Граца. Гурник списался с люблянским Словенским обществом. В Граце может пролиться кровь, указывал он, придут ли краинские словенцы на помочь своим штирийским братьям? От имени люблянского общества ответил Х. Мартињак, что при необходимости на это святое дело поднимется с оружием в руках весь словенский народ⁶.

Подавляющее большинство словенских деятелей восприняло Октябрьское восстание в Вене как «бунт против славян» и резко осудило

его по примеру чешских и хорватских национальных деятелей⁷. В восстании австрийские славяне увидели угрозу распада империи. Победа Вены для них казалась равносильной победе Франкфурта и присоединению чехов и словенцев к немецкому союзу. В этот период словенские газеты писали о необходимости сплочения австрийских славян в противовес венгерско-немецкой опасности⁸.

Наметились даже обоюдные поиски взаимопонимания с поляками. В «Словении» было напечатано несколько статей, затрагивавших польский вопрос. Среди них – выступление М. Бакунина на польском собрании в Париже 29 октября 1847 г., перепечатанное из чешской «Липы Славянской». В нем давалась высокая оценка Польскому восстанию 1830 г. и говорилось об общности судеб и целей русских и поляков как «детей единого славянского народа»⁹. Была опубликована статья из польской «Газеты повседневной» – «Об отношениях между поляками и другими славянами»¹⁰. Мысли, высказанные польским автором, импонировали словенским читателям: он ругал венгров, писал, что Австрия должна стать союзом свободных народов, и тогда под ее крылом образуется югославянское государство, с которым могли бы по своей воле объединиться и все турецкие славяне.

Еще более радикальная идея образования югославянского союза возникла у словенца Шкребе. В «Цельских новинах» он писал, что в случае падения империи по вине немцев словенцы «от севера повернутся к югу и будут ориентироваться на южных братьев»¹¹. Естественно, мысль о возникновении самостоятельного южнославянского государства содержалась в статье Шкребе в зачаточной форме, лишь как крайнее средство избежать включения Словении в состав Объединенной Германии.

Характерно, что и в это время максимального обострения славяно-немецких отношений словенские деятели не забывали подчеркивать, что они готовы идти на сотрудничество с немцами, что их врагами являются лишь те из них, кто не признает никаких прав за другими народами¹².

К венским революционерам большинство словенских либералов и консерваторов относилось с непримиримой враждебностью. О взятии Вены словенские газеты писали с ликованием, как о победе славянства¹³. «Цельске новине» выразили надежду, что «славяне победят также и взбунтовавшихся венгров»¹⁴. Трагедию, разыгравшуюся под Веной, они расценили как первый шаг на пути к свободе и могуществу славянских народов в Австрии.

Всю вину за беспорядки словенские национальные деятели возлагали на рейхстаг, не давший народу конституцию и, к тому же, под-

державший мятежников¹⁵. По примеру чешских депутатов, покинувших его сразу, как началось восстание, они объявили, что рейхстаг потерял свои законодательные права¹⁶. Словенские газеты обвиняли рейхстаг в непокорности императору¹⁷, утверждали, что цель немецкой левицы – добиться распада Австрийской империи, что она терроризирует оставшихся в Вене депутатов¹⁸. Словенских депутатов рейхстага призывали немедленно покинуть Вену¹⁹.

Часть словенских депутатов уехала из восставшей столицы. Крайнц и Кавичек некоторое время ещё оставались в Вене, но на заседания рейхстага не приходили. Несколько человек – Амброж, Долшайн, Гаер, Смрекар, Стерцин, Штурм, Жупанец – поддержали в период восстания немецкую левицу. До конца октября они принимали участие в работе Венского рейхстага.

Об их деятельности в этот период мы имеем отрывочные сведения. Известно, что Амброж был избран вторым заместителем председателя рейхстага²⁰. Как комиссар рейхстага он ведал раздачей оружия населению. Амброж, Гаер и Кавичек были избраны в комитет безопасности рейхстага²¹. Амброжа и Крайнца рейхстаг собирался послать в качестве комиссаров в Словению – для проведения агитации среди населения. Амброж обнаружил в одной из словенских газет статью, содержавшую резкие нападки на рейхстаг, и призыв «достойно» встретить его представителей, когда они придут проводить агитацию в пользу законности этого учреждения. Он зачитал отрывки из этой статьи на заседании рейхстага и предложил послать словенцам листовку, объясняющую их заблуждения²². Это выступление Амброжа вызвало в Словении взрыв возмущения²³.

Когда в рейхстаге обсуждалось предложение штирийского губернатора графа Викенбурга составить список штирийских депутатов, самовольно покинувших рейхстаг, его поддержали Амброж и Смрекар. Амброж даже потребовал, чтобы в список включили имена всех депутатов, оставивших рейхстаг. Максималистского требования Амброжа рейхстаг не одобрил, но просьбу Викенбурга удовлетворил. Практически все участвовавшие в заседаниях рейхстага депутаты выступили за выражение протesta против поведения чешских депутатов, уехавших из Вены.

Когда в рейхстаге обсуждался вопрос о том, призывать ли венгерскую армию на помощь Вене, с резким осуждением хорватов выступил К. Штурм. Более умеренной была позиция Ю. Гаера – он не был склонен просить венгров о поддержке восставшей столицы, но и действия хорватской армии не вызывали его одобрения²⁴. Боясь разрыва с им-

ператором, рейхстаг отклонил предложение обратиться за помощью к венгерской армии.

То, что почти половина словенских депутатов осталась в Вене и поддержала немецкую левицу, было неожиданным для словенских национальных деятелей и вызвало их негодование. Поведение Дольяка, Кавчича, Крайнца и других покинувших рейхстаг депутатов они одобрили, а оставшихся словенская пресса заклеймила как «изменников родины, продавшихся немцам и венграм»²⁵.

Ю. Гаера обвиняли в том, что он «чернил Елачича и подстрекал крестьян собрать армию и идти на помощь венграм»²⁶, на что он ответил, что агитации не проводил, а просто, когда его спрашивали о событиях в Вене, передавал мнения венцев о случившемся²⁷. М. Жупанец в ответ на обвинения в поддержке немецкой левицы заявил, что если бы людей, выступавших на ее стороне, было больше, крестьяне бы от этого только выиграли²⁸. Очевидно, и после поражения восстания в Вене, эти крестьянские депутаты не отказались от своих радикальных убеждений.

Большинство «пронинившихся» депутатов постарались загладить свой «проступок». Смрекар в ответ на обвинения в предательстве написал статью, в которой прославлял Елачича²⁹. Амброж неоднократно оправдывался в личных беседах со словенскими патриотами и в словенской прессе, и, наконец, был «прощен»³⁰. Однако « пятно» участия в Венском восстании еще долго оставалось на нем. Полной реабилитации Амброж добился лишь в апреле 1849 г., когда получил письменное подтверждение от командования императорской артиллерийской бригады, охранявшей арсенал в дни восстания, что его поведение 7–9 октября было незапятнанным, с бунтовщиками он связан не был, а, наоборот, с опасностью для жизни защищал от них оружейный склад³¹.

Популярным в это время в Словении было требование отзывать «пронинившихся» депутатов. К этому призывали все словенские газеты³². Сохранились и крестьянские послания, в которых высказывалась подобная просьба³³. «Словенски церквени часопис» причислил к грехам словенского народа еще один – неправильный выбор депутатов в рейхстаг³⁴.

Кампания словенских национальных деятелей за переизбрание депутатов фактически провалилась. Правительство ее не поддержало, а у крестьян были другие мерки для оценки деятельности депутатов. Так, вопреки призывам национальных деятелей отозвать Гаера, избиратели выразили ему доверие, поскольку по вопросу об отмене феодальных отношений этот депутат выступил с левых позиций³⁵. И

наоборот – Дольяка, придерживавшегося в этом вопросе консервативных взглядов, крестьяне-избиратели вынудили отказаться от депутатского мандата, несмотря на то, что национальные деятели поддерживали его, ценя Дольяка за защиту национальных прав словенцев в рейхстаге. Вместо Дольяка в Горице выбрали брата А. Черне Йосипа Черне, придерживавшегося более либеральных взглядов по крестьянскому вопросу³⁶. Большинство словенских депутатов рейхстага продолжили свою работу в Кромержиже³⁷.

В период Октябрьского восстания в Вене произошло резкое размежевание среди словенских депутатов рейхстага. Почти половина из них осталась в Вене и поддержала левицу. Высказанное в словенских газетах и впоследствии поддержанное Апилем предположение о том, что они часто голосовали не по убеждению, а по принуждению левых³⁸, вряд ли оправдано. Они могли бы просто уклониться от работы в рейхстаге³⁹. Также не стоит искать у этих депутатов последовательных революционных взглядов. Они по-прежнему оставались на верноподданнических позициях. Из восьми словенских депутатов, участвовавших в дни восстания в работе рейхстага, пятеро были крестьянами. Почти все эти люди (кроме М. Амброжа) к защите национальных прав словенцев интереса не проявляли. Большинство из них после поражения восстания, под влиянием возмущенной словенской общественности, постарались замять факт своего участия в венских событиях и далее уже не выбивались из русла умеренности и благонадежности.

Лишь некоторые словенские либералы выступили в период Октябрьского восстания с демократических позиций. Помимо Амброжа здесь следует назвать и юриста Верону из Граца, сторонника Объединенной Словении и противника немецких националистов, в октябре, однако, призывающего сограждан оказать помощь осажденной столице⁴⁰.

Единственным словенцем, показавшим себя в 1848 г. последовательным сторонником немецкой левицы, был А. Фюстер, избранный депутатом в рейхстаг от Вены. Ко времени Октябрьского восстания Фюстер уже давно отошел от словенского национального движения⁴¹. Он активно участвовал в Октябрьском восстании, после его поражения покинул столицу. Впоследствии Фюстер посещал заседания рейхстага в Кромержиже. После провозглашения октроированной конституции правительство дало санкцию на его арест, но ему удалось бежать и эмигрировать в Америку⁴².

Октябрьское восстание в Вене не всколыхнуло крестьянство. Именно в это время окончательно стало ясно, какой крупной победой пра-

вительства было то, что землю крестьянам даровал не закон рейхстага, а императорский манифест. Вначале, когда пришла весть о Венском восстании, словенские крестьяне с тревогой смотрели на происходящие события, опасаясь возврата к старым порядкам⁴³. Когда же вышло воззвание императора (19 октября) о том, что закон об отмене феодальных повинностей остается в силе, напряжение было снято. Как с удовлетворением отметил на Великом собрании Словенского общества в Любляне 22 ноября Я. Блейвейс, словенские крестьяне «во время опасных волнений сохранили славное имя мирных земледельцев»⁴⁴. Такая реакция была в целом характерна для крестьян Австрийской монархии. Депутат рейхстага И. Кудлих, в октябре агитировавший крестьян оказать поддержку восставшей Вене, заметил разительные перемены в их настроении после опубликования императорского воззвания 15 октября: сочувствие к восставшим сменилось враждебностью, и миссия Кудлиха потерпела провал.

Некоторые словенские либералы уже в октябре 1848 г. чувствовали, что союз с Габсбургами не принесет им желанного равноправия. Прямо об этом не писалось, но в газете «Словения» были перепечатаны несколько статей из польской «Газеты повсехней», в которых давалась трезвая характеристика сложившейся обстановки. Польская газета писала, что не справедливость славянского дела, а австрийский немецкий интерес сделали двор и правительство «друзьями» славян; как только Елаич укротит венгров, власти отвернутся от него⁴⁵. Автор статьи «Мысли о восстании в Вене» поразительно точно предугадал ближайшее будущее империи: победа императора в Вене вызовет «войну с венграми, подъем славян и, через короткое время, реакцию»⁴⁶. Возможно, редакция «Словении» уже в то время не исключала возможности такого исхода.

2. Национальная программа и деятельность словенских обществ

Первые месяцы после подавления восстания в Вене словенское национальное движение переживало период подъема – казалось, что победа правительственных войск над Веной укрепила позиции славян в империи. Оптимизмом были охвачены многие либералы и консерваторы. «Если сравнить наше теперешнее состояние с тем, что было несколько лет назад, мы можем быть очень довольны и благодарить бога, – писал М. Маяр С. Вразу в ноябре 1848 г. – Наш народ пробудился, патриотов мы имеем во всех областях Словении, в политике мы, насколько возмож-

но, сориентировались»⁴⁷. «Мы, верные славяне, сохранили империю», – подчеркивал он в статье «Союз словенских обществ»⁴⁸. Люблянское Словенское общество тогда же в своем прошении императору писало, что словенский народ «поднял свой несокрушимый щит против меча врагов... в защиту Австрийской империи», и теперь получил «награду за свою непоколебимую верность». Императорское слово «воплотило в жизнь свободу и равноправие народов»⁴⁹. «1848 год принес словенцам освобождение от многолетнего ига – и то, что сделали славяне для Австрийской империи в этот год, останется записанным в истории на все века», – торжественно заявлялось в «Слове о старом году», опубликованном в последнем номере «Новиц» за 1848 г.⁵⁰.

В ноябре–декабре 1848 г., в преддверии обсуждения рейхстагом проекта новой австрийской конституции, М. Маяр в статье «Провинции напей империи» внес ряд важных изменений в свою программу переустройства Австрийской империи⁵¹. Изменение политической ситуации с лета 1848 г. побудило его отказаться от плана создания Славянской Австрии. Теперь Маяр исходил из того, что империя будет состоять из пяти народов, объединенных в провинции: славян, немцев, венгров, румын и итальянцев. Предложив вновь включить венгров в состав империи, Маяр проявил большую лояльность по отношению к Габсбургскому дому, чем, например, депутаты рейхстага Палацкий и Ленер, которые в своих проектах, разработанных примерно в то же время, Венгрию в состав империи не включали.

Административно-территориальную структуру монархии Маяр, как и прежде, полагал необходимым реорганизовать согласно этническому принципу: «Устанавливая границу между этими народами, нельзя смотреть ни на холмы, горы, потоки и реки, ни на канцелярии, училища, чиновников и офицеров, которые по большей части немецкие или онемечены, а смотреть здесь нужно на то, какой народ живет тут и там в деревнях». Маяр предложил разграничение функций центрального правительства (внешняя политика, финансы, армия и торговля) и внутреннего управления каждой национальной единицы. Важнейшие вопросы внутренней и внешней политики по его проекту должны были решаться рейхстагом.

Сходный план государственного устройства империи выдвинул несколько ранее (в сентябре) в «Новицах» словенский либерал, подписавшийся Д-р Б⁵². Близок программе Маяра проект конституции, предложенный хорватским либералом (сербом по происхождению) Огнеславом Острожинским, где также предусматривалось административное деление Австрии по национальностям. Проект Острожинс-

кого был перепечатан газетой «Словения» из хорватской либеральной газеты «Славенски Юг»⁵³. В планах Маяра и Острожинского этнический принцип был проведен более последовательно, чем в проектах, разработанных депутатами рейхстага чехом Палацким, словенцем Кавичем и немцем Ленером.

Октябрьское восстание в Вене и его разгром сплотили австрийских славян. Идеи славянской взаимности все чаще находили отклик у словенских национальных деятелей. Почти в каждом номере «Словении» помещались статьи о чехах и хорватах, о важнейших событиях их жизни и о солидарности с ними словенцев. Полякам словенцы (вслед за чехами) предлагали укреплять империю в союзе с остальными австрийскими славянами⁵⁴. Чувство национального и культурного родства всех славянских народов Австрии, общности их судьбы, усилившееся стремление славянских деятелей к установлению взаимных контактов нашли отражение в новом проекте Маяра, в котором он выдвинул идею создания всеславянской федерации в рамках Австрийской империи.

Все славяне должны действовать как единый народ по отношению к остальным народам империи – эта мысль была центральной в программе Маяра. Объединение всех австрийских славян он считал необходимым: «Мы никогда не должны выступать, раздробленные по народам, это была бы наша гибель»⁵⁵, – и неотложным: «Сейчас счастливое время для объединения, сейчас над нами засияло светлое солнце, не упустим хорошей погоды, бог знает, будет ли опять в ближайшую тысячу лет дана такая возможность нашему народу»⁵⁶.

В качестве первого шага на пути к образованию всеславянской федерации Маяр предлагал создание широкой сети национальных обществ и их объединение. В статье «Союз словенских обществ»⁵⁷ он обратился с призывом к словенским патриотам образовать словенские общества в каждом окружном центре Словении. Все эти общества должны были войти «в единое великое словенское общество, которое подаст одну руку словяному обществу “Славянская Липа” в Праге, а другую – своим братьям хорватам и сербам». Характерно, что Маяр представлял себе славянские общества как организации интеллигентов. «Всякий имеющий собственность и образованный словенец пусть присоединится к обществу родного края», – писал он.

Предложенный Маяром проект реорганизации империи по национальному принципу, разделения функций центрального правительства и провинций был поддержан многими словенскими либералами. Позиция Маяра была близка взглядам наиболее передовых идеологов австрославизма. Меньше понимания встретила его идея создания всесла-

вянской федерации в рамках Австрийской империи. Большинство словенских (и славянских) либералов, говоря о единстве славян Австрийской империи, подразумевали тесное политическое и культурное взаимодействие, но не создание общеславянской политической единицы. Каждая национальность должна была быть представлена в империи отдельно, либо же предполагалось образование более узких политических союзов. Так, общество «Славянская Липа» в Праге в октябре 1848 г. призвало к объединению чехов, словаков и мораван⁵⁸; хорватские либералы, группировавшиеся вокруг газеты «Славенски Юг», стремились заложить основы союза сербов, хорватов, словенцев⁵⁹.

Отношение словенских национальных деятелей к вопросу о южнославянском союзе, как и на предыдущих этапах революции, не было единым. Временно отказался от этой идеи М. Маяр, считавший, что гармоничных отношений между народами легче достичь в широком всеславянском союзе⁶⁰. Наиболее характерной для того времени была, пожалуй, позиция словенских деятелей, которые мыслили союз с сербами и хорватами как укрепление взаимопомощи, но не как полное объединение. Люблянское Словенское общество 22 ноября высказалось по вопросу об объединении с хорватами уклончиво, затронув только его лингвистический аспект: словенцы должны сохранить свой язык, приблизив его к иллирскому⁶¹. Когда хорватские либералы обратились к словенцам с предложением послать несколько депутатов на переговоры с сербами и хорватами об определении основ югославянского союза, словенские либералы, высказавшись в поддержку этого предложения, подчеркивали, что в союзе словенцы должны сохранить свой язык и обычай⁶².

Менее популярна была идея полного объединения словенцев с другими югославянами Австрийской империи. Наиболее четко ее высказал словенский либерал из Штирии О. Цаф в письме И. Муршпецу в январе 1849 г.: «Мы останемся уродами и испорченными людьми, пока не объединимся полностью с краинцами и хорватами»⁶³. Стремление некоторых словенских либералов объединиться с сербами и хорватами во многом было обусловлено их пониманием того, что в одиночку словенцы не добьются от правительства осуществления своих национальных требований. «Мы в опасности и без наших сербско-хорватских братьев мы ничто, объединенным нам не надо будет бояться Франкфурта и Будапешта», – писал один из корреспондентов газеты «Словения»⁶⁴. В готовности этих национальных деятелей отчасти пожертвовать самобытностью словенского народа во имя достижения австрийскими славянами хотя бы некоторых национальных прав проявились первые признаки начи-

навшегося кризиса словенского национального движения. Эта тенденция усиливалась по мере наступления реакции, особенно после опубликования октroiированной конституции в марте 1849 г.

Примечательно, что все декларации словенских либералов о стремлении вступить в союз с сербско-хорватскими братьями не подкреплялись никакими практическими шагами. Большинство словенских национальных деятелей на деле остались равнодушны к идеи такого объединения.

Осенью-зимой 1848–1849 гг. словенских либералов волновал прежде всего вопрос реорганизации Австрийской империи и осуществления словенских национальных требований, так как им казалось, что вот-вот эта проблема будет решена. Планы объединения южных славян Австрийской империи с турецкими славянами в это время в словенской печати не обсуждались.

Мы рассмотрели в общих чертах развитие либеральной национальной идеологии словенцев после подавления Октябрьского восстания в Вене. Что касается словенских консерваторов, то осенью 1848 г. они не выдвигали требования объединения Словении и тем более не поддержали идей создания всеславянской федерации или югославянского союза.

Осенью 1848 г. консерваторы занимали ведущие позиции в словенских национальных обществах, определяли их политику. К концу 1848 г. в словенских землях существовало пять словенских обществ – в Любляне, Граце, Целовце, Горице и Триесте. Политическое кредо консерваторов было высказано на Великом собрании Словенского общества в Любляне 22 ноября его председателем Я. Блейвейсом, который выдвинул три основные задачи: «1) существование единой мощной Австрии под властью конституционного монарха; 2) защита национальных прав словенцев; 3) вера наших отцов должна оставаться также и верой будущих поколений словенцев». Главную задачу своего общества Блейвейс определил так: «Развитие словенского языка и словенской национальности в ее гармоническом подчинении идеи конституционной монархии». В словенских деревенских школах обучение должно проводиться только на словенском языке. В городских школах словенский должен был стать основным языком обучения, но помимо него там предполагалось еще изучение других языков – немецкого, итальянского и др.⁶⁵ Эта программа во многом послужила образцом для остальных словенских обществ. Согласно данным люблянского магистрата, в ноябре 1848 г. в Словенском обществе насчитывалось около 200 членов, и число их продолжало расти⁶⁶. В сообщении губернского управления министру внутренних дел сообщалось,

что общество пользуется влиянием в народе, особенно среди крестьян, так как в нем состоят многие священники⁶⁷.

Словенское общество в Целовце было основано в начале ноября 1848 г. Председателем его стал Й. Хладник (ранее – заместитель председателя венского общества «Словения»), секретарем – А. Эйншпилер⁶⁸. Политическая программа общества состояла из следующих положений: 1) необходимо разделить Каринтию на словенский и немецкий округа; 2–3) в словенском округе в школах и учреждениях должен употребляться словенский язык; 4) словенский округ нельзя присоединить к немецкому союзу⁶⁹. В качестве своей главной задачи общество выдвигало поддержку словенской национальности всеми законными средствами, прежде всего, путем развития словенского языка и изучения других славянских языков. По замечанию губернских властей, хотя Словенское общество в Целовце составило свою программу по образцу люблянского, «его политические тенденции не были обозначены так точно, как у Словенского общества в Любляне», так как общество только начало оформляться, и его деятельность настолько несущественна, что невозможно говорить о каком-либо его влиянии. Очень вероятно, заключил каринтийский чиновник свое сообщение, что целовецкое общество «пойдет по стопам» люблянского⁷⁰.

В октябре 1848 г. образовалось Славянское общество в Триесте. В него вступили представители разных славянских народов, проживавших в этом крупнейшем порту империи, – словенцы, сербы, хорваты, чехи и поляки⁷¹. Председателем общества стал известный словенский поэт и переводчик Йован Весел-Косески (1798–1884). В феврале 1849 г. его заменил на этом посту Иван Церер, а секретарем был избран Иван Мацун (оба – словенские либералы). На заседании 6 декабря были сформулированы задачи общества: подъем славянской культуры, обеспечение конституционным путем равноправия всех австрийских народов, введение словенского языка в школах и учреждениях Приморья. Очевидно, триестское общество было достаточно популярно среди славянского населения – число его членов (действительных и заочных) выросло с октября 1848 г. по февраль 1849 г. со 146 до 466 человек⁷². Славянское общество в Триесте в рассматриваемое время еще переживало период организационного оформления, никаких политических акций оно не проводило, первый номер газеты «Славянски родолюб» – печатный орган общества – увидел свет лишь в конце марта 1849 г., уже после опубликования октроированной конституции.

При сравнении национальных программ словенских обществ в конце 1848 г. с программами, выдвинутыми обществами в Вене, Граце и

Любляне весной этого года, особенно заметным становится отказ словенских деятелей от наиболее радикальных национально-политических требований. Ни одно из словенских обществ в конце 1848 г. не выдвигало требования Объединенной Словении. По справедливому наблюдению С. Гранды, наиболее трезвые патриоты быстро поняли, что требование создания Объединённой Словении преждевременно, и сосредоточили свои усилия на борьбе за достижение более реальных пунктов программы – введении словенского языка в школах и канцеляриях, невхождении словенских земель в состав Германской империи⁷³. В период наступления реакции декларированное словенскими обществами стремление к национальному равноправию по существу сводилось к достижению равноправия языкового и культурного. На первый план ставились культурно-просветительские задачи.

С другой стороны, необходимо отметить, что за этот год демократической жизни словенское национальное движение вовлекло в свои ряды много новых членов, охватило итальянлизированные и германализированные словенские области. Наиболее массовым словенское национальное движение стало осенью–зимой 1848–1849 гг. К этому времени у многих представителей словенской интеллигенции пробудилось национальное самосознание. Чем более умеренными становились требования, выдвигавшиеся словенскими обществами, тем больше присоединялось к ним людей, у которых уже возник интерес к своей национальной самобытности, но еще не оформились четкие национально-политические представления. Популярности словенских обществ способствовало и то, что своей политикой они зарекомендовали себя в глазах правительства и общественности как организации лояльные. Надежды на укрепление позиций славян в монархии в период подавления Октябрьского восстания в Вене и в разгар хорватско-сербско-венгерской войны также оказали влияние на распространение идей национального равноправия у словенцев.

Преобладание консервативной тенденции в развитии словенского национального движения в 1848 г., закрепившееся на 1850–1860-е годы, обуславливалось, прежде всего, низким уровнем развития словенской нации в тот период. Еще не были завершены задачи национального просвещения народа, ни о какой широкой народной поддержке национально-политических требований не могло идти и речи. Эту ситуацию довольно точно охарактеризовал в своих воспоминаниях один из членов люблянского общества «Словения»: «Агитации не было никакой, сколько-нибудь обширной переписки между центром и другими городами тоже не было. Одним словом, мы были мирны и трез-

вы, и тихо ожидали лучших времен, и если бы правительство ввело полное равноправие, мы были бы прежде всего напуганы, так как словарей не было, и никто не знал словенского языка. В этом мы отличались от чехов»⁷⁴. (В Чехии, действительно, интерес к национальным идеям начал пробуждаться уже в 1830–1840-е годы.)

Главное внимание словенские национальные общества уделяли культурно-просветительской работе. Наибольших успехов достигло в этой сфере Словенское общество в Любляне. По его инициативе началось составление словенского словаря, подбор словенских названий для улиц г. Любляны, был выпущен двухтомный сборник словенских народных песен, проводились театральные представления и концерты на словенском языке⁷⁵. В январе 1849 г. целовецкое общество выразило желание помочь люблянскому в составлении словаря и в сборе даров для раненых хорватов⁷⁶. При всех словенских обществах были открыты библиотеки, в которых имелись издания на славянских языках. Начали проводиться собрания учителей, на которых поднимались вопросы обучения на словенском языке, обеспечения словенских школ учебными материалами, улучшения материального положения учителей⁷⁷.

Осенью–зимой 1848–1849 гг. словенские национальные деятели еще продолжали участвовать в политической жизни империи, хотя и не так активно, как весной–летом 1848 г. Наиболее крупной из проведенных ими в это время акций была борьба против Франкфурта.

Толчком к новому обострению проблемы участия австрийских депутатов в работе Франкфуртского собрания послужило принятие им 1 октября 1848 г. первых трех параграфов будущей Германской конституции, где провозглашалось, что никакая часть немецкого государства не должна быть объединена с ненемецкими землями. Подразумевалось расчленение Австрийской империи и вхождение ее немецких земель (а в них включались также чешские и словенские) в состав Объединенной Германии. Это решение Франкфуртского национального собрания вызвало бурю возмущения в Австрийской империи. 35 австрийских депутатов собрания составили воззвание «Своим избирателям», в котором выразили протест против такого объединения. Краинский сословный комитет 13 ноября постановил послать императору письмо, где высказал несогласие с решениями Франкфуртского собрания⁷⁸.

Словенское общество в Любляне 19 ноября составило аналогичное прошение императору. В нем говорилось, что словенский народ «признал в нерасторжимости Австрийской империи главное и непреложное условие своей национальной жизни на основе равноправия народов», и поэтому депутатов во Франкфурт он выбирал «лишь из уважения к

императорскому указу». Словенское общество обратилось к императору с просьбой отозвать славянских депутатов из Франкфурта⁷⁹.

Словенское общество в Любляне направило призыв всем словенским обществам составить подобные прошения. Сразу откликнулось на это предложение общество в Граце⁸⁰, однако оно так и не осуществило своего намерения. Общество в Целовце отказалось от участия в этой акции (вероятно, опасаясь восстановить против себя каринтийских немцев). Не предприняло никаких действий и общество в Триесте. Выждав некоторое время, на собрании 2 февраля его члены решили не посыпать своего прошения императору об отзыве депутатов из Франкфурта, поскольку его ответа на прошение люблянского общества получено не было⁸¹.

В январе 1849 г. министерство издало указ о проведении новых выборов во Франкфуртское национальное собрание в австрийских землях и о возвращении во Франкфурт покинувших его депутатов. Это постановление вызвало тревогу у словенских деятелей, почувствовавших перемену правительственного курса, что не сулило славянам ничего хорошего⁸². В словенских газетах стали печататься статьи об опасности проведения новых выборов во Франкфурт для словенцев, призывы отказаться от участия в них⁸³. Популярно в среде словенских патриотов было резкое антифранкфуртское выступление Ф. Палацкого в рейхстаге⁸⁴.

Антифранкфуртская кампания словенских деятелей в начале 1849 г. проходила успешно. Большинство словенского населения заинтересованности в выборах не проявило, что объясняется не только его неприятием решений Франкфуртского собрания, но и падением интереса крестьян к политическим вопросам после отмены феодальных повинностей. В ряде мест проведенные выборы были признаны недействительными, поскольку участие в них принял меньшинство избирателей. Избиратели ряда округов Крайны отказались принять участие в выборах⁸⁵.

Проведение выборов во Франкфуртское национальное собрание и антифранкфуртская агитация словенских национальных деятелей были прерваны в марте 1849 г., а после опубликования октroyированной конституции вопрос об участии в нем австрийских депутатов отпал.

Осенью-зимой 1848–1849 гг. на качественно новый уровень поднялись чешско-словенские связи. Обеими сторонами были предприняты попытки скординировать политику своих национальных обществ.

Инициатива исходила от чешского общества «Славянская Липа» в Праге. Деятельность этого общества вызывала живой интерес и поддержку со стороны словенских национальных обществ. В октябре – ноябре 1848 г. в «Новицах» и «Словении» была опубликована пере-

писка Славянской Липы с Елаичем, ее воззвание к славянам о необходимости славянского единства в борьбе против восставшей Вены и ряд других материалов чешских либеральных газет⁸⁶. Наиболее активные словенские либералы осенью-зимой 1848–1849 гг. предлагали своим соотечественникам по примеру Славянской Липы в Праге послать в министерство петицию с требованием введения словенского языка в школах и учреждениях⁸⁷. В ноябре по всей Словении организовался сбор подписей под этой петицией⁸⁸.

К сотрудничеству с политически и национально более зрелой организацией чешской Славянской Липы стремились как либеральные, так и консервативные словенские национальные деятели. К нему призывал в своих статьях М. Маяр. О единстве целей Славянской Липы в Праге и словенских национальных обществ говорил в Любляне Я. Блейвейс: «И если мы будем мирно, но упорно, объединившись, выступать за права своего народа, Липа Славянская с гордостью покажет на словенские липки в Любляне, Горице, Граце, Целовце и Триесте!»⁸⁹

Славянская Липа в Праге послала приглашение словенцам принять участие в объединительном съезде чешских славянских лип 29–31 декабря 1848 г. Словенское общество в Любляне откликнулось на это приглашение и избрало своим депутатом М. Цигале, редактора «Словении»⁹⁰. Дали Цигале полномочия своего представителя также Словенское общество в Граце и Славянское читальное общество в Горице⁹¹. Более сдержанно повело себя целовецкое общество. Оно уполномочило Цигале только передать привет и выразить сочувствие съезду славянских лип. «На большее мы его не можем уполномочить, — писал председатель целовецкого общества Й. Хладник в Любляну, — так как цель этого съезда нам неизвестна, и мы боимся ухода многих членов и распада нашего общества, если мы будем слишком ввязываться в политические дела. Наша жизнь еще молода и слаба, малый ветер может ее погасить»⁹². М. Цигале был единственным представителем югославян на съезде чешских лип⁹³.

Роспуск рейхстага и опубликование октроированной конституции прервали налаживание политического сотрудничества чешских и словенских национальных обществ, осталась возможность лишь для развития культурных связей чешского и словенского народов.

В развитии словенской национальной программы и в деятельности словенских национальных обществ в ноябре 1848 – феврале 1849 г. прослеживаются новые тенденции. Завершенный вид принимает всеславянская программа преобразования Австрийской империи М. Маяра, поддержанная лишь очень узким кругом словенских либе-

ралов. Вместе с тем в словенском национальном движении после подавления Октябрьского восстания в Вене наблюдалось сближение позиций либералов и консерваторов. Консервативная линия возобладала. Однако было бы упрощением видеть в этом только признаки упадка. Словенские национальные деятели проявили заинтересованность в развитии связей с чехами, хорватами и другими славянскими народами империи. В том, что идеи славянской взаимности к концу 1848 г. укоренились в среде словенской интеллигенции, так же, как и в росте массовости национального движения и его территориальном расширении, заключалось одно из крупнейших достижений словенского народа в 1848 г.

Центром словенского национального движения осенью 1848 г. стала Любляна. Люблянское Словенское общество определяло в этот период политику остальных словенских обществ, являлось инициатором всех наиболее важных совместных политических акций. Словенские национальные общества в большей или меньшей степени проявляли интерес к инициативам люблянского общества в зависимости от уровня развития национального движения в тех или иных областях.

В Штирии и, особенно, в Каринтии в начале 1849 г. усилились процессы германизации, в Приморье – итальянизации словенского населения, гонения на словенский язык и национальное движение. Пессимизм, предчувствие скорого краха иллюзий о достижении национального равноправия все чаще охватывали словенских национальных деятелей. «Если правительство нам не поможет, из болота нас не вытянет, мы так разобщены, слабы и забиты, что сами себе не поможем», – писал О. Цаф Й. Муршецу в январе 1849 г.⁹⁴ Члены целовецкого Словенского общества в том же месяце жаловались своим люблянским коллегам, что «несмотря на численный рост общества, многие чиновники боятся признаться, что состоят в нем, и национальное движение словенцев не окрепло»⁹⁵. «Славяне! Неужели с нами это случится – праздными окажутся слова двух императоров, министерства, всего рейхстага – и равноправие всех народов останется лишь на бумаге», – с горечью воскликнул А. Эйншпилер⁹⁶.

3. Словенские депутаты в рейхстаге в Кромержиже

Заседания рейхстага возобновились 22 ноября 1848 г. в Кромержиже (Моравия) сначала под председательством чешского либерала Смолки, затем – консерватора Штробаха.

В Кромержиже произошло более четкое оформление группировок рейхстага, образовалось несколько клубов. Наиболее многочисленным был Славянский клуб (120 человек), куда входили представители австрийских славян, за исключением нескольких поляков. Программу этого клуба (создание австрийской федерации) составил Ф. Палацкий. Союз австрийских немцев, отделившийся от Центрального клуба в январе 1849 г., выступал за централизованную монархию, подчеркивал господствующее положение немецкого языка, стремился к образованию равноправного союза Австрии с Германией. Центральный клуб предложил сохранить провинции Австрийской монархии, разделив их в некоторых случаях на национальные округа. Предполагалось, что Крайна, Приморье, Каринтия станут едиными, а Штирия будет разделена на немецкий и словенский округа.

Неожиданной была программа, выдвинутая Клубом левых. После подавления Октябрьского восстания левица фактически отошла от радикальных взглядов. С другой стороны, ее позиция по вопросу национального устройства империи стала более прогрессивной, по существу сблизилась с позицией австрийских славян. Представитель левицы Ленер разработал проект «национально-федеративного» государства, по которому Австрия должна была стать демократической монархией, объединяющей пять равноправных национальных единиц с собственными органами управления и законодательством: немецкую, польскую, чешскую, итальянскую и словенскую⁹⁷. В состав Словенской Австрии (по существу – Объединенной Словении) вошли бы Крайна, Штирия, Каринтия к югу от Дравы и словенская часть Горицы. Триест и Истрия были бы включены в состав австрийской Италии, а к Словении присоединились бы Хорватия и Славония.

Ряд словенских национальных деятелей воспринял эту программу с одобрением. «Цельске новине» писали, что проекты устройства империи, выдвинутые Ленером и Палацким, столь близки, что можно подумать, что «весь рейхстаг является единой партией»⁹⁸. Меньше оптимизма проявила «Словения» – в ней отмечалось, что неправильное определение левицей границ Словении является следствием недостаточного знания автором проекта географии⁹⁹. Против проектов левицы и центра выступил А. Эйншпилер. В своей статье в газете «Словения» (подписанной псевдонимом Свечан¹⁰⁰) он точно указал, где должна проходить граница между словенской и немецкой Каринтией, и призвал словенских депутатов рейхстага защитить права словенцев¹⁰¹ (ни один из словенских депутатов этому призыву не внял). Недовольство некоторых славянских патриотов Приморья вызвало то, что в проекте левицы неправильно

причислена к итальянской территории часть словенских земель¹⁰². В программе Ленера словенским деятелям не понравилось и предложение существенно ограничить права центральной власти¹⁰³.

Хотя многие словенские деятели критически восприняли программу левицы, близость ее национальной программе Славянского клуба вселяла в них определенную надежду, что Австрийская империя будет преобразована в конституционное государство.

Рейхстаг в Кромержиже признал недействительными протоколы заседаний в Вене 28–31 октября. Из словенцев с большинством рейхстага голосовали за это Амброж, Черне, Доминкуш, Гаер, Крайнц, Миклошич, против вместе с левицей высказались крестьяне Стерцин и Жупанец¹⁰⁴. То, что нашлись словенские депутаты, не отрекшиеся от своей деятельности в период восстания, вызвало негодование национальных деятелей в Словении¹⁰⁵.

27 ноября новое министерство во главе с князем Шварценбергом объявило свою программу, где говорилось о будущей австрийской конституции, о равноправии народов империи и их внутреннем самоуправлении, о реформе администрации и судопроизводства, о гражданских правах и т.д. Правительство хотело создать иллюзию, что и после подавления Октябрьского восстания в Вене развитие империи продолжает идти по конституционному пути. Словенские газеты с одобрением восприняли программу нового министерства¹⁰⁶.

2 декабря 1848 г. император Фердинанд отрекся от престола в пользу своего племянника Франца Иосифа. Эта перемена на троне была следующим шагом на пути реставрации абсолютизма. Правительство начало готовить распуск рейхстага. Первое открытое наступление на права рейхстага произошло 4 января 1849 г., когда обсуждался проект австрийской конституции. Перед началом дебатов по первому параграфу, гласившему: «Вся государственная власть исходит из народа и функционирует установленным в конституции способом»¹⁰⁷, граф Стадион выступил от имени правительства с заявлением, в котором отрицался принцип народного суверенитета. Это грубое нарушение парламентских норм вызвало возмущение большинства депутатов. Опасность сведения на нет полномочий рейхстага заставила объединиться различные группировки. 8 января был зачитан протест 178 депутатов по поводу заявления министерства.

Выход из напряженного положения предложил словенский депутат К. Улепич: подготовку постановления о разделении функций органов государственной власти поручить Конституционной комиссии. «Воля правительства и подданных – идти рука об руку при создании конститу-

ции», и лишь тогда возникнет мощная империя «как храм национальной свободы для всех народов», — говорил он, снимая вопрос о народном суверенитете¹⁰⁸. Предложение Улепича было принято. Либеральный пункт о народном суверенитете исключили из проекта. Как отметил министр А.Бах, одобрение рейхстагом предложения Улепича означало по существу одобрение принципа, выдвинутого правительством¹⁰⁹.

Словенская общественность дала положительную оценку выступлению своего депутата¹¹⁰. Поддержали позицию Улепича и словенские депутаты А. Смрекар¹¹¹ и А.Горьюп¹¹². Смрекар высказал ряд либеральных идей. Он заявил, что нужно отказаться от исторического права там, где оно находится в противоречии с естественным; провозгласил, что неотъемлемым правом каждого народа является право на самоопределение. Вместе с тем он утверждал, что вся власть должна быть разделена между народом и императором. «Никогда и нигде, — утверждал Смрекар, — австрийская революция не требовала передачи всей власти народу», напротив, австрийские народы единодушно подтвердили, что историческое право габсбургского трона не находится в противоречии с их естественным правом. Представители народа должны объединиться с монархом. Он сослался на Францию, где был свергнут король и провозглашен суверенитет народа, в результате дело кончилось разгулом анархии и уничтожением свободы.

Все словенские депутаты голосовали за исключение из проекта основных прав пункта о народном суверенитете. Так происходило сближение позиций словенских депутатов по основным вопросам государственного устройства, общее «поправление» их взглядов.

В январе – феврале 1849 г. рейхстаг принял ряд либеральных постановлений: об уничтожении привилегий дворянства, об отмене смертной казни за политические преступления. Амброж и Горьюп высказались за полную отмену смертной казни¹¹³. Однако, приняв постановление об отмене смертной казни за политические преступления, рейхстаг не посмел предложить правительству приостановить действие военно-полевых судов в Вене. Реального влияния на судьбу империи рейхстаг, находившийся под угрозой распуска, оказать не мог. Депутаты осознавали это и старались избегать прямого вмешательства в политические дела.

С антиклерикальных позиций выступило большинство рейхстага при обсуждении параграфов о свободе вероисповедания и общественного отправления культа, о равенстве религий, об отделении церкви от государства (введение гражданского брака), об общественном обучении на государственные средства (отделение школы от церкви).

Высказывались по этим вопросам и словенские депутаты. К. Уленич подчеркнул, что свобода вероисповедания является неотъемлемым правом человека¹¹⁴. Однако он возражал против неограниченной свободы отправления всех культов, поскольку таким образом будут санкционированы опасные и неверные учения, действующие в государственном организме «как смертельная зараза», которые могут привести к анархии, ослаблению государства. В числе учений, угрожающих собственности и браку, Уленич назвал также коммунизм и социализм. Резко осудил он неверие и индифферентизм, говоря, что религия и церковь являются источником нравственной силы общества. Выступив против сект, Уленич занял правую позицию. Еще более реакционным было предложение словенца Рулича о признании католической церкви государственной в империи. Предложения Уленича и Рулича были отклонены большинством рейхстага, высказавшимся за неограниченную свободу отправления религиозных культов¹¹⁵.

С либеральных позиций выступил Горьюп¹¹⁶. Он высказался против независимости церкви от государства, считая, что она будет использована против демократии. Полное отделение церкви от государства на данном этапе, считал он, невозможно, так как «государство и церковь на протяжении столетий срослись друг с другом, и эти отношения нельзя перечеркнуть одним росчерком пера». Горьюп поддержал предложение Визера, выдвинувшего следующие принципы урегулирования отношений между церковью и государством: государство осуществляет надзор над церковью, церковь пользуется независимостью в своих внутренних делах. Это предложение в духе Йозефинских реформ было одобрено большинством рейхстага. Высказавшись за обязательное и бесплатное обучение на государственные, а не на церковные средства, Горьюп все же выступил против отделения школы от церкви.

По утвердившемуся в словенской историографии мнению, противоположных взглядов по религиозным вопросам придерживались Й. Крайнц и М. Кавич. Позиция Крайнца была достаточно консервативной – при обсуждении вопроса об отделении школы от церкви он, вместе с меньшинством рейхстага, выступил за церковный надзор за школой, против отмены телесных наказаний¹¹⁷.

Апиух указывает, что, в противоположность Крайнцу, Кавич защищал свободу веры, равноправие евреев и высказывался за то, чтобы государство отобрало у церкви ее имущество¹¹⁸. Однако сохранилось письмо М. Кавича Я. Блейвейсу от 22 ноября 1848 г., опровергающее первые два утверждения Апиуха. Как уже отмечалось выше, радикальные предложения Кавича по поводу использования церковного и монастырь-

кого имущества для выкупного фонда вызвали бурю возмущения среди словенских священников. Одним из откликов на эту «кощунственную» идею явился анонимный пасквиль католического священника, по-видимому, обвинявший Кавчича в безбожии. Возмущенный Кавчич послал этот пасквиль Блейвейсу с просьбой найти хулителя и заставить его замолчать. И в том же письме достаточно определенно высказал свои взгляды по религиозным вопросам, которые совершенно не соответствуют картине, нарисованной Алихом. Кавчич писал, что в Конституционной комиссии только он и еще один польский епископ (?) высказывались за приоритет католической религии, и что только он выступал против эманципации евреев. Большинство же не поддержало его взглядов. По словам Кавчича, евреи его боялись и причиняли ему всякие неприятности. Он решительно возражал против разрешения евреям селиться в Крайне¹¹⁹. Кавчич, очевидно, был рьяным католиком, православие и протестантизм он называл «христианскими сектами».

Идеи реорганизации католической церкви обсуждались и в словенской прессе. Первым высказал свои пожелания Й. Шубич на страницах «Цельских словенских новин» еще в сентябре 1848 г. Шубич призвал к уничтожению монастырей и целибата (безбрачия) католических священников, и посоветовал рейхстагу как можно скорее заняться решением этого вопроса¹²⁰. В следующем же номере газеты появился ответ священника Й. Муршца на эту статью. Муршец горько упрекал Шубича прежде всего за то, что он высказал такие кощунственные взгляды не в немецкой, а в словенской газете, которую читает «простой неиспорченный народ». Высказав пожелание, чтобы все осталось по-старому, Муршец решительно выступил против того, чтобы рейхстаг вмешивался в религиозные дела¹²¹. Дальнейшего распространения эта дискуссия, по-видимому, не получила. Хотя несколько позднее, в 1849 г., другой словенский священник и национальный деятель, А. Эйншпилер, ратовал за отделение церкви от государства, за участие низшего духовенства и светских верующих в церковных синодах, за введение словенского языка в церковные обряды, за ликвидацию целибата¹²². Либеральные веяния среди католического духовенства во время революции усилились, резче обозначилась дифференциация в его среде¹²³.

Словенские депутаты в Кромержиже неоднократно высказывали нужды своего народа. В защиту сервитутных прав крестьян, ущемлявшихся некоторыми крайними феодалами, выступил М. Амброж¹²⁴. Еще раз запрос об открытии университета в Любляне сделал К. Улепич в январе 1849 г.¹²⁵ Незадолго до роспуска рейхстага министерство

образования заявило, что это требование словенцев будет удовлетворено, но не сразу, так как осуществление его связано с большими расходами¹²⁶. Естественно, об этом обещании после опубликования окторированной конституции было забыто.

Словенские газеты регулярно помещали информацию о принятых рейхстагом законах. Очевидно, они с удовлетворением были восприняты словенской общественностью. «Рейхstag с каждым днем завоевывает все большее доверие народа», – сообщали «Новице»¹²⁷.

Важнейшие вопросы национально-государственного устройства Австрийской империи обсуждались на заседаниях Конституционной комиссии рейхстага. Специальный комитет представил на ее обсуждение два проекта государственного устройства – централистский Мейера и федералистский Палацкого. Проект Мейера предусматривал разделение империи по округам, построенным, по возможности, по национальному признаку. Палацкий предлагал реорганизацию империи в федерацию равноправных провинций.

Подробный план реорганизации империи по национальному признаку предложил М. Кавич. Конституционный проект, по его мнению, должен был составляться таким образом, чтобы, с одной стороны, нейтрализовать сепаратистские тенденции, а с другой – обеспечить национальное равноправие, чего невозможно достичь при сохранении старых провинций¹²⁸. Равноправие национальностей, провозглашенное в империи, считал Кавич, – чистая иллюзия, в Штирии и Каринтии славянин, в Тироле итальянец, в Богемии немец ничего не знают. Кавич выступил против проекта Палацкого как основанного на историческом праве. В предложенном Кавичем плане переустройства империи в состав Словении включались словенская Штирия, Крайна и словенское Приморье. Каринтия же должна была остаться неделимой¹²⁹. Таким образом, принцип естественного права был проведен здесь не совсем последовательно.

План Кавича поддержал Й. Крайнц, считая намеченный в нем состав Словении идеальным. В Каринтии, по мнению Крайнца, было бы невозможно разделение по национальностям, в отличие от Штирии, где языковая граница достаточно четко определена. Если комиссия отвергнет проект Кавича (что и случилось), то Крайнц соглашался голосовать за проект Брестеля, предусматривавший выделение одного словенского и двух немецких округов в единой Штирии¹³⁰. Примечательно, что еще в конце декабря 1848 г. Крайнц выступил в «Цельских новинах» с резкой критикой аналогичного предложения В. Гурника¹³¹.

Очевидно, желание поскорее принять конституцию, опасения в связи с неустойчивостью обстановки в империи побудили его идти на компромиссные решения.

А. Горьюп, в отличие от своих земляков, полагал, что вообще невозможно осуществить разделение провинций по национальностям. Нужно лишь, где возможно, учитывать преобладание в провинции той или иной национальности¹³². Выступая с позиций исторического права и движимый чувством местного патриотизма, он высказал пожелание сохранить родное графство Горицу как самостоятельную область¹³³.

В январе 1849 г. Палацкий изменил свой первоначальный проект конституции, предложив разделить империю на провинции, построенные по национальному признаку. Примечательно, что в новом проекте чех Палацкий при определении границ Объединенной Словении более последовательно придерживался принципа естественного права, чем словенцы Кавич и Крайнц – он включил в нее также словенскую часть Каринтии. При голосовании за новый проект Палацкого высказались словенские депутаты Горьюп, Крайнц и Миклошич. Однако большинство комиссии поддержало централистский проект Брестеля. В конечном итоге с некоторыми поправками был принят проект Мейера. Самы члены комиссии называли его иезуитским¹³⁴. Этот проект «федеративной централизации», который Конституционная комиссия собиралась передать на рассмотрение рейхстага 15 марта 1849 г., предусматривал выделение Штирии, Каринтии, Крайны, Приморья в отдельные провинции.

Таким образом еще до принятия октроированной конституции в рейхстаге потерпели крах надежды словенских либералов на создание Объединенной Словении. «Мы, словенцы, по-прежнему должны остаться раздробленными», – с горечью писала «Словения»¹³⁵. Вместе с тем немцами и славянами был сделан важный шаг на пути совместных поисков компромисса. Действительно, надежды на последовательное осуществление национального принципа реорганизации империи были в то время утопией, никто из тех политиков не мог выдвинуть реальный и продуманный план, который позволил бы гибко учитывать интересы всех национальностей при перекраивании исторических границ провинций. Если и сейчас, в конце XX в., человечество еще не научилось разумно регулировать межнациональные отношения, было бы необоснованным оптимизмом считать, что в середине XIX в. мог появиться подобный идеальный проект.

Вкратце затронем лишь некоторые важные вопросы, по которым высказывали свое мнение словенские представители в Конституционной

комиссии. При обсуждении прав короны Кавич выступил с консервативных позиций, отвергнув предложение чешского либерала Ригера дать императору лишь право участия в правительстве. Он заявил, что император должен также участвовать и в законодательстве, иметь право вето¹³⁶. Прогрессивные взгляды высказал Горьюп, когда решался вопрос о системе выборов в рейхстаг. Он предложил исключить из проекта пункт об имущественном и образовательном цензе для избирателей¹³⁷. Против образовательного ценза возражал и Кавич, предложив, однако, ввести ценз прямого налога – избиратель не должен быть слугой или поденщиком¹³⁸. Крайнц признавал необходимым ввести всеобщее избирательное право¹³⁹. За прямые выборы из словенцев высказался Кавич¹⁴⁰, в то время как Крайнц¹⁴¹ и Горьюп¹⁴² отдали предпочтение непрямым.

Даже из этого краткого обзора взглядов, высказанных словенскими депутатами рейхстага по ряду важнейших национально-политических и социальных проблем видно, насколько противоречивыми и несогласованными они были. Человек, занимавший прогрессивную позицию по одному вопросу, оказывался консерватором при решении другого. Но следует отметить, что в целом взгляды словенских депутатов были либеральными. В решении национального вопроса словенские депутаты проявили стремление к разумному компромиссу, отказавшись от требования разделения провинций по национальному признаку (т.е. по существу от идеи Объединенной Словении). Вероятно, отказ от радикальных национальных требований казался словенским национальным деятелям единственным возможным способом добиться от правительства признания хотя бы некоторых национальных прав словенского народа.

Достижениям революции грозил полный крах – в конце февраля 1849 г. предчувствие катастрофы витало в воздухе. Победы армий Виндишгреца и Елачича в борьбе против Венгрии к тому времени укрепили положение императора и правительства. В 20-х числах февраля министры перестали появляться на заседаниях рейхстага. В начале марта проект конституции был передан на рассмотрение рейхстага, и предполагалось огласить новую конституцию 15 марта. «Скоро, скоро будет конституция!» – ликовали «Новице»¹⁴³.

4. Национальное движение в Словении после опубликования октроированной конституции

7 марта приказом императора рейхстаг был распущен, и была обнародована октроированная конституция, на долгие годы похоронившая мечты австрийских славян о национальном равноправии. Австрийская

империя провозглашалась унитарным государством с двухпалатным рейхстагом, созывавшимся для решения важнейших государственных дел. Существенно расширены по сравнению с проектом рейхстага были права короны. В конституции говорилось также о равноправии австрийских народов и языков. Крайну, Каринтию, Приморье сначала предполагалось объединить в административную единицу.

Реакция словенских деятелей на эти события была весьма различной. В «Новицах» говорилось: «Будем доверчиво и мирно ждать, что нам принесут законы, опирающиеся на новую конституцию»¹⁴⁴. «Словенские новине» объявили октroiование императором конституции «радостной новостью» и выразили надежду, что она «осчастливит» словенцев¹⁴⁵. Обе эти газеты прекратили печатать материалы на политические темы. Словенские консерваторы фактически сразу после опубликования октroiированной конституции отказались от борьбы за национально-политические права своего народа. Ждать лучших времен – такова была их тактика.

Иную позицию заняла «Словения». Она, по примеру чешских и хорватских либеральных газет, вплоть до своего закрытия в апреле 1850 г. печатала политические статьи, в которых высказывались боль и надежды словенских патриотов. О роспуске рейхстага и принятии октroiированной конституции «Словения» писала: «Словенский народ... ни в Любляне, ни в других городах не радовался последним событиям, особенно обращению с депутатами... но законного пути не оставит, так как твердо верит, что справедливость восторжествует, поскольку она исходит от Бога»¹⁴⁶. «Все ходят как побитые, задумчивые, темные. Откуда такая удивительная и быстрая перемена? ... Этот март принес нам зиму вместо весны»¹⁴⁷. По мнению Д. Терстенъяка, октroiированная конституция «хороша только для иерархии и аристократии», «Австрия вступила в тяжёлый кризис»¹⁴⁸. Полон пессимизма был и О. Цаф: «Я ниоткуда в ближайшем будущем не вижу добной надежды: мне кажется, что нам будет хуже, чем раньше»¹⁴⁹.

Впрочем, некоторым либералам положение сначала не казалось бесыходным – объединение части словенских земель в Королевство Иллирию воспринималось ими как «первая ступень к объединению словенцев»¹⁵⁰. Обещанное конституцией национальное равноправие тоже несколько успокаивало их. «Хотя нам не нравится конституция 4 марта, она всё же лучше проекта рейхстага в Кромержиже, по которому словенцы бы все были в разных провинциях», – заявляла редакция «Словении»¹⁵¹. Однако этим иллюзиям суждено было быстро развеяться – для Каринтии, Крайны, Приморья ввели раздельное управле-

ние¹⁵², что вызвало новый всплеск возмущения у либералов. М. Семрайц в июне 1849 г. составил, а А. Эйншпилер опубликовал в «Словении» петицию к императору, в которой снова было выдвинуто требование Объединенной Словении (в состав которой должны были войти словенцы люблянской, грацкой и триестской губерний)¹⁵³. В последний раз требование объединения словенцев было высказано А. Эйншпилером в июле 1849 г.¹⁵⁴ Затем уже ближайшее десятилетие словенская печать не могла упоминать об этом.

Вышел закон о цензуре, 17 марта – патент о запрете политических обществ. Словенские национальные общества одно за другим превратились в культурно-просветительские, либо прекратили свое существование. Люблянское Словенское общество уже в апреле 1849 г. заявило, что впредь будет заниматься только вопросами языка и литературы¹⁵⁵. Такое же заявление сделало и общество «Словения» в Граце. Й. Муршец обратился с призывом к словенским патриотам не отходить от общества, продолжать защищать свою национальность¹⁵⁶. Вскоре грацкое общество прекратило свою деятельность.

Фактически распалось и Славянское общество в Триесте. В отличие от других словенских обществ, оно и после патента от 17 марта продолжало именовать себя «политическим», подчеркивая, что будет действовать «в рамках законов и умеренности»¹⁵⁷. С марта по август в Триесте под редакцией Я. Церера выходила ежемесячная газета «Славянски родолюб» («Славянский патриот») – орган Славянского общества. Свои публикации она печатала на двух языках – словенском и сербохорватском. В первых номерах этой либеральной газеты, несмотря на наступление реакции, еще появлялись статьи политического содержания. Однако уже летом 1849 г. «Славянски родолюб» стал публиковать материалы исключительно культурно-просветительского характера, а с сентября выпуск газеты был прекращен. Славянское общество превратилось в чисто просветительское.

В марте 1850 г. объявило о самороспуске Славянское читальное общество в Горице. Прощальное его сообщение было полно горечи: «Лучшие газеты, защищавшие права словенцев, мы потеряли или скоро потеряем; никто сейчас не видит или не хочет видеть нужды учить словенский язык; библиотека Славянского общества открыта целый день, но зря ждет, чтобы ее кто-нибудь посетил. К чему библиотека без читателей? Мы лучше закроем ее»¹⁵⁸.

В конце 1849 г. прекратила существовать газета «Словенске новине» в связи с отсутствием финансовых средств, как объявила редакция. До самого конца она продолжала уверять, что словенцам «ничего не нужно

от действительности – постоянны и верны мы должны быть во всех делах и мыслях»¹⁵⁹. Последним тяжелым ударом для словенских либералов стало закрытие газеты «Словения». Й. Муршец писал Словенскому обществу в Любляне, что с закрытием «Словении» патриотам будет трудно обращаться к народу¹⁶⁰. «Словения» заснула. Она за этот малый промежуток времени столько сделала для нашего народа, что это никогда не будет забыто; она сделала больше, чем многие крупные газеты за 50 лет», – охарактеризовал деятельность этой газеты М. Маяр¹⁶¹.

Но так трагически ситуация была воспринята в основном словенской либеральной интеллигенцией. «Народ спокоен и равнодушен», – с горечью писал в марте 1849 г. О. Цаф¹⁶².

Несмотря на наступление реакции и общий спад словенского национального движения, наиболее энергичные либералы продолжали искать пути достижения национального равноправия. Они считали, что необходимо сплотить славянские народы империи. Некоторые – Маяр, Муршец, Мурнич и др. – направляли свои усилия прежде всего на развитие национально-культурных связей, создание единого литературного югославянского языка¹⁶³. Для М. Маяра и его сторонников иллирский язык был ступенькой к языку всеславянскому, созданию которого Маяр в дальнейшем посвятил свои силы¹⁶⁴. Не отказывались от югославянской политической программы словенские студенты в Вене. Так, студент Ериша в ноябре 1849 г. со страниц «Словении» призывал к созданию единого языка и к политическому объединению сербов, хорватов, словенцев¹⁶⁵.

Другие патриоты Словении стремились главным образом к усилению политической роли славян в империи. Эти мысли высказывались еще в феврале 1849 г., и на протяжении нескольких месяцев (фактически – до окончательного поражения венгров) в разных интерпретациях появлялись на страницах «Словении». Очевидно, они пользовались популярностью в среде чешских и хорватских либералов – многие публикации «Словении» на эту тему были перепечатаны из пражских и загребских газет.

В статье «Австрия и славяне»¹⁶⁶ Й. Драгони-Крженовский выдвинул новые доводы в пользу австрийского славянства: если правительство удовлетворит национальные требования славян империи, то с их помощью ей удастся привлечь на свою сторону симпатии турецких славян, отданные России. Тогда Австрия станет величайшей державой Европы. Если же правительство будет продолжать политику ущемления славян, империи предстоит участь второстепенного государства, Россия же укрепит свою мощь. Драгони-Крженовский, с одной стороны, призывал Австрию к политическому соперничеству с Россией за

влияние на Балканах, с другой – сочувственно писал о порабощенных русских, жаждущих свободного правления. Австрийские славяне, по его мнению, должны были выполнить цивилизаторскую миссию по отношению к славянским народам Турции и России: «Как европейский Запад принес просвещение в Америку, так и Восток имеет естественную задачу зажечь свет в Азии, и славяне призваны к этому из-за своего географического положения». В случае войны Австрии с Россией, по мнению Драгони-Крженовского, союзниками Австрии стали бы поляки и образованные слои русского населения, недовольные неограниченным правлением императора. Возможно, эти представления о России и русских были почерпнуты автором статьи из уже упоминавшейся публикации выступления М. Бакунина.

Те же мысли были высказаны в статье, перепечатанной «Словенией» из «Пражских новин»¹⁶⁷. М. Кавич на одном из последних заседаний Конституционной комиссии рейхстага внес предложение в подобном духе: Австрия должна уделить первостепенное внимание району Дуная, постараться присоединить к себе Молдавию и Валахию¹⁶⁸. За присоединение турецких славян к империи высказался в августе 1849 г. А. Эйншпилер. В отличие от Драгони-Крженовского он считал, что Австрия в союзе с Россией должна противостоять гегемонистским планам англичан и французов на Балканах, где Австрия «найдет драгоценные камни для своей короны»¹⁶⁹.

Эти планы свидетельствуют о том, что взгляды некоторых словенских либералов претерпели в 1849 г. определенную эволюцию. Ослабла их ориентация на австрийское правительство. В поисках политических союзников они все чаще стали обращать свои взгляды к славянским народам вне империи, в том числе к русскому.

Возросший интерес словенских национальных деятелей к проблеме русско-австрийских отношений в 1849 г. объясняется прежде всего политическими обстоятельствами, а именно участием русских войск в разгроме венгерской армии. «Словения» регулярно помещала подробную информацию о ходе боев. Примечательно, что в газетных сообщениях помочь русским в подавлении венгерской революции рассматривалась как явление положительное, русским воинам давались лестные характеристики. В публикациях на эту тему в первую очередь отмечалось, что вступление русской армии на территорию Австрийской империи не носит захватнического характера. Подчеркивалось, что общей целью австрийского и русского императоров является освобождение венгерской земли «от тяжкого ярма злодеев», что Николай I, согласно своему заявлению, послал войска на помощь Австрии из дружеского расположе-

жения к Францу Иосифу I, а главное – чтобы «помочь подавлению бунта, охватившего всю Европу»¹⁷⁰. Сообщения о благородных намерениях русских перепечатывались «Словенией» в основном из венских и грацских газет. В одной публикации упоминались с осуждением те, кто не выказывал воодушевления по поводу русской помощи. «Кто бы поверил, что есть много людей, которым не нравится, что нам помогают русские, однако это так. Эти люди или поддерживают бунтарей венгров, или хотят, чтобы Австрия распалась на отдельные части»¹⁷¹.

В кратких сообщениях словенской прессы о русских в 1849 г. были искреннее дружелюбие, и интерес к родственному славянскому народу. Отмечались храбрость русских солдат, «мудрое и хладнокровное» руководство военачальников¹⁷². Русские, как писала «Словения», отличались «сердечностью и дружелюбием», а также набожностью¹⁷³. Крестьяне славянских деревень, через которые проходила русская армия, принимали солдат «как своих освободителей, и по старому северному обычанию выносили им хлеб с солью»¹⁷⁴. В последних числах августа в газете было опубликовано исключительно хвалебное жизнеописание маршала Паскевича, главнокомандующего русскими войсками, посланными против венгров, принадлежавшее перу русского публициста Н. Полевого. В конце публикации редакция «Словении» сделала любопытное примечание: статья Полевого была написана в условиях русской цензуры, поэтому содержит неточности, в частности в освещении роли Паскевича в подавлении Польского восстания 1830 г.¹⁷⁵

Сообщения на русскую тематику, появлявшиеся в словенской прессе в 1849 г., свидетельствуют о двух важных обстоятельствах. Во-первых, словенская пресса стояла на официальной точке зрения относительно вступления русских войск на территорию Австрийской империи, трактуя приход русских не как захватнический акт, а как дружескую помошь родственного славянского народа. Во-вторых, благодаря контакту русских воинов с жителями венгерских земель в словенскую прессу начали просачиваться благоприятные отзывы о характере и обычаях русских. Новые сведения о русских и о России способствовали смягчению и трансформации бытовавших в среде словенской интеллигентии представлений о России как о восточной тирании и о русских как о покорных и страждущих рабах.

Проекты словенских либералов, рассчитанные на усиление позиций славян в империи, в те годы были иллюзорными. Уводила в сторону от насущных проблем развития словенского народа и идея Маяра о создании всеславянского языка. Лишь несколько позже, в конце 1849 – начале 1850 г., оправившись от шока, вызванного крушением

своих надежд, словенские либеральные идеологи М. Маяр и А. Эйншпилер разработали новые планы того, как в условиях реакции и цензуры продолжить дело национального развития словенцев. Эйншпилер предложил программу развития словенской журналистики, открытия библиотек и проведения учительских собраний. Необходимым считал он и активное включение словенского народа в политическую жизнь: «Политическую жизнь также должны иметь словенцы, иначе мы не можем надеяться, что наша духовная и литературная жизнь будет иметь какую-либо пользу и значение!»¹⁷⁶. Примерно к такому же выводу пришел и М. Маяр. «Мы должны иметь политическую газету, – писал он в апреле 1850 г. Й. Муршпецу. – Народ без политической газеты как человек без языка: он не может говорить и защищать свои права, он раб других народов»¹⁷⁷.

В наступивший долгий период реакции лозунгом словенских национальных деятелей стали слова М. Маяра: «Никто не может приказать, чтобы Драва текла в Рейн; никто не может октроировать, чтобы с этих пор все славянские липы превратились в немецкие дубы; враги нас сразу не съедят, слишком нас много. Будем трудиться по-умному – заметно, постоянно и крепко: “Кто хорошо работает, дождется лучших времен”»¹⁷⁸.

Примечания

¹ Novice. 1848. 11, 18. X; Slovenija. 1848. 13, 17.X.

² Novice. 1848. 25.X.

³ Arhiv Republike Slovenije. Deželjno predsedstvo. 1848. Spis 2948.

⁴ Novice. 1848. 1.XI; Slovenija. 1848. 22.X.

⁵ Celjske novine. 1848. 18.X.

⁶ Apih J. Slovenci in leto 1848. Ljubljana, 1888. S. 206–207.

⁷ Slovenija. 1848. 17, 20.X.

⁸ Ibid. 3.XI.

⁹ Ibid. 31.X; 3, 7, 10. XI.

¹⁰ Ibid. 6, 17, 20.X.

¹¹ Celjske novine. 1848. 18.X.

¹² Ibid; Novice. 1848. 11.X.

¹³ Novice. 1848. 18, 25.X; 1, 8.XI; Slovenija. 1848. 22.XI; Celjske novine. 1848. 1825.X; 22.XI.

¹⁴ Celjske novine. 1848. 22.XI.

- ¹⁵ Novice. 1848. 22.XI.
- ¹⁶ Ibid. 11, 18.X; Slovenija. 10, 17, 22, 27.X; Celjske novine. 2.XI.
- ¹⁷ Slovenija. 1848. 22.X.
- ¹⁸ Ibid. 13.X, 17.XI; Celjske novine. 25.X.
- ¹⁹ Celjske novine. 1848. 2.XI.
- ²⁰ Slovenija. 1848. 17.X.
- ²¹ Ibid. 13.X.
- ²² *Apjh J.* Op. cit. S. 201, 203.
- ²³ Slovenija. 1848. 20.X.
- ²⁴ *Apjh J.* Op. cit. S. 202, 203.
- ²⁵ Novice. 1848. 18.X, 13.XII; Slovenija. 1848. 17, 22, 31.X; Celjske novine. 1848. 2.XI.
- ²⁶ Novice. 1848. 13.XII.
- ²⁷ Ibid. 1849. 3.I.
- ²⁸ Celjske novine. 1848. 15.XI.
- ²⁹ Ibid. 27.XII; 15.XI. Статья против Смрекара.
- ³⁰ Novice. 1848. 22.XI; 6, 13.XII.
- ³¹ Slovenija. 1849. 20.IV.
- ³² Ibid. 1848. 14.XI; Celjske novine. 15.XI.
- ³³ Slovenija. 1848. 31.X.
- ³⁴ Celjske novine. 1848. 13.X.
- ³⁵ Novice. 1849. I Dokladni List. S. 116.
- ³⁶ Slovenija. 1848. 19.XII.
- ³⁷ От своих мандатов отказались только Дольяк, Долшайн, Стерчин и, перед самым распуском рейхстага, Жупанец (*Apjh J.* Op. cit. S. 215; Slovenske novine. 1849. 1.II).
- ³⁸ Slovenija. 1848. 17.XI; *Apjh J.* Op. cit. S. 203.
- ³⁹ Как, например, поступил Й. Крацнц (Celjske novine. 1848. 22.XI).
- ⁴⁰ *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973. S. 116–117.
- ⁴¹ Slovenija. 1849. 13.III.
- ⁴² Novice. 1848. 22.XI.
- ⁴³ Ibid. 8.XI.
- ⁴⁴ Ibid. 6.XII.
- ⁴⁵ Slovenija. 1848. 20.X.
- ⁴⁶ Ibid. 3.XI.
- ⁴⁷ Nacionalna i sveučilišna biblioteka u Zagrebu (NSB Zg). R 3981. Korespondencija S. Vraza.

⁴⁸ Slovenija. 1848. 12.XII.

⁴⁹ ОР ГПБ. Ф. 979. № 186.

⁵⁰ Novice. 1848. 27.XII.

⁵¹ Slovenija. 1848. 26.XII.

⁵² Novice. 1848. 27.IX.

⁵³ Slovenija. 1848. 14, 17, 28.XI.

⁵⁴ Ibid. 7, 28.XI; 5.XII.

⁵⁵ NSB Zg. R 3981. Korespondencija S. Vraza. Major Vrazu (22.XI.1848).

⁵⁶ Slovenija. 1848. 26.XII.

⁵⁷ Ibid. 12, 15.XII.

⁵⁸ Ibid. 7.XI.

⁵⁹ Ibid. 1.XII.

⁶⁰ Ibid. 26.XII.

⁶¹ Ibid. 28.XI.

⁶² Ibid. 1.XII.

⁶³ Caf Muršcu (13.I.1849) // Ilešič F. Korespondenca dr. J. Muršca. Ljubljana, 1905. S. 102.

⁶⁴ Slovenija. 1848. 7.XI.

⁶⁵ ARS. Slov. dršt. Dopisi 1848 leta.; Slovenija. 1848. 24.XI.

⁶⁶ ARS. Dež. preds. 1848. Spis 2940.

⁶⁷ Ibid. Spis 2948.

⁶⁸ Slovenija. 1848. 3.XI; 29.XII; Novice. 1848. 8.XI.

⁶⁹ Slovenija. 1848. 24.XI.

⁷⁰ ARS. Dež. preds. 1848. Spisi 2938, 2948.

⁷¹ Slovenija. 1848. 19.XII; Novice. 1848. 1.XI; Pravi Slovenec. 1849. 30.IV.

⁷² Slavjanski Rodoljub. 1849. 27.III.

⁷³ Granda S. Dolenjska v revolucionarnem letu 1848/49. Novo Mesto, 1995. S. 463–464.

⁷⁴ Apjh J. Op. cit. S. 138.

⁷⁵ Slovenija. 1848. 12, 15.XII.

⁷⁶ Ibid. 1849. 23.I.

⁷⁷ Ibid. 1848. 15.XII.

⁷⁸ Novice. 1848. 15.XI.

⁷⁹ Ibid. 29.II.

⁸⁰ ARS. Slov. dršt. Dopisi 1848 leta.

⁸¹ Slavjanski Rodoljub. 1849. 27.III.

⁸² Terstenjak Muršcu (18.II.1849) // Ilešič F. Korespondenca... S. 75–76.

⁸³ Novice. 1849. 28.II; Slovenija. 1849. 30.I; 9, 23, 27.II.

- ⁸⁴ Slovenija. 1849. 2.III; Novice. 1849. 28.II; Slovenske novine. 1849. 1.III.
- ⁸⁵ Novice. 1849. 21.II; 7.III; Slovenija. 1849. 2, 6, 9, 13.III.
- ⁸⁶ Novice. 1848. 8.XI; Slovenija. 1848. 31.X; 3, 10.XI.
- ⁸⁷ Slovenija. 1848. 14.XI; Caf Muršcu (13.I.1849) // Ilešić F. Korespondencia... S. 102.
- ⁸⁸ NSB Zg. R 3981. Korespondencija S. Vraza Kocevar Vrazu (13.XI.1848).
- ⁸⁹ Žaček V. České a jihoslovanské lípy v roce 1848// Literární archív. Praha, 1971. VI. S. 220.
- ⁹⁰ Novice. 1848. 27.XII.
- ⁹¹ Žaček V. Op. cit. S. 223.
- ⁹² ARS. Slov. dršt. Dopisy 1848 leta.
- ⁹³ Žaček V. Op. cit. S. 223.
- ⁹⁴ Ilešić F. Korespondencia... S. 102.
- ⁹⁵ Slovenija. 1848. 23.I.
- ⁹⁶ Ibid. 1849. 26.I.
- ⁹⁷ Slovenija. 1848. 8.XII; Apih J. Op. cit. S. 241–242.
- ⁹⁸ Celjske novine. 1848. 29.XI.
- ⁹⁹ Slovenija. 1848. 5, 8.XII.
- ¹⁰⁰ Malle A. Die slowenische Presse in Kärnten. 1848–1900. Klagenfurt (Celovec), 1979. S. 16.
- ¹⁰¹ Slovenija. 1848. 22.XII.
- ¹⁰² Ibid. 13.XII.
- ¹⁰³ Celjske novine. 29.XI.
- ¹⁰⁴ Slovenija. 1848. 5.XII.
- ¹⁰⁵ Novice. 1848. 20.XII; Celjske novine. 1848. 22.XI.
- ¹⁰⁶ Novice. 1848. 6.XII; Slovenija. 1849. 5.I; ARS. Dež. pred. Spisi 3068, 3126, 3145.
По сообщениям полицейских комиссариатов Крайны и Каринтии это событие не произвело большого впечатления на население провинций.
- ¹⁰⁷ Verhandlungen des österreichischen Reichstags nach der stenographischen Aufnahme. Wien, 1970. Bd. IV. S. 306; Novice. 1848. 15.XI; Bax M. История австрийской революции 1848 г. М.–Л., 1923. C. 627.
- ¹⁰⁸ Ibid. Bd. IV. S. 306–308.
- ¹⁰⁹ Apih J. Op. cit. S. 248.
- ¹¹⁰ Novice. 1849. 17.I.
- ¹¹¹ Verhandlungen... Bd. IV. S. 321–322.
- ¹¹² Ibid. Bd. IV. S. 316.
- ¹¹³ Apih J. Op. cit. S. 248.
- ¹¹⁴ Verhandlungen... Bd. V. S. 144.
- ¹¹⁵ Apih J. Op. cit. S. 251–252.

- 116 Verhandlungen... Bd. V. S. 171, 259–263.
- 117 *Apfh J. Op. cit. S. 249.*
- 118 Ibid. S. 154; SBL I. S. 438.
- 119 Narodna in univerzitetna knjižnjica v Ljubljani. Rokopisna zbirka. Bleiweis J. Korespondenca.
- 120 Celjske slovenske novine. 1848. 27.IX.
- 121 Ibid. 3.X.
- 122 *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Ljubljana, 1955–1966. Zv. I–II. S. 252–253.*
- 123 Подробнее см.: Кирилина Л.А. Роль духовенства в словенском национальном Возрождении и в 1848 г. // Церковь в истории славянских народов. Балканские исследования. М., 1997. Вып. 17.
- 124 Verhandlungen... Bd. IV. S. 569.
- 125 Ibid. Bd. IV. S. 538–539; Novice. 1849. 31.I.
- 126 Ibid. Bd.V. S. 339.
- 127 Novice. 1849. 7.III.
- 128 *Springer A. Protokolle des Verfassungs Ausschusses im österreichischen Reichstage 1848–1849. Leipzig, 1885. S. 12–13.*
- 129 Ibid. S. 23–24.
- 130 Ibid. S. 37–38.
- 131 Celjske novine. 1848. 20.XII.
- 132 *Springer A. Protokolle... S. 14.*
- 133 Ibid. S. 25.
- 134 Ibid. S. 141.
- 135 Slovenija. 1849. 9.III.
- 136 *Springer A. Protokolle... S. 82.*
- 137 Ibid. S. 185.
- 138 Ibid. S. 188.
- 139 Ibid. S. 201.
- 140 Ibid. S. 206–207.
- 141 Ibid. S. 201.
- 142 Ibid. S. 206.
- 143 Novice. 1849. 7.III.
- 144 Ibid. 1849. 14.III.
- 145 Slovene novine. 1849. 8, 15.III.
- 146 Slovenija. 1849. 20.III.
- 147 Ibid. 27.III.

- ¹⁴⁸ Terstenjak Muršcu (16.III.1849) // *Ilešič F. Korespondenca...* S. 78–79.
- ¹⁴⁹ Ibid. S. 103. Caf Muršcu (18.III.1849)
- ¹⁵⁰ Slovenija. 1849. 13.III.
- ¹⁵¹ Ibid. 1849. 10.IV.
- ¹⁵² Priročniki in Karte o organizacijski strukturi do 1918. Graz–Klagenfurt–Ljubljana–Gorizia–Trieste, 1988. S. 93; Slovenija. 1849. 3.VII.
- ¹⁵³ Slovenija. 1849. 3.VII.
- ¹⁵⁴ Ibid. 1849. 20.VII.
- ¹⁵⁵ Ibid. 1849. 20.IV.
- ¹⁵⁶ Ibid. 1849. 29.V.
- ¹⁵⁷ Slavjanski Rodoljub. 1849. 28.V.
- ¹⁵⁸ Slovenija. 1850. 29.III.
- ¹⁵⁹ Slovenske novine. 1849. 24.V.
- ¹⁶⁰ Письмо от 24.III.1850 // *Ilešič F. Korespondenca...* S. 236.
- ¹⁶¹ Ibid. S. 116. Majar Muršcu (2.IV.1850).
- ¹⁶² Ibid. S. 103. Caf Muršcu (18.III.1849).
- ¹⁶³ Slovenija. 1849. 4.V; 19.X; 1850. 1, 15.II.
- ¹⁶⁴ Čurkina I.V. Matija Majar-Ziljski // *Razprave VIII/2. Ljubljana, 1974.* S. 113; Slovenija. 1849. 4, 7.XII.
- ¹⁶⁵ Чуркина И.В. Революция 1848–1849 г. в югославянских землях Австрии//На путях к Юго-славии: за и против. М., 1997. С. 55.
- ¹⁶⁶ Slovenija. 1849. 6.II.
- ¹⁶⁷ Slovenija. 1849. 9.III.
- ¹⁶⁸ Springer A. Protokolle..S. 349 (выступление от 28.II.1849).
- ¹⁶⁹ Slovenija. 1849. 24.VIII.
- ¹⁷⁰ Ibid. 1849. 22.VI; 27.II.
- ¹⁷¹ Ibid. 1849. 22.VI.
- ¹⁷² Ibid. 1849. 27.II; 30.III.
- ¹⁷³ Ibid. 1849. 1, 15.VII.
- ¹⁷⁴ Ibid. 1849. 29.VII.
- ¹⁷⁵ Ibid. 1849. 24, 27.VII.
- ¹⁷⁶ Ibid. 1849. 11, 14.XII.
- ¹⁷⁷ Majar Muršcu (2.IV.1850) // *Ilešič F. Korespondenca...* S. 117.
- ¹⁷⁸ Ibid. S. 113. Majar Muršcu (7.XII.1849).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начавшаяся в марте 1848 г. в Австрийской империи революция всколыхнула общественно-политическую активность всех слоев населения словенских земель.

Первый период революции (март – начало июня) был отмечен в Словении подъемом национального и крестьянского движений. Крестьянские выступления достигли пика в марте – апреле 1848 г., далее же, вследствие уступок правительства, крестьянское движение приняло более мирные формы. Уже весной 1848 г. в словенских землях обозначился разрыв между крестьянским и национальным движением, каждое из которых развивалось своим путем. Причиной этого было, с одной стороны, игнорирование словенскими национальными деятелями крестьянского требования отмены феодальных повинностей без выкупа, а с другой – неразвитость национального самосознания крестьян. Деятели словенского национального движения осуждали крестьянские восстания и призывали крестьян продолжать выполнять феодальные повинности.

На начальном этапе революции в словенском национальном движении начали политически оформляться два крыла – либеральное и консервативное. Либералами была создана программа Объединенной Словении – первая национально-политическая программа словенцев, которая на многие десятилетия определила основные задачи словенского национального движения. В Вене, Граце и Любляне образовались первые словенские политические общества, главную роль в которых вначале играли либералы. О популярности их идей в это время свидетельствует то, что в мае–июне некоторые консерваторы временно приняли либеральную программу и вступили в словенские общества.

Весной 1848 г. в среде словенских либералов начали распространяться идеи югославизма и австрославизма. Борьба за и против Франкфуртского национального собрания, подавление Пражского восстания правительственными войсками и антиславянские выступления немецкой прессы способствовали росту антинемецких настроений у словенских национальных деятелей.

На втором этапе революции (июнь–октябрь 1848 г.) усилились австрославистские и югославистские настроения среди словенских деятелей. Словенские либералы поддержали разработанную чехами австрофедералистскую программу. В словенскую национальную программу М. Маяром и Й. Крайнцем был внесен ряд новых положений.

Летом 1848 г. на заседаниях австрийского рейхстага был поднят вопрос об отмене феодальных повинностей. Среди словенских национальных деятелей наметились три различные позиции по отношению к аграрной реформе: консервативная, либеральная и демократическая. Большинство консерваторов считали необходимой отмену феодальных повинностей за выкуп, который должны были выплачивать в основном сами крестьяне. Некоторые либералы (М. Кавич, Я. Церер), признавая законность выкупа, основную тяжесть его выплаты стремились переложить на государство. Демократическое требование отмены феодальных повинностей без выкупа выдвинули депутат рейхстага А. Черне и штирийский либерал С. Кочевар. Однако вряд ли можно сказать, что в словенском национальном движении в 1848 г. выделилось демократическое направление. Патриотов, стоявших на демократических позициях по крестьянскому вопросу, были единицы. В национальном вопросе они проявили себя как либералы. Ему они придавали значительно большее значение, чем социальному и экономическому. Характерно, что никто из словенских либералов не включил в свою политическую программу никаких социально-экономических требований. Вместе с тем проявление демократической тенденции в либеральном течении по вопросу об отмене феодальных повинностей свидетельствует о том, что летом – в начале осени 1848 г. словенское национальное движение поднялось на новую ступень политической зрелости.

Попытка некоторых словенских либералов объединить национальный вопрос с социальным, привлечь крестьян к национальному движению осязаемого успеха в 1848 г. не имела. Однако в словенской либеральной среде росло понимание того, что без широкой поддержки народа национальное движение не сможет развиваться успешно. Тогда были сделаны первые шаги на пути к последующему сближению крестьянского и национального движений, осуществившемуся уже в 1860-е годы. Летом 1848 г. крестьянское движение в основном вошло в легальное русло, а после провозглашения императорского Манифеста об отмене феодальных повинностей практически сошло на нет.

В период Октябрьского восстания в Вене, ставшего вершиной австрийской революции, с особой силой проявился славяно-немецкий антаго-

низм. В октябре 1848 г. достигла своего апогея и конфронтация в словенском национальном движении. Некоторые словенские депутаты рейхстага приняли участие в Венском восстании, вызвав этим резкое осуждение и травлю со стороны большинства словенских национальных деятелей. Почти все они, вслед за чешскими и хорватскими либералами, восприняли восстание в Вене как «бунт против славян», угрожающий распадом империи и крахом их национальных чаяний. Разгром Октябрьского восстания они сочли победой австрийского славянства, ошибочно полагая, что теперь австрийские власти пойдут на удовлетворение их требований.

В период наступления реакции (ноябрь 1848 – начало марта 1849 г.) словенское национальное движение, на наш взгляд, переживало период некоторого подъема. Вершиной развития национально-политической мысли словенцев в 1848 г. явилась выдвинутая М. Маяром программа образования славянской федерации в рамках Австрийской империи. Объединенная Словения мыслилась как составная часть этой федерации. Требование Объединенной Словении выдвигали в январе 1849 г. словенские депутаты рейхстага М. Кавич и Й. Крайниц. Национальное движение в конце 1848 г. распространялось вширь, увеличилось число словенских обществ и их членов.

На этом этапе усилилась консервативная направленность в словенском национальном движении. Большинство национальных деятелей постепенно отказались от идеи Объединенной Словении, заменив ее более реальным и умеренным требованием национального равноправия. Политическая деятельность словенских обществ к концу указанного периода затихла. Позиции либералов и консерваторов сблизились. Понимая, что революция завершается, словенские национальные деятели выразили готовность пожертвовать своими наиболее радикальными национально-политическими требованиями ради достижения хотя бы минимума национальных прав.

В ходе революции взгляды консерваторов претерпели определенную эволюцию. Расширился их политический кругозор, и они на некоторое время приняли программу Объединенной Словении, откликнувшись на идеи славянской взаимности. Словенские национальные деятели получили первый опыт участия в политической жизни страны. За революционный год существенно распространилось вширь словенское национальное движение. Все это свидетельствует об определенном подъеме уровня национального самосознания словенцев.

Политические направления в словенском национальном движении в 1848–1849 гг. еще не оформились окончательно. Национально-политическое движение словенцев развивалось под сильным воздействием чешских и хорватских программ, имело те же австрославистские и югославистские тенденции. Однако программа Объединенной Словении не содержала, в отличие от них, никаких социально-экономических требований. Характерно, что в 1848 г. в Словении не сложилось единого национального центра, словенские общества не достигли координации своей политики. Словенское национально-политическое движение вступило лишь в начальную фазу своего формирования, отставая от польского, чешского, хорватского, сербского.

Национальное движение словенцев в 1848 г. нельзя охарактеризовать однозначно, в нем переплетались, как, впрочем, и во всей австрийской революции, прогрессивные и консервативные черты. С одной стороны, словенские либералы выдвигали требование объединения Словении и преобразования Австрийской империи в конституционное государство, в федерацию равноправных народов на основе этнического принципа. С другой – они с враждебностью относились к освободительным и объединительным движениям австрийских народов, стремившихся к образованию независимых национальных государств. Главным критерием оценки словенскими деятелями национальных движений других народов было их отношение к вопросу о сохранении целостности австрийского государства.

Революция 1848 г. дала словенскому народу освобождение от феодального гнета, создала более благоприятные предпосылки для развития экономики словенских земель. Словенское национальное движение вступило в новый этап своего развития, перешло от просветительства к политической борьбе за права своего народа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. СЛОВЕНЦЫ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848–1849 гг.	8
Глава II. НАЦИОНАЛЬНОЕ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЛОВЕНИИ В МАРТЕ– ИЮНЕ 1848 г.	24
1. Народные выступления в марте–июне 1848 г.	24
2. Создание программы Объединенной Словении	33
3. Выборы во Франкфуртское собрание и словенские национальные деятели	46
4. Идеи славянской взаимности у словенцев. Славянский съезд в Праге	57
Глава III. СЛОВЕНСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИЮНЕ–СЕНТЯБРЕ 1848 г.	72
1. Выборы в австрийский рейхstag в словенских землях	73
2. Обсуждение крестьянского вопроса в рейхстаге и в словенских областях	84
3. Постановка словенскими либералами национального вопроса	103
Глава IV. ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В ВЕНЕ. СЛОВЕНЦЫ В ПЕРИОД НАСТУПЛЕНИЯ РЕАКЦИИ (НОЯБРЬ 1848 г. – МАРТ 1849 г.)	120
1. Словенские национальные деятели и Октябрьское восстание в Вене	120
2. Национальная программа и деятельность словенских обществ	126
3. Словенские депутаты в рейхстаге в Кромержиже	136
4. Национальное движение в Словении после опубликования октроированной конституции	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156

Научное издание

Л.А. Кирилина

СЛОВЕНЦЫ И РЕВОЛЮЦИЯ

1848–1849 гг.

Монография подготовлена к печати
редакционно-издательским отделом
Института славяноведения РАН

Оригинал-макет — С. Карасев

ИД №010574 от 17 апреля 2000 г.

Подписано в печать 27.06.2000 г.
Печ.л. 10.4 Тираж 300 экз. Заказ № 94
Цена договорная

Л.А.КИРИЛЛА СЛОВЕНЦЫ И РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 ГГ.